

Глеб ЧУГУНОВ

*Светлой памяти земляков,
воинов 312-й стрелковой дивизии,
защитивших Москву, - посвящаю*

ГОРЬКАЯ ОСЕНЬ СОРОК ПЕРВОГО

Историко-документальный очерк

Издательский дом «Арсенал»

г. Актобе, 2010г.

ГОРЬКАЯ ОСЕНЬ СОРОК ПЕРВОГО

Историко-документальный очерк

Чугунов Глеб Иванович, 1962 года рождения, уроженец г.Сорочинска Оренбургской области. 35 лет прожил в Актюбинске.

В процессе поисковых работ автор исследовал боевой путь 312-й стрелковой дивизии, сформированной в 1941 году в Актюбинске. И пришел к выводу, что актюбинская дивизия в 1941 году под Москвой совершила бессмертный подвиг, который по своему значению и сути нисколько не уступает подвигу 316-й дивизии И.В.Панфилова. Цель написания книги: увековечение памяти погибших защитников Родины, создание краеведческого пособия для молодежи, интересующейся историей Отечества.

Материалы, которые собрал автор в Центральном архиве Министерства обороны РФ, в музеях боевой славы, беседах с ветеранами и непосредственно на местах боев дивизии, уникальны. А издание книги это попытка первого обобщения накопленного - ликвидации одного из белых пятен в истории Великой Отечественной войны.

Текст книги дан в авторской редакции

Технический редактор Д.Буза

Подписано в печать 10. 03. 2010

Формат 60x90 1/16

Печать офсетная. Усл. печ. л. 5.125

Тираж 500 экз. Заказ №171

Автор весьма признателен своим современникам, оказавшим
неоценимую помощь в создании этого очерка.

Считаю нужным в заключение назвать имена этих благородных людей. Это:

Владимир Капитонович Михайлов (г. Актобе); Саня Мусаевна Калдыгулова (г.Актобе);
Сергей Михайлович Жданов (г.Берлин); Олег Михайлович Припадчев (г.Актобе);
Анна Валентиновна Болотина (п.Парфино Новгородской обл.);
Владимир Васильевич Рыбак (г.Магнитогорск); Владимир Владимирович Сысоев (г.Калуга);
Павел Федорович Карпенко (г.Актобе); Галина Ивановна Брагина (г.Актобе);
Венера Юсуфжановна Ибрагимова (г.Актобе); Ирина Николаевна Швец (г. Оренбург)

Отпечатано в типографии Издательского дома «Арсенал»

030000, г.Актобе, ул.Есет-батыра, 99, тел. 8 (7132) 56-79-79

*Вы жили под бомбами, вы плыли в понтонах.
Мальчишки зеленые в рубашках зеленых.
Теперь вы зарыты в земле изувеченной,
Спасенной земле, и придумывать нечего.
Вы просто убиты...*

М.Цыганков

МЫ ЖИВЁМ НА ЗЕМЛЕ, ОЗАРЁННОЙ СОЛДАТСКИМ ПОДВИГОМ

Особую актуальность теме Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 г.г., которой посвящена книга, придает 65–летие Великой Победы. Эта дата связывает народы бывшего СССР гораздо прочнее, чем любые экономические и гуманитарные отношения.

Нас всех объединяет светлая память о воинах, отдавших жизнь за свободу когда-то единого Отечества. Как сказал великий Суворов, война не окончена, пока не похоронен последний, погибший в ней солдат. Нельзя предать забвению ратный труд, как невозможно скрыть правду под ржавым налетом пропагандистской лжи, долгие годы покрывающим подвиг казахстанской 312–й стрелковой дивизии.

Пятнадцать лет назад, Глеб Чугунов, летчик и журналист, увлеченный «... *страстным желанием знать правду*» о войне, поставил перед собой непостижимую, на первый взгляд, цель – «...*доподлинно узнать о трагической судьбе земляков – актюбинцев, polegших на полях боев в первый год войны*». Им овладело вполне понятное человеческое стремление узнать о той войне «...*не из выходящих цензурой газет*» и «*идеологически выверенных многотомных энциклопедий...*», а из первых уст, из первоисточников, которые «...*долгие годы были засекречены*».

Автор сумел не только успешно преодолеть догмы официальной военной историографии, но и устоять перед авторитетом больших имен в ортодоксальной советской исторической науке. Это позволило выстроить оригинальную фактуру повествования. От большинства современных изданий о войне книга отличается свежестью мысли, самостоятельностью концепции и мастерством литературного стиля.

В очерке присутствует увлекательная интрига для читателя, созданы запоминающиеся образы воинов. Вечно голодные и плохо вооруженные красноармейцы, несмотря на панику и неразбериху первых дней войны, казалось бы, чудом устояли перед уверенным и наглым, вооруженным новейшим автоматическим оружием, врагом.

Хотя, и автор аргументировано доказывает это, чуда никакого не было, и быть не могло. Вопреки всем канонам военного искусства, фактически необстрелянные и не имеющие боевого опыта, части 312–й стрелковой дивизии, совсем еще «зеленые» мальчишки – курсанты Подольского пехотного училища доказали миру про-

стую истину, о которую во все времена спотыкаются захватчики – народ, защищающий свою родную землю, победить невозможно.

Опираясь на неопубликованные ранее материалы Центрального архива Министерства обороны РФ, писателю удалось по разрозненным крупичкам собрать исторические факты, восстановить славный боевой путь дивизии. Он упорно трудился над сюжетом, дополняя скупые сведения из выцветших архивных документов яркими, образными воспоминаниями еще живых ветеранов.

Неутомимый исследователь, Глеб Чугунов своими ногами прошагал всю бывшую линию обороны Москвы. С поисковым отрядом таких же, как он, увлеченных и неравнодушных людей, автор сумел восстановить хронику осенних событий 1941 года.

Сегодня не осталось в живых ни одного солдата и офицера дивизии, участника тех событий. Достоинство книги в том, что она убедительно раскрывает нам, современникам, удивительные человеческие характеры военной поры. Рассказ о боевом пути легендарного командира дивизии, Александра Федоровича Наумова, органично дополняют воспоминания генерала, с которым лично встретился автор.

Труд Глеба Чугунова выходит далеко за рамки частного повествования. Правда о событиях *«горькой осени сорок первого»* очень нужна всем нам, ныне живущим на пространстве бывшего СССР. Ведь во многих семьях есть погибшие или пропавшие без вести на фронтах той страшной войны.

Автор, возможно, сам того не ведая, ставит перед читателем философские вопросы, которые и сегодня волнуют молодых людей, вступающих в жизнь. Об ответственности за исторический путь Родины, брэнности человеческого бытия, хрупкости окружающего нас мира и величии солдатского подвига.

*Анатолий Прусс, кандидат
исторических наук, доцент,
лауреат литературной
премии имени П.И. Рычкова*

Вместо предисловия. **ПОСЛЕДНИЙ ВЗВОД**

23 октября 1941 года на командном пункте 312-й стрелковой дивизии в шестидесяти километрах от Москвы людей оставалось немного. Командир дивизии полковник Наумов, группа командиров, да три десятка бойцов. Канонада артиллерийско-пулеметного огня, доносившаяся от Варшавского шоссе напоминала о том, что с русской столицей гитлеровцы, несмотря на колоссальные усилия, все еще не покончили. Они так и не сумели ворваться в нее. Хотя, в том, что в ближайшие дни они вновь попытаются это сделать, никто не сомневался.

Дивизии по сути уже не было. Она полегла за две недели жестоких боев. На последнем подмосковном рубеже теперь держал оборону только ее штаб и последний взвод

1079-го стрелкового полка. Лучшего полка дивизии. Этот полк еще сегодня утром своими остатками сражался в прямой видимости отсюда, внизу за рекой Нара, не сдавая оккупантам Орехово. Последнее перед административной границей Московской области село. Но к обеду, и там, у горящих домов, все стихло. А часа два назад уцелевшие бойцы принесли на самодельных носилках тело командира полка – подполковника Буркова. Его похоронили неподалеку – за оградой разрушенной церкви. Предали земле по-солдатски скромно. Без прощальных речей, салюта и поминальной трапезы. Так, как хоронят в промежутках между боями. У могилы свято поклялись отомстить за эту смерть в последнем для всех бою. А таковой, кажется, уже назрел: из ближнего лесочка вновь загрохотали выстрелы. Бледный с воспаленными от хронического недосыпания глазами полковник Наумов положил локти на бруствер, покрутил окуляры бинокля, наблюдая за прорвавшимся передовым отрядом немецкого батальона или полка. И отдал приказание стоящему за спиной старшему батальонному комиссару:

– Все, кто в живых, - к бою! Пусть принесут и мне автомат.

Солдаты, в «мышинного» цвета шинелях, выскочив из леса на открытую местность, опасливо приближались короткими перебежками. Полковник неторопливо пристроил перед собой принесенный автомат, уперев его круглым диском в землю. Взвел боевую пружину затвора. Сунул руку в кобуру и снял пистолет с предохранителя. Потом обвел взглядом своих изготовившихся к стрельбе бойцов и, вздохнув, тряхнул головой. Страху не было – в непрерывных боях, ежедневно приносящих огромные человеческие потери, он, как и все на этом рубеже, просто устал бояться. По привычке спокойно подумал: «ну, вот, похоже, пришел и наш последний час. И за это оккупанты дорого заплатят. Так же, как платили за каждого убитого ими солдата дивизии. Обычной на войне ценой – собственных жизней».

Прикинув на глаз расстояние до подходящих все ближе гитлеровцев, Наумов еще раз с удовлетворением оценил место, выбранное накануне для КП: «все видно, как на ладони! Отсюда, с возвышенности, можно сразу бить и по последним в наступающей группе фашистам. Чтоб не убежали назад, не уклонились от боя. Пусть знают, сволочи, что мы отсюда уже никуда не уйдем...».

Эти мысли промелькнули в голове безо всякой патетики. Как что-то, само собой разумеющееся. Как констатация естественного и неотъемлемого права человека: жить на своей земле и умирать. Он тщательно прицелился и, зная, что все внимание его весьма немногочисленной теперь дивизии по-прежнему приковано к нему, первым нажал спуск.

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ

Трудно сказать, что нас привело тогда, в 1991-м, в год эпохального политического и экономического развала СССР, в подмосковный Подольск, в читальный зал центрального архива министерства обороны. Должно быть, жажда. Или страстное желание знать правду. О старшем поколении. Нет, не о том, что встретило тоталь-

ный кризис советской политической системы в кабинетах власти. И рассуждает теперь со своей, невысокой все же колокольни, о грядущей судьбе страны. А о том, которое отстояло эту страну. В эпоху иного, более жестокого кризиса. В годы самой страшной и кровопролитной за историю человечества войны. Отстояло высочайшей ценой. Нам захотелось вдруг доподлинно узнать о трагической судьбе казахстанских земляков – актюбинцев, polegших на полях боев в первый год войны. Узнать не из выхолощенных цензурой газет. Не из таких же идеологически выверенных многотомных и многотиражных энциклопедий или кинофильмов. А из первых рук, из первоисточников. Которые долгие годы были засекречены. Либо предназначались не для широких масс. Для служебного, так сказать, пользования. А сейчас вдруг оказались бесхозными. Точнее, остались без надзора партийно–политических хозяев из больших кремлевских кабинетов.

Оказавшись впервые в столь солидном военном хранилище, мы поначалу даже растерялись от обилия его зданий, помещений, фондов и, особенно, бюрократических процедур оформления допуска к пожелтевшим от времени бумагам.

На помощь пришла сотрудник архива, Александра Петровна, энергичная молодая женщина, встретившая нас за дверьми с табличкой «Выдача описей»:

– Слушаю вас, молодые люди! Вы кто у нас будете?

Мы с коллегой, Олегом Припадчевым, переглянулись: действительно, а кто мы такие у вас будем? Представляться педагогами – как–то нелогично. Каким–таким ветром учителей сюда вдруг занесло? Ветеранами каких–либо войн, историками или журналистами мы тоже не имели чести быть.

– Красные следопыты мы! – ответил мой напарник первое, что пришло в голову. И я оценил его находчивость: лицо этой грозной на вид женщины смягчилось. К поисковикам, или к людям, занимающимся поиском и захоронением погибших солдат на местах бывлых боев, здесь относятся весьма благожелательно. Не станешь же и в самом деле объяснять, что в архив нас в столь непростое время привела почти банальная нужда: выпросить средства для организации очередной поисковой экспедиции учащихся по местам боев Великой Отечественной войны. А для этого сначала нужно было детально изучить район боевых действий дивизии, сформированной в начале войны у нас, в Актюбинске.

– Какие материалы будете заказывать?

– Дайте, пожалуйста, опись документов 312–й стрелковой дивизии.

Прошло несколько минут, прежде чем она, гремя ключами, достала из огромных железных шкафов тоненькую папочку:

– Вам какого формирования нужна триста двенадцатая, первого или второго?

– Вот те, на! А мы и не подозревали о том, что наша дивизия формировалась дважды. Ну, тогда, скорее всего, первого.

– Должна вас огорчить. Видимо, напрасно вы так далеко к нам ехали – по вашей дивизии у нас почти ничего нет. Она, ведь, разгромлена в сорок первом.

– Как это разгромлена? Совсем?!

Наверное, у нас был дурацкий вид. Но каким ему быть, если мы не знали об этом решительно ничего. В школьных классах ведь Московскую битву изучают по подвигу 28-ми героев-панфиловцев. По истории гибели отважной партизанки Зои Космодемьянской. По ночному тарану летчика Виктора Талалихина. Или по отдельным, широко известным и тщательно отобраным чиновниками от образования фактам. По зимнему победному контрнаступлению Красной Армии, наконец.

Полистав скудные записи о фондах, описях и формулярах дивизии, принимаем решение:

– Ну, что ж, давайте все, что есть! А вместе с документами дивизии и материалами по 43-й армии, Западному фронту. Не может быть, чтоб вообще ничего не было. Копать, так копать.

Тогда ваш покорный слуга, читатель, еще не подозревал, о том, что «копать» придется...полтора десятка лет. И не только в архивных хранилищах. Ведь речь в этом очерке – своего рода отчете о трудоемкой и многогранной работе под названием «поиск забытых имен» пойдет об одной из малоизвестных страниц истории Великой Отечественной.

Часть первая.

ВРЕМЯ ОДЕВАТЬ ШИНЕЛИ

*Вспомните, ребята, вспомните, ребята, –
Разве это выразить словами, –
Как они шагали от военкомата
С бритыми навечно головами!*

Д.Сухарев, В.Берковский

1. Командиры

Полковник Александр Наумов прибыл в Актюбинск 17 июля 1941 года. Еще совсем недавно, меньше месяца назад, вряд ли он мог предполагать, что его жизненные планы так переменятся. Нет, война для него, профессионального военного, не была такой уж сногшибательной новостью. Чувствовал заранее, знал: назревает она где-то там, у западных границ. Но воспринял экстренное сообщение Совинформбюро болезненно. Как жесткий удар в лицо. Так же, как приняли его миллионы советских граждан. Поэтому на днях, получив предписание сдать полномочия исполняющего обязанности командира 68-й горно-стрелковой дивизии и явиться в штаб округа за новым назначением, понял, что относительно спокойная мирная жизнь безвозвратно осталась в прошлом. А новая жизнь, жестокая, ставшая теперь реальным настоящим, ему уже не принадлежит. Она всецело принадлежит войне.

И только войне. Другого судьбой ему, 43-летнему полковнику РККА,¹ не дано.

В Ташкенте Наумову вручили приказ командующего Среднеазиатским военным округом, согласно которому на территории Казахстана – в Алма-Ате и Актюбинске, надлежало сформировать две дивизии полного состава. Командиром одной из них, 316-й, назначался военный комиссар Киргизской ССР генерал-майор И.В.Панфилов. В командование второй должен был вступить он, Наумов.

Но в эти дни, на макушке лета, дивизии еще не было. Она существовала пока только на бумаге. Наяву имелись лишь назначенные в нее командиры, политработники и интенданты, прибывшие вместе с ним сегодня, а также несколько сотен мобилизованных бойцов.

Кто же он все-таки такой, Александр Федорович Наумов, человек, которому выпало стать первым и последним командиром 312-й стрелковой?²

Родился в городе Акмолинске (позже – Целиноград, Акмола, ныне столица Казахстана – Астана), в семье сибирского казака. Отец рано ушел из жизни. Поэтому в семье, где без кормильца осталось шестеро детей, едва ли можно было мечтать о сколь-нибудь серьезном образовании. Закончив только три школьных класса, Александр вынужден был пойти работать. Приказчиком и даже...педагогом. Да, именно так: обучал казахских детей русскому языку. Здесь же при школе удалось экстерном сдать экзамен за шесть классов. Потом род занятий определила война. Юность поколения, к которому принадлежал комдив, окончилась в окопах первой мировой. И во многом его биография была типична для тех, кто теперь командовал полками, дивизиями, армиями, а то и фронтами.

На фронт впервые попал добровольцем. Третий год бесперспективно затянувшейся войны создал дефицит командных кадров на передовой. Если солдатскую массу можно было восполнять почти безгранично – велика Россия, то младших офицеров, чаще штабистов выбывающих из строя, готовили уже наспех. Из мало-мальски грамотной молодежи. Так, в 1916-м, после окончания краткосрочной школы прапорщиков 18-летний Александр впервые примерил офицерские погоны. Правда, по-настоящему стать офицером пришлось несколько позже – в боях. Первые боевые отличия: «аннинская» шашка³ и орден «Святой Георгий» 4-й степени стали в жизни самыми дорогими. Особенно «георгиевский крест», который получил при весьма любопытных обстоятельствах.

В декабре 1917-го командир казачьей сотни хорунжий⁴ Наумов за уничтожение германской заставы заслуживал весомой награды. Да вот беда: царские награды, как и знаки различия, революционная власть под предлогом демократизации армии поторопилась упразднить⁵. По Резолюции 1-го съезда Северного фронта от 20 декабря 1917 года они даже подлежали уничтожению! Настолько велика была ненависть большевиков к защитникам прежней власти. А новых наград еще и в помине не было. Как же быть? Выход нашли те, кто больше политиков ценил воинскую доблесть – по категоричному решению казачьего полкового комитета Наумову был таки вручен этот «старый» орден.

1. Рабоче-Крестьянская Красная Армия.

2. Имеется в виду 312 стрелковая дивизия 1-го формирования.

3. Наградное холодное оружие с орденом «Святая Анна» на эфесе.

4. Этот казачий чин примерно соответствует современному воинскому званию «лейтенант».

5. Декрет Совета Народных Комиссаров от 16 декабря 1917 г.

В январе 1918 года добровольно вступил в Красную Армию. Принял под командование кавалерийский эскадрон, затем – стрелковую роту. Боролся с польскими интервентами, потом – с басмачеством. Красному командиру тогда ведь трудно было остаться без дела.

В апреле 1920–го, в 22–летнем возрасте, стал командиром стрелковой бригады.¹ Война! Она, смертельная, всегда рождает полководцев.

В мирном уже, 1926–м, закончил Высшую школу востоковедения РККА. И без малого два десятка лет занимался любимившейся с юных лет педагогикой – руководил школой подготовки командного состава.

В 1934 году защитил диплом заочного отделения Военной академии им. М.В.Фрунзе.

Дивизией Наумов командовал недолго, с декабря сорокового. И вот теперь, когда бои шли уже в Смоленске и под Киевом, ему в тыловом Актюбинске – маленьком казахстанском областном центре с 50–тысячным населением – предстояло формировать новую дивизию. А времени на это почти не оставалось.

«Отцу довелось в одной войне участвовать, в русско–японской, а мне...уж третью воевать», – невесело подытожил в мыслях Наумов и, решительно отбросив воспоминания, взялся за дело.

Дивизия полного состава это 14,5 тысячи человек. Мобилизации подлежали военнообязанные, в основном 1905–18 годов рождения. Начинать следовало с приказа. Он остро очинил карандаш и вывел на листе бумаги первые строчки:

Сего числа прибл...и приступил к формированию 312–й стрелковой дивизии...

Комплектование частей и подразделений дивизии, возлагалось на их команди-ров. А таковых предстояло назначить прямо сейчас. В первом своем приказе.

а) Управление дивизии.

Впредь, до прибытия начальника штаба майора Нетесова, врид (временно исполняющий должность) – начальник оперативного отдела капитан Яиров.²

Этого человека Наумов хорошо знал по совместной службе в 68–й дивизии. Ценил за способность работать спокойно, грамотно и, главное, толково, в любой обстановке. Знал и о том, что при необходимости тот сумеет заменить командира полка.

б) 1079 стрелковый полк. Командир – подполковник Бурков.³

Это был тоже один из прежних его сослуживцев. В чьем профессионализме полковник был уверен. А кроме служебных отношений их связывала и дружба. Поэтому такому назначению Наумов был откровенно рад. Конечно, самому комдиву хотелось бы попасть на фронт именно с той, недавно оставленной им дивизией, кадровой, хорошо оснащенной, имеющей неплохую выучку. Но, в то же время, он прекрасно понимал, что при нужде командовать ею сможет и кто–либо другой. К примеру, начальник штаба или командир одного из ее полков. А ему, командиру с боевым опытом и академическими знаниями, наверное, под силу и такая, сформированная из запаса

1. В бригаде – два стрелковых полка. Комбригов в 1940–м аттестовали в полковники или генерал–майоры.

2. Капитан В. М. Яиров ранен 16 октября 1941 года в бою за высоту у деревни Березовка.

3. Подполковник А. А. Бурков погиб 23 октября 1941 года в оборонительном бою за деревню Орехово.

часть. Так что свое новое назначение Александр Федорович воспринимал как должную, вполне обоснованную, с точки зрения военного времени, меру.

в) 1081 стрелковый полк – подполковник Андрусенко.¹

«Тоже – кадровый, должности командира полка соответствует», – с удовлетворением отметил Наумов, выведя на бумаге его фамилию.

з) 1083 стрелковый полк – капитан Автандилов.²

Здесь рука комдива непроизвольно дрогнула. Это заметно даже по стилю написания документа. Отложив карандаш в сторону, он призадумался. И было от чего ему, читатель, задуматься! Война отсчитывала только первые свои недели, а в командование полками уже вступали... капитаны. Причем, не в пылу боев на передовой, когда старшего командного состава просто не было под рукой, а в далеком тылу! На формировании. Не хочется лишний раз напоминать о причинах – они хорошо известны: 1937 год. И не только он...

Наше послевоенное поколение с нежного возраста школьные историки приобщали к тому, что авторами многих советских побед становились молодые, иногда даже юные военачальники. Очень яркими в этом ряду выглядят судьбы Аркадия Гайдара³, Михаила Тухачевского или, скажем, Василия Блюхера. Однако за школьными партами мы редко задумывались, ценой каких людских потерь доставались эти победы.

«Военный талант у Автандилова, несомненно, есть. Перспективен – тоже сомневаться не приходится. Но до назначения был всего лишь помощником командира кавалерийского полка. Его бы для начала попробовать в роли начштаба, – размышлял Наумов. – Но, где сейчас найдешь готового комполка? И кому на это пожалуешься? Об этом можно только думать. Молча. Ладно, справится Автандилов. Справится – и точка! А на первых порах придется ему помочь».

д) 859 артиллерийский полк – капитан Волошин.⁴

599 саперный батальон – капитан Н.В.Путенков⁵ и начальник инженерной службы дивизии – майор М.Е.Добрынин.⁶

764 отдельный батальон связи – капитан Лаврентьев.

244 отдельный медико-санитарный батальон – военврач 3 ранга Бескин и начальник санитарной службы дивизии – военврач 2 ранга Шопен.⁷

Вот пока и все. Остальные части сформированы будут позже, по отдельному распоряжению. А в конце приказа напишет А.Ф.Наумов такие, весьма характерные для тех тревожных дней слова:

...С первого дня поступления рядового и младшего комсостава организовать учебные занятия. В основу положить 2-месячную программу для пехоты 1940 года. Учить только тому, что нужно в бою. Ни одной минуты потерянного времени!».⁸

А его уже не хватало, времени. Катастрофически не хватало. На формирование было отведено всего две недели.

Лето на западе Казахстана – жаркое. Конец июля сорок первого тоже прохладой

1. Полковник К. М. Андрусенко после войны уволен в запас. 2. Капитан А. М. Автандилов тяжело ранен 28 декабря 1941 г. 3. Писатель А. П. Гайдар погиб в бою 26 октября 1941 года под Киевом. 4. Капитан Волошин ранен 10 октября 1941 г. 5. Капитан Н.В.Путенков погиб под бомбами 16 октября 1941 года. 6. Майор М.Е.Добрынин ранен 16 октября 1941 г. 7. Подполковник медицинской службы Шопен тяжело ранен 19 октября 1941 года. 8. Приказ по 312 сд №1 от 17 июля 1941 г. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ).

не баловал. Наумов пешком возвращался в штаб из военкомата. Так захотелось вдруг – хоть ненадолго расслабиться, между делом пройдясь по городу. Поэтому отпустил черную «эмку»¹, предупредив водителя о том, что сопровождать его не нужно. Но расслабиться все никак не удавалось – мысли снова и снова возвращали в дивизию. Мобилизацию пополнения необходимо было заканчивать. Об этом и шел у него разговор с военным комиссаром Актюбинской области – майором С.Д.Алексеевым.

«А может, оно к лучшему? – размышлял комдив, поглядывая на непрерывно палящее в безоблачном голубом небе солнце. – Люди размещаются в палатках, а раз тепло, значит, больных не будет».

Военное положение было введено в европейской части СССР. На Казахстан оно не распространялось. Но по жителям Актюбинска и без того чувствовалось напряжение. Не было обычной мирной беззаботности и веселости. Люди провожали своих родных и близких. Тех, кто сегодня вливался в дивизию.

Отмобилизованные части находились в районе пригородного села Каргалинское. Базой для расположения служили областные лагеря ОСОАВИАХИМа², пионерский лагерь. В городе размещались только склады: продовольственный – по улице Комсомольская, 50 (ныне ул. Карасай-батыра) и вещевого – по улице К.Либкнехта, 77 (теперь – ул.Шернияза Жарылгасулы), а также комплектуемые части. Город наводнили красноармейцы. Что было непривычно и несколько даже дискомфортно для местных жителей. Ведь далеко не каждый человек, одевший гимнастерку, сразу становится военным. Вот и сегодня что-то не понравилось комдиву. Наверно то, как один из шедших навстречу солдат, разглядев в его петлицах полковничьи «шпалы»³, по-заячьи нырнул в ближайший переулок. Наумов поморщился и, минуто спустя, остановил совсем еще юного на вид командира:

– Кто вы? И куда идете?

– Командир второй минометной роты 1081-го полка, лейтенант Живило! – бойко отрапортовал парень, приложив руку к пилотке. – Следую из парикмахерской – водил туда команду бойцов.

– А где ж бойцы-то? – с нотками раздражения в голосе задал очередной вопрос Наумов.

– Сержанту поручил привести, – ответил тот, краснея то ли от жары, то ли от смущения.

– Сколько вам лет, лейтенант? – неожиданно мягко спросил Наумов.

– Девятнадцать, товарищ полковник, – еще больше смущаясь, не соврал тот.

«Мать честная!» – чуть было не вырвалось у Наумова. Наверно, отличником в училище был, раз ротным назначен», – подумал он с оттенком уважения и отпустил парня. «Эх, вот с такими и придется воевать...», – в душе комдива возникло шмящее чувство отцовской жалости. Этих лейтенантов присылало на укомплектование дивизии Ташкентское пехотное училище. Нет, в качестве их подготовки Наумов не сомневался – она ведь началась еще до войны, но возраст этих ура-командиров! Двд-

1. «М-1» - первый советский легковой автомобиль.

2. Общество Содействия Обороне, АВИАционному и ХИМическому строительству - добровольная массовая организация граждан СССР в 1927-1948 годах.

3. «Шпалы» - знаки различия на военной форме одежды в виде продолговатых темно-красных эмалевых прямоугольников, четыре «шпалы» в петлице - полковник.

цать, как правило, и чуть больше. Совсем еще «зеленых» назначали адъютантами в батальонах, постарше – взводными. Да, когда-то он и сам таким же вот мальчишкой начал путь по военным дорогам, но сейчас война другая! С дальнобойной артиллерией, танками, самолетами. Все это требовало профессиональной зрелости, практики.

«Политруков к ним опытных нужно подбирать, из числа отслуживших в армии партийных кадров, – в уме прикидывал Наумов. – А если учесть национальный состав, то лучше – казахов. Они владеют родным и русским языками, при нужде сумеют объясниться и с выходцами из дальних аулов. К тому же, он знал, у народов Азии весьма развито чувство уважения к старшим. Не только по возрасту, но и чину, должности».

В штабе Наумов собрал командиров полков и комбатов. Здесь он уже не церемонился – вынуждала обстановка:

– Прекратить излишнюю трату времени в местах общественного пользования, будь то столовые, парикмахерские и прочие! Нахождение командно-начальствующего состава вне расположения своих частей должно быть разрешено только средними командирами! И не более, чем на час! – в голосе комдива звенел металл.

– Рядовой и младший комначсостав в город не увольнять, а по службе – строго по увольнительным запискам! На работу, в баню направлять только командами в сопровождении средних командиров. Гарнизонным караулам – жесткий контроль, требовать при этом безукоризненного соблюдения устава!

Нет, не одну лишь готовность умирать за Родину желал видеть в солдатах своей дивизии Наумов. Они должны были уметь, прежде всего, выживать. В боях с матерым противником. Выживать и побеждать гитлеровцев, уже овладевших Смоленском. Но больше всего он боялся вступить в бой с неподготовленной дивизией, а потому не жалел сейчас ни бойцов, ни командиров, в знойные дни отрабатывающих приемы пехотного боя.

2. Комиссары

Ивана Тананайского повестка застала дома. И, несмотря на то, что внутренне он был готов к этому, многое меняющему в жизни дню, – заявление с просьбой отправить на фронт подал уже на второй день войны – екнуло – таки сердце, когда увидел на пороге посыльного. Виду, однако, не подал, расписался в получении твердой рукой. А затем, немного погодя, успокоился и... стал собираться. Такова уж человеческая натура. Ожидание большой и неотвратимой беды всегда страшнее, нежели сам ее факт, уже свершившийся.

Все многочисленные и неотложные служебные дела сразу перестали интересовать его. Стали казаться маловажными и несущественными по сравнению с тем, ЧТО было у него впереди. Это были уже не его дела, а кого-то другого, оставшегося там, за спиной, во вчерашнем мирном прошлом.

Руководящей партийной работой Тананайский был занят сравнительно не-

1. Средние командиры – младшие офицеры. До 1943 года, т.е. до введения таких знаков различия, как погоны, понятия «офицер» в Красной Армии не существовало.

давно – третий год. Раньше его больше привлекала стезя непосредственного организатора производства. Когда работал старшим машинистом, начальником ТЭЦ Актюбинского химического комбината (г.Алга). Но бурное довоенное развитие промышленности области, неизбежно связанная с ним нехватка партийных кадров и усугубившая ее массовая репрессивная чистка партаппарата конца тридцатых годов предопределили будущее. Немалую роль, конечно, сыграли личные организаторские способности, умение и желание работать с людьми. Поэтому, став инструктором промышленного отдела обкома партии, Тананайский, к своим тридцати годам, можно сказать, преуспевал. В динамике карьерного роста. Но теперь война...

Иван Васильевич поймал себя на мысли, что в последние дни ему как-то неуютно иной раз становилось под взглядами прохожих, неприязненно скользящими по его рослой фигуре: что, мол, такой здоровенный мужик сейчас в тылу делает? И хотя война шла всего-то немногим больше месяца, положение на фронтах менялось в худшую сторону с такой безнадежной быстротой, что время измерялось уже не днями или часами – числом людей, уходящих на передний край. А их, мобилизованных, с каждым днем становилось все больше. «Ничего. За то теперь он будет прямо людям в глаза смотреть. Не отводя взгляда. Так, как смотрел всегда, в мирное время. А моральное право на это он вновь сейчас обрел. Вместе вот с этим клочком бумаги, именуемым «ПОВЕСТКА».

В те дни Актюбинским областным военным комиссариатом были направлены для укомплектования частей и подразделений 312-й стрелковой дивизии *6654 жителя Актюбинской области*. Сюда же стекались мобилизованные из других областей Казахской ССР: *Южно-Казахстанской (г.Чимкент) – 3264 человека, Западно-Казахстанской (г.Уральск) – 1700 человек, Гурьевской – 691, Кзыл-Ординской – 450, Джамбульской.*

Удостоверившись в который раз, больше по привычке, нежели по необходимости, что дата явки в повестке – 30 июля 1941 года, Тананайский шагнул к дверям военкомата, но их уже открыл кто-то изнутри.

–Иван! – перед ним в военной форме стоял тезка и старый друг еще со времен работы в Ключевом (позже Алгинском) райкоме партии – Пацаев. Они с удовольствием потискались друг друга в объятьях, а Иван Пантелеевич перешел сразу к делу:

–Слушай, Ваня, давай к нам, в зенитчики! Тебе ведь без разницы сейчас куда направят, а у нас начальствующего состава некомплект. Профессиональных артиллеристов, правда, тоже, – как кот наплакал, самих зениток – вообще не видели, но надемся, что освоим науку... по небесным фашистам стрелять.

Тананайский неопределенно пожал плечами, а Пацаев, приняв это за согласие, продолжал:

– Мы пока тут вдвоем с комиссаром «народ» в чувство приводим: кто отвык от службы, а кто вообще ее не знает. Словом, приучаем людей понемногу к дисциплине.

Утрясти вопрос о назначении в нужную часть оказалось делом несложным. Худощавый батальонный комиссар в политотделе дивизии, едва заглянув в штатный расчет 591-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона, утвердительно кивнул головой:

- Зачислим ответсекретарем ВЛКСМ – должность, как раз для политработника.
- Ваня, семья-то у тебя как? Как дети? – спросил Тананайский уже на выходе.
- В порядке семья, – не сразу ответил Пацаев. – Старшему, Вите, уже восемь, учится хорошо. Хочу, чтоб механиком стал. Или инженером. Дочка – еще ходить не начала. Попрощаться с ними только вот не успел, меня ведь из командировки повесткой вызвали, из дальнего колхоза, – его брови сдвинулись.
- Не унывай, они к тебе сюда придут, – Тананайский пожалел о своем вопросе.
- А мы еще вернемся, Иван! Вернемся, веришь?
- НАДО верить, – совладав с нахлынувшими эмоциями, незамысловато закончил разговор Пацаев. – Иначе, брат, нельзя...

Солнце жарило немилосердно, выжигая прямыми лучами и без того уже желтовато-жухлую актюбинскую степь. Батальон капитана Николая Мичурина¹ 1079-го стрелкового полка на марше подходил к стрелковому полигону. Мокрые от соленого пота гимнастерки солдат, липли к спинам. Политрук четвертой роты Александр Колесников продублировал команду ротного:

– Противогазы снять! – и от себя уже добавил: – К воде не прикасаться! Солдаты глядели на него злыми, утомленными от зноя и пыли глазами, а он про себя с удовлетворением отметил, что в строю никто не пытается украдкой приложиться к нагретому горлышку фляжки. Сам он с утра тоже не сделал еще ни глотка. Соблюдать питьевой режим на марше – ведь только правило, а выработать привычку у бойцов подчиняться любому, пусть самому жестокому приказанию – совсем другое, более важное в нынешних условиях дело. Рота должна быть управляемой. Особенно, в критических ситуациях. Только так можно выполнить боевую задачу и сохранить людей. Это Колесников понимал не хуже ротного. Хотя в душе он чувствовал себя немного виноватым перед некоторыми своими подопечными. Особенно перед теми, кто были старше его. Но, что поделаешь, сейчас ведь лето сорок первого... И суровые законы войны придуманы не им. Для себя он давно уже выработал соответствующую установку: быть примером для подчиненных, то есть, иметь не условный авторитет педагога, а настоящий, дающий моральное право приказывать. И сейчас эта установка не раз и не два срабатывала безотказно, действуя на людей магически, без лишних слов заставляя их выполнять его требования.

Смотрю на тебя, замполит, и удивляюсь, – усмехнулся командир роты лейтенант Федор Носков,² – Ты вроде молодой еще, к тому же, из запаса. А ведешь себя так, как будто всю жизнь только и делал, что ротой командовал!

1. Капитан Н.В.Мичурин погиб в октябре 1941-го в бою за деревню Машкино Малоярославецкого района Калужской области.

2. Лейтенант Ф. Носков погиб в октябре 1941 года в бою за д.Машкино.

– Об этом говорить еще рано, – резонно парировал Колесников.
– На войне, наверно, все будет не так просто...
– Что ж, ты прав, – согласился ротный. – Мы ее, нынешнюю, с тобой еще не нюхали.

Первые десять человек, между тем, залегли на огневом рубеже.

– Без команды не стрелять! – предупредил Колесников, убеждаясь, что мишени хорошо видны каждому стрелку.

– Прицел постоянный, пять выстрелов, огонь! – по артиллерийски скомандовал ротный, и бойцы ударили из винтовок вначале дружно, а затем забабыхали горохом в промежутках между щелканьем затворов.

Ротный следил за результатами стрельбы, почти не отрываясь от бинокля. Потом, сердито сплюнув, сквозь зубы процедил:

– Мажут многие... Ну–ка, глянь, политрук, особенно крайний левый.

Его мишень четырьмя выстрелами была никак не отмечена.

– Почему не попадаешь, боец? – Колесников стал позади этого белобрысого парня.

– Винтовка плохо бьет! – повернул голову стрелок и в его колючем взгляде Колесников сумел уловить скрытый вызов ему, «мучителю» на марше.

– А ну, дай–ка мне! – деловито принял вызов Колесников, сознательно ставя себя под «огонь» сотни пар солдатских глаз. Он внимательно осмотрел прицельную планку, мушку, привычным движением дослал последний патрон в патронник. Боец смотрел на него лежа на боку и хитро щурился. Дескать, сейчас мы посмотрим, что ты за фрукт, политрук! Привык, небось, на гражданке языком трепать. От имени партии. А руки не из того места растут. Колесников, закусив губу от напряжения, стоя вскинул длинную с примкнутым штыком «трехлинейку» и, едва поймав центр мишени в прорезь прицела, выстрелил.

– Десятка! – одобрительно крякнул ротный, наконец, оторвав от бровей бинокль.

– А ты говоришь, винтовка! – протягивая белобрысому оружие, упрекнул Колесников.

После стрельб этот боец подошел к нему и, запинаясь, спросил:

– Товарищ младший политрук, а вы до войны случайно не комсомольским секретарем были?

– Нет, – инструктором Осоавиахима, – ответил Колесников, усмехнувшись этой маленькой хитрости солдата, пытавшегося таким образом загладить свои промахи.

Заканчивали учебные стрельбы уже преимущественно смуглолицые казахи–степняки. Они, даже совсем неграмотные, стреляли без промахов. Это поначалу обрадовало, а потом невольно напомнило о том, что краткосрочная учеба заканчивается и до отправки на фронт остаются считанные дни.

1. Полковник Я.Э.Сировский после войны вышел в отставку и проживал в Днепрпетровске.

Комиссар дивизии Яков Сировский¹ и уполномоченный особого отдела НКВД лейтенант Иван Цибилов¹ подоспели в Жилинку вовремя. В штабе 3-го батальона 1081 стрелкового полка – низенькой, покосившейся хибаре на окраине села стояли навтыжку два красноармейца с понурыми лицами. В углу, на полу, лежали два огромных казахстанских арбуза. За чисто выскобленным столом напротив, сидел комбат капитан Берды Гуджалов, туркмен, а перед ним, энергично жестикулируя, вертелась женщина средних лет, по виду – местная колхозница. Ее украинская речь летела скороговоркой:

– Та я разве против, товарищ начшальник, хай беруть солдатики – ни жалко! Тильки совість трохи иметь надо, а то що творыться: пару узялы, а дюжину попортили. Рази так може?

Гуджалов тоже встал и вытянулся, увидев входящих. По его лицу Сировский сразу определил, что разговор был не из приятных. А самостоятельно принять решение, не поставив в известность особиста, капитан не рещался.

– Товарищ старший батальонный комиссар, утром произошло чепэ – на бахчу колхозную залезли, – кивнул он в сторону солдат.

Особист, сдвинул вперед полевую сумку, расстегнул ее и шагнул вперед, обращаясь к Сировскому не по уставу:

– Будем дело заводить, Яков Эммануилович?

– Уведите арестованных! – вместо ответа распорядился комиссар, а затем пожал руку женщине:

– Благодарю вас за бдительность, мы обязательно разберемся.

– А може нэ надо? – пятась назад, жалобно промямлила колхозница. Ее возмущение при виде решимости особиста мгновенно угасло, она уже о нем сожалела.

– Не беспокойтесь, вы правильно поступили, до свидания, – вежливо, но твердо повторил Сировский. А когда за ней закрылась дверь, объявил свое решение:

– Двое суток ареста, с содержанием на гауптвахте. Подходящую для этого яму пусть сами себе выроют, – добавил он, предупредив вопросы.

– Нам завтра с ними воевать! – укоризненно пояснил он напоследок, увидев недовольство на лице уполномоченного. Лейтенант возражать не рещился: комиссар – второй человек в дивизии и портить с ним отношения не хотелось. К тому же, это чрезвычайное происшествие на формировании было не первым. Только вчера Сировскому пришлось выяснять обстоятельства дезертирства солдата. Правда, это был единичный факт, но весьма болезненный. Особенно сейчас, когда вокруг дивизии столько женских слез. И вот, на тебе, бабушка, Юрьев день: едва прибывший боец, покинув расположение части, трое суток скрывался в городе. Его поймали. Он стоял вчера с таким же вот белым, как полотно лицом, в гражданской одежде с чужого плеча и затравленно озирался.

«Лучше бы на фронте погиб – родным было бы легче», – думал Сировский, хо-

1. Лейтенант И.П. Цибилов ранен 12 октября 1941 года в бою в районе села Старославль. Остался в строю. 23 ноября награжден орденом «Красная Звезда».

рошо зная, что ждет его по закону военного времени. Но вмешиваться не считал нужным – не тот случай.

На следующий день в Актюбинске вдруг резко похолодало и ночью...выпал снег. Старожилы не помнили такого здесь явления, как снег в конце августа. А он шел, и быстро, еще не долетая до теплой земли, таял. Богомольные старушки расценили это, как черное предзнаменование для уходящих на фронт.

3. Рядовые

В кабинете первого секретаря Актюбинского областного комитета партии Я.П.Иночкина было накурено. Яков Петрович, прежде не позволявший такой вольности ни себе, ни своим посетителям, сегодня устало махнул рукой: «Курите, чего уж там! Главное, работать без перерывов».

За длинным столом сидели, главным образом, военные. Среди них председатель облисполкома М.С.Арменков, члены бюро обкома. Докладывал полковник Наумов. Временами его поправляли, задавали вопросы.

– Итак, *личный состав дивизии по национальности. Основу составляют русские – 4460 человек, казахи – 3556, украинцы – 2012. Остальные – представители многих других национальностей. Среди которых узбеки – 212 человек, татары – 184 человека, таджики – 86, туркмены – 74, белорусы – 23 человека.*

По полученной в ходе формирования директиве штаба округа дивизия имеет сокращенный штат военного времени, что несколько облегчило нашу задачу при комплектовании. И на сегодняшний день ее фактическая общая численность составляет **ОДИННАДЦАТЬ ТЫСЯЧ ТРИСТА СОРОК СЕМЬ** человек.

Качество поступившего пополнения по военной подготовке характеризуется следующими показателями. Наумов перевернул первый листок акта об итогах формирования¹:

- *служивших в армии – 5069 человек. Это 37,8 процента;*
- *проходивших сборы при воинских частях от сорока пяти дней и выше – 442 человека, то есть, 3,2 процента;*
- *проходивших вневойсковую подготовку в ОСОАВИАХИМе – 3200 «штыков», или 24 процента;*
- *вовсе не обученных военному делу – 4684 человека, что составляет 36 процентов от общей численности!*

Наумов сделал паузу, пылливо глянув на присутствующих. Но их лица были сумрачно-непроницаемы. Все прекрасно понимали, какую нагрузку взяла на себя малонаселенная область, комплектуя целую дивизию. Полковник между тем продолжал:

– *Среди полученного контингента очень мало прибыло специалистов: минометчиков, артиллеристов. Как полевой, так и зенитной артиллерии. Также мало саперов, связистов, химиков, медиков. В итоге такого укомплектования боеспособность отде-*

1. ЦАМО РФ. Фонд 1620. Опись 1. Дело 16. Лист 3–6,10

льных подразделений в частях дивизии считаю низкой, – Наумов сделал ударение на последнем слове, глянул на областного военкома, который в ответ промолчал, красноречиво разведя руками: я, мол, сделал все, что от меня в этой ситуации зависело.

– Кроме того, в стрелковых полках полностью отсутствует малокалиберная и гаубичная артиллерия. 76-миллиметровых пушек – только половина. В медсанбате недостаток медицинских сестер и обученных санитаров на 70 процентов.

– С винтовками какое положение?– спросил Арменков, стараясь перевести разговор в иное русло. Наумов, не заглядывая в бумаги, ответил сразу:

– Винтовок и карабинов – полный комплект, однако, автоматического оружия, за исключением ручных пулеметов, нет. Остальные части специалистами укомплектованы удовлетворительно, тягловой силой, механизированным транспортом и обозом обеспечены на сто процентов. Основным недочетом в укомплектовании является большое количество необученного и не служившего в армии личного состава и, наконец, малограмотных (28,1%) и вообще неграмотных (14,2%) людей. Что создает большие трудности при подготовке.

– И все–таки, я думаю, вы должны понять и оценить,– заговорил долго молчавший до этого Иночкин, – город и область отдали в дивизию лучших людей, я повторяю – ЛУЧШИХ! Его голос звучал с надрывом – последние дни всем присутствующим давались особенно нелегко.

– У меня даже в аппарате обкома людей, по сути, не осталось. Инструкторы, заведующие отделами, помощники, секретари – большинство их мобилизованы, не знаю, с кем теперь работать!

А про себя честно подумал о том, что труднее всего придется, конечно же, не ему, а колхозникам. Кроме мужчин–кормильцев – отцов, мужей и братьев, военные из полеводческих хозяйств перед уборочной страдой бесцеремонно выгребли всю исправную технику: тракторы, автомашины и даже мотоциклы.

– Да, Яков Петрович, мы это прекрасно понимаем, – Наумов оглянулся на своего комиссара, пытаясь получить его психологическую поддержку. Но и вы должны помнить, что мы идем не траву полоть, а ВО–Е–ВАТЬ! И чем лучше качество пополнения, тем больше шансов сохранить людей, вернуть их, если не в ваши партийные кабинеты, то хотя бы семьям!

Несмотря на возникшие противоречия, обусловленные дефицитом времени и, особенно, ресурсов для выполнения поставленной перед ними задачи, они в душе хорошо понимали друг друга. Но каждый по–своему. Сквозь призму нечеловечески тяжелых проблем военного лихолетья. Через четверть века судьба вновь сведет этих, совершенно разных по характеру, людей. На юбилее Победы, в мае мирного, 1965 года. Встреча эта произойдет в подмосковном городе ученых Обнинске, где волею судьбы на заслуженном отдыхе окажутся они оба, отставники, прошедшие адское горнило войны, выжившие и победившие. Генерал–майор Наумов и полковник Иночкин. Но сейчас, в канун первой и самой

горькой военной осени, они этого знать не могли. Ведь четыре страшных года еще предстояло пережить.

4. Кто потерял знамя дивизии?

Ровно через месяц, 17 августа, за городом в месте слияния рек Илек и Каргала, 312-я стрелковая дивизия под знаменем областного комитета партии приняла боевую присягу. Стоп! А почему, собственно, под знаменем обкома, а не под боевым знаменем? – спросит дотошный читатель. И почему после войны в Актюбинске ходил слух о расформировании дивизии, просуществовавшей всего три с половиной месяца, якобы из-за утраты боевого знамени?

Задавшись целью отыскать причину подобных измышлений, автору этих строк пришлось перевернуть немало документов в центральном военном архиве. Однако, ни в одной из бумаг ни прямо, ни косвенно факт утраты знамени не подтвердился. Слух остался всего лишь слухом, не более. Тогда пришлось искать методом от противного: где, когда и при каких обстоятельствах дивизии вручалось боевое знамя? Ведь по традиции это должен был сделать представитель ставки Верховного Главнокомандования. Но, такого рода документы мне обнаружить не удалось.

Перечитывая мемуары фронтового корреспондента газеты «Правда» Бориса Полевого,¹ который больше известен читателю, как автор «Повести о настоящем человеке», я наткнулся на весьма показательную для того времени историю знамени танкового полка.

В сентябре 1941 года полк был разбит, а его остатки – несколько экипажей – вынуждены были воевать на уцелевших танках за линией фронта, в тылу противника. Когда кончилось горючее и снаряды, горстка танкистов, сохраняя знамя полка, начала пехотную партизанскую войну. А когда в живых из окруженцев никого не осталось, знамя попало в крестьянскую семью. И та семья два года в оккупации свято берегла шитое золотом полотнище. Гитлеровцы, пронюхав о знамени, зверски убили троих детей, замучили их отца, сожгли дом (солдату вермахта, захватившему знамя противника, полагался орден, офицерский чин и месячный отпуск на родину – ГЧ.), а спрятанное знамя так и не получили. Драгоценный кумачовый стяг вынесли навстречу наступающим советским войскам чудом спасшиеся мать и дочь. Героическая история. Не пытаюсь ставить ее подлинность под сомнение – видимо, так и было. И для «правдиста» Полевого, как и для всей системы политической пропаганды Красной Армии, подобные факты были ценной находкой. Однако на той войне бывало и по-другому. Официальная история об этом умалчивает.

Так, где же все-таки знамя 312-й стрелковой? В каком музее боевой славы? Почему о факте вручения знамени – серьезном для пропаганды событии – не упоминается ни в одном дивизионном документе?

1. Полевой – литературный псевдоним. Настоящая фамилия – Кампов.

Ответы на свои вопросы я нашел позже. Изучая воспоминания ветеранов 316-й стрелковой дивизии – панфиловцев. Ведь 316-я и 312-я дивизии формировались параллельно в одни и те же сроки, по одному приказу. Кроме того, готовили оборону по соседству на Северо-Западном фронте, а затем прикрыли столицу на соседних участках Западного фронта.

Так вот, представьте себе, у панфиловцев боевого знамени... не было! Его никто им не вручал. Не было знамени ни у дивизии, ни у основных ее боевых единиц – полков. Знамя 1073-го полка, к примеру, они вышили сами. Из обычного флага. Кустарно. И такой вот самодельный стяг существовал в полку вплоть до 18 ноября 1941-го. То есть, до переименования дивизии в 8-ю Гвардейскую. Из этого следует логичный вывод о том, что не было знамени и у 312-й стрелковой. Не успели его изготовить и вручить. Не до того было. Главное – срочно заткнуть дыры в обороне. А потом можно и о «революционно-боевых» традициях вспомнить.

В ночь с 17-го на 18-е августа из Актюбинска по железной дороге стали уходить первые эшелоны дивизии. Уходили в сторону Москвы. Туда, где была главная дыра Великой Отечественной.

5. Вместо пролога

22 августа 1941 года железнодорожные составы с подразделениями и техникой 312 стрелковой дивизии прибыли к месту назначения и стали разгружаться на станции Малоярославец Смоленской (с 1944-го – Калужской) области, где с 18 июля для прикрытия Москвы создавалась Можайская линия обороны. Но, по новой директиве Ставки, 23 августа 312-я стрелковая дивизия неожиданно была включена в состав 52-й резервной армии Северо-Западного фронта и... передислоцирована в район Валдая Ленинградской области. Это была роковая ошибка. Которую можно объяснить лишь тем, что наши гениальные военачальники во главе с «вождем всех времен и народов» в тот момент еще сомневались в том, что Ленинград удастся отстоять. Ибо за месяц до Московской битвы, здесь, на подступах к столице, можно было создать **МОЩНЕЙШУЮ** линию обороны. Которая не позволила бы гитлеровцам сломать дух и боеспособность многих наших частей и соединений, чуть позже, в авральном порядке переброшенных на защиту подмосковных рубежей. Но, не судьба.

Таким образом, в сентябре 1941 года дивизия в активных боях не участвовала, занимаясь совершенствованием обороны во втором эшелоне фронта на Новгородском¹ направлении. Стычки с противником имела лишь рота разведки. Однако использовать тщательно оборудованные позиции полкам дивизии не довелось. Им уготована была иная роль. На Западном фронте. Под Москвой. В составе 43-й армии.

1. Город Великий Новгород

Часть вторая.
РВАНЫЙ ФРОНТ

1. Непобедимая и легендарная?

Главное в борьбе с русскими – это быстрота! Быстрота в принятии решения, быстрота движения и вступления в бой. Часто то, что сегодня может быть захвачено быстрым броском, завтра нужно завоевывать в тяжелой борьбе. Даже тогда, когда часть смертельно устала, командир должен найти пути и средства для преследования противника и продвигаться безостановочно вперед..¹ – писал командир 7-й германской пехотной дивизии 1 октября 1941 года, отдавая приказ о наступлении на Москву.

Ну, чем не суворовские полководческие постулаты?! Они хорошо знали военное дело, гитлеровцы. Знали и всячески совершенствовали его в поставленной на колени Европе. А потому и теряли своих солдат гораздо меньше, чем мы в тот самый трагичный для нас период войны. Применяя свою излюбленную тактику взламывания советской линейной обороны бронированными кулаками там, где она была наиболее уязвима, – на стыках армий, фронтов, они чаще всего добивались блестящего успеха. Наши фронты, тем временем, трещали по швам, части несли тяжелые, порою неоправданно тяжелые потери. Откатываясь на участках прорыва назад, советские войска теряли взаимодействие. И если не рассыпались при этом, деморализованные, по лесам, то попадали в мешок окружения.

У нас прежде не принято было говорить о поражениях начального этапа Великой Отечественной войны. Если, например, заходил разговор о Московской битве, то в первую очередь вспоминали разгром гитлеровцев, контрнаступление. Еще о том, что впервые был развенан миф о непобедимости нацистской армии. О потерях, понесенных советскими войсками, традиционно умалчивали. Вот еще один характерный тому пример: только через полвека после окончания войны, при создании Актюбинской областной Книги Памяти «вдруг» выяснилось, что из 116 831 местных жителей, мобилизованных в годы Великой Отечественной в действующую армию, потеряно на полях боев не 20 тысяч, а свыше 36 тысяч человек! И это, по-прежнему, далеко не самые точные цифры. Реальные потери воинов, мобилизованных в 1941–1945 годы из Актюбинской области, и поныне доподлинно НЕ УСТАНОВЛЕННЫ. Ведь Книга Памяти составлялась по сведениям, поступающим из Всероссийского научно-исследовательского института делопроизводства и архивного документо-ведения (ВНИИДАД). Основой для коих служила картотека безвозвратных потерь Центрального архива Министерства обороны РФ. Однако, как показывает статистика начального этапа Великой Отечественной войны, наших солдат, безвестно сгинувших, а в большинстве своем безвестно погибших в боях за Родину, должным образом просто не учитывали. Их забирали из семей. И во многих случаях навсегда. Лишив эти семьи даже последних скорбных весточек с войны. Что обрекало их на

1. Из трофейных документов. ЦАМО РФ. Фонд 398. Опись 9308. Дело 2. Лист 42.

полугодное существование. Поскольку финансового пособия связанного с утратой кормильца семьям без вести пропавших не полагалось.

О таких вот особенностях воинского учета красноречиво свидетельствуют так называемые послевоенные подворные опросы населения. Представители военкоматов после Победы приходили в осиротевшие дома и уточняли: кого отсюда забрали на фронт и вернулся ли кормилец. Если не вернулся, а факт смерти не удостоверен похоронным извещением, то зачисляли в без вести пропавшие. С момента оборвавшейся переписки. Со слов родных и близких. Обрекая их на долгие годы безрезультатно разыскивать следы дорогого сердцу защитника Родины. Многие, очень многие, искали своих отцов, мужей, братьев и дедов до конца дней. И уходили в мир иной, так и оставшись в неведении в отношении судьбы близкого человека. Что постепенно превращало нашу «самую демократичную в мире» Конституцию СССР из основного закона страны в ...декларацию о намерениях. И намерениях, в основном, пустословных.

Подавляющее большинство без вести пропавших воинов, учтенных с такой формулировкой в Актюбинской Книге Памяти, приходится именно на 1941–й год. На год Московской битвы. «Никто не забыт, ничто не забыто!» Этот пафосный лозунг мне помнится еще с пионерских лет. А тут, подумаешь, забыли каких–то 15–16 тысяч погибших воинов. Подобное кощунство было по плечу только правящей коммунистической клике. Впрочем, простите, читатель, за срыв в политиканство. Давайте, вернемся на подмосковное Поле Куликово.

... Еще бойцы ПВО вели под уздцы азростаты воздушногo заграждения, еще гвардейские минометы «эрэсы» огненным веником выметали противника из последних уголков Подмосковья, еще на площади Свердлова раскорячился на всеобщее обозрение сбитый тараном фашистский бомбардировщик, а уже густо попер в плен мрачно удивленный «зимний фриц», иначе говоря, гитлеровец, приведенный в чувство.¹

Александр² Кривицкий, фронтовой корреспондент газеты «Красная звезда».

Красивая реляция, не правда ли? Нет смысла через столько лет подтрунивать над ее автором, но, позвольте ему, хотя бы перед вашим лицом, читатель, возразить: на мой взгляд, трагические события осени 1941–го под Москвой привели в чувство скорее нас, нежели фашистов. К тому же, начиналась эта битва далеко не с побед – с вяземской катастрофы.

«Тайфун» – решающее наступление гитлеровского вермахта на Москву – забушевал в последний сентябрьский день. 2–я танковая группа генерал–полковника Гейнца Гудериана и 2–я полевая армия генерал–полковника барона Максимилиана фон Вейхса сильными ударами проббили оборону Брянского фронта и, развивая прорыв, вышли к Брянску и Орлу, в сущности, предрешив участь этих городов. И образовав котел окружения.

На рассвете второго октября главные силы немецкой группы армий «Центр» нанесли серию еще более мощных ударов по войскам Западного и Резервного фронтов. В ре-

1. Сборник «Панфиловцы». Алма–Ата. Издательство «Жалын». 1985. Стр.8.

2. Александр – псевдоним. Настоящее имя – Зиновий.

результате значительного превосходства в целом, а также концентрации сил и средств на основных направлениях наступления, танковые группы Гота и Гёпнера, поддержанные действиями двух полевых армий, глубоко вклинились в оборону наших фронтов, рассекли их на части, вышли в тылы. Охватив с севера и юга вяземскую группировку из ПЯТИ наших армий, немцы окружили ее. Вот как оценивал положение дел начала октября Г.К.Жуков:

...Образовались зияющие бреши, которые закрыть было нечем, так как никаких резервов в руках командования не оставалось. К исходу 7 октября все пути на Москву, по существу, были открыты...¹

О причинах столь драматического начала Московской битвы также честно напишет в своих мемуарах и маршал А.М. Василевский, работавший в те дни начальником оперативного управления – заместителем начальника Генштаба:

...Неудача, постигшая нас под Вязьмой, в значительной мере была следствием не только превосходства противника, отсутствия необходимых резервов, но и неправильного определения направления главного удара Ставкой и Генштабом, а стало быть, и неправильного построения обороны.²

Три армии Резервного фронта при таком построении были вытянуты в линию во второй полосе Западного, в непосредственной близости от него. Левое крыло Резервного фронта двумя армиями: 24-й и 43-й выходило в первый эшелон обороны – в стык между Западным и Брянским фронтами. Именно сюда был нацелен один из главных ударов немецкого танкового генерала Эриха Гёпнера. В результате чего 24-я армия попала в кольцо окружения под Вязьмой, ее командующий генерал-майор К.И.Ракутин погиб, а 43-я вынуждена была беспорядочно отходить. Вот как сообщает об этом в боевом донесении ее командующий генерал-майор П.П.Собенников:

Военному совету фронта резервных армий

Важная со 2 октября и в последующие дни, противник наносил свой главный удар крупными силами мотомехвойск, поддержанных мощной авиацией, действующей непрерывно на поле боя по нашим войскам во фланги и тыл 43-й армии. Соединения 43-й армии, действовавшие на широком фронте, приняли на себя весь удар противника и после тяжелых, упорных боев, понеся большие потери, не выдержали и начали отходить на северо-восток и на восток. Удары противника с юга в районе Новоалександровского раздробили войска армии – часть отошла на восток вдоль Варшавского шоссе, а часть – на Спас-Деменск. Большая часть пехоты разбежалась. Военным советом армии были приняты меры для сбора войск на рубежах:

1) Спас-Демьянск; 2) Селище – Ключино; 3) от Угра – Глухово;

4) Красный холм – Знаменка; 5) Максимовка – Митькино.

Однако собираемые на этих рубежах пехотные подразделения, организуемые в отряды, после первого же воздействия авиации, а часто и без нее, разбежались. Как организованные оставались артиллерийские части и спецподразделения, которые продолжали оказывать сопротивление противнику.

1. Маршал Г.К. Жуков. «Воспоминания и размышления». Москва. АПН. 1990. Стр.208.

2. А.М.Василевский. «Дело всей жизни». Москва. Политиздат. 1973. Стр.155.

Выход танков противника в тыл армии, их удары по штабам 149-й и 53-й дивизий, а также угроза штабу армии, оставшемуся в непосредственном соприкосновении с противником, нарушали управление войсками и материальное обеспечение. Управление войсками окончательно нарушилось 6 октября.

Большинство командиров, политработников штаба и политотдела армии высланы для сбора войск армии и оторвались от штаба. В создавшейся тяжелой обстановке я решил организовать сбор войск и приведение их в порядок на рубеже Гжатск–Юхнов...

8 октября 1941 г.¹

Непросто читать такие строки. Непросто, даже полвека спустя, сидя в прохладной тиши архива. А если представить себе, каково было их писать самому командарму? Человеку, отчасти предугадавшему развитие событий, о чем он сообщил накануне немецкого наступления командующему Резервным фронтом:

Сображения по организации обороны 43-й армии

... По количеству пехоты мы имеем соотношение 5:6, т.е. полуторное превосходство противника. Если принять во внимание во внимание более глубокие резервы, то данных о противнике нет...

В отношении артиллерии противник на фронте армии может привлечь около 300 орудий, такое же количество может выставить и 43-я армия. Таким образом... будет равное соотношение артогня.

При наличии в составе армии 67 танков разных систем и 21 бронемашин, противник будет иметь в случае наступления 200 бронеединиц, что составит соотношение 2,4:1 в пользу противника. Массированное использование танков противником возможно на левом фланге армии, где мы можем им противопоставить танковую бригаду, имеющую 49 бронеединиц, и на этом участке может создаваться менее благоприятное соотношение в танках 4:1.

Авиация противника на направлениях, проходящих через фронт армии, имеет около 60 самолетов против 13 исправных и 14 неисправных наших, т.е. превосходство противника в 4 раза.

Вывод: противник создал группировку сил перед фронтом армии, способную к наступательным действиям на узких участках фронта... Если учесть, что противник обычно ведет наступление на отдельных узких направлениях, то его превосходство возможно еще большее на направлении главного удара, т.к. при учете соотношения сил принимались во внимание лишь выявленные силы противника. Не учтены вторые эшелоны и происходящие сосредоточения резервов. У нас же учитывались не только свои силы, но и силы 33-й армии, расположенные во втором эшелоне (резервы фронта). Необходимо также учесть, что противник сосредоточивает свои силы ближе к нашему переднему краю и имеет большие возможности к маневру, в то время как наши дивизии на переднем крае не могут быть сняты ввиду их ма-

1. Боевые донесения штаба 43 армии Военному совету Фронта резервных армий. ЦАМО РФ. Фонд 398. Опись 9308. Дело 12. Лист 161.

лой численности, недостаточного количества вооружения и затруднения маневра лесными массивами и плохими дорогами...¹

Действительное соотношение сил превзошло самые худшие ожидания. Например, на фронте 43-й армии в районе Рославля у гитлеровцев было пехоты больше в ПЯТЬ раз, танков – в ЧЕТЫРНАДЦАТЬ, артиллерии – в ТРИНАДЦАТЬ раз! Мыслимо ли удерживать эту лавину?! Да и, кто командовал тогда Резервным фронтом?! Небезызвестный сталинский конник – маршал Советского Союза С.М.Буденный. Свадебный маршал. Роль которого, в соответствии с воинским званием, в Великой Отечественной войне оказалась ничтожной. Этот человек известен еще и тем, что впоследствии чуть не перецеголял Георгия Константиновича Жукова, став ТРИЖДЫ Героем Советского Союза. Если же вспомнить, в какое время он удостоен своих геройских звезд: в 1958 году, 1963–м и 1968–м, то комментарии, как говорят в таких случаях, будут излишними.

История Вяземского окружения до сих пор малоизвестна. Но в мемуарах авторитетных военачальников и трудах историков красной строкой прослеживается одна мысль: именно вяземский котел, где оставались 16,19,20,24 и 32–я армии, стал решающим фактором того, что в критические дни начала октября столица не была взята. Несмотря на горечь и невзгоды окружения, несмотря на безуспешные попытки прорыва, окруженцы своими отчаянными действиями в кольце сковали и оттянули от Москвы 28 гитлеровских дивизий! И стыд некоторых наших горе–полководцев по поводу небывалого по масштабам окружения был тогда компенсирован кровью и доблестью советских солдат и командиров. Тех, кто не сложил оружия, а продолжал оказывать организованное сопротивление.

Мы по праву гордимся Сталинградской битвой. Тем, что в результате нее удалось окружить 330–тысячную группировку 6–й армии отнюдь небесталанного гитлеровского фельдмаршала Фридриха Паулюса.

Здесь же, под Вязмой, по немецким источникам,² попало в плен 663 тысячи советских бойцов и командиров! Впрочем, даже эта цифра не умаляет подвига сражавшейся в кольце врага вяземской группировки.

Все это в определенной мере стало известно позже, а в те первые дни немецкого наступления обстановка складывалась ЧУДОВИЩНО. И главным образом оттого, что ни Ставка, ни Генштаб не представляли себе реального положения дел на московском направлении, так как управление войсками, связь с их штабами были потеряны.

2. Хроника затыкания дыр

Тревожный сигнал члену Военного совета Московского военного округа дивизионному комиссару К.Ф.Телегину поступил ранним **утром, 5 октября**. Дежурный по Малоярославецкому укрепрайону сообщил об отступлении к Юхнову воинских обозов, беженцев. Для выяснения обстановки Телегин решил использовать воздушную разведку.

В полдень командующий ВВС округа полковник Н.А.Сбыгов доложил, что со сторо-

1. ЦАМО РФ. Фонд 398. Опись 9308. Дело 12. Лист 168, 172, 188.

2. К. Типпельскирх. «История второй мировой войны» (перевод с немецкого). Москва. 1956. Стр.200.

ны Спас–Деменска к Юхнову (200 км от Москвы) по Варшавскому шоссе движется танковая колонна и мотопехота гитлеровцев длиной... до 25 километров! Сообщение казалось настолько невероятным, что потребовалось дважды его перепроверить. Увы, оно подтвердилось, о чем немедленно был поставлен в известность Генштаб, а следом и Верховный главнокомандующий – И.В.Сталин. Спасти положение в такой ситуации могли лишь срочные, точнее – экстренные меры. Ближайшими резервами, как уже говорилось, командование не располагало. Оставалось по крохам собирать все, что было под рукой.

В 15 часов по тревоге подняты Подольские пехотное и артиллерийское училища. Через четыре часа передовой отряд курсантов в составе 6–й роты, под командой старшего лейтенанта Л.А. Мамчича, и сводного артдивизиона капитана Я.С. Россикова,¹ выдвинулся из Подольска на грузовиках. В боевую готовность приводились силы других военно–учебных заведений Москвы и Подмосковья, охранные подразделения и т.д. и т.п. Но все равно этого было крайне мало.

В 17–30 комендант Малоярославецкого укрепрайона комбриг Елисейев сообщил, что Юхнов фашистами уже занят.

Более крупными боеспособными частями, которые можно было первыми перебросить для прикрытия Московского направления, были казахстанские 312–я, 316–я (И.В. Панфилова²) и сибирская 32–я (В.И. Полосухина³) стрелковые дивизии.

В 18 часов в штабе 312–й дивизии заработал телеграф, на связь вышел штаб 52–й резервной армии. Начальник штаба дивизии майор А. А. Нетесов пробежал глазами ленту: ... *У аппарата полковник Рождественский... передаю предварительное распоряжение нач.генштаба. Дивизии немедленно изотовиться к погрузке... уточните начало погрузки.* Последовала короткая пауза, затем аппарат, словно, что–то припомнив, добавил: ...*Требуется особая срочность выполнения приказа... сам приказ дополнительно... построенные заграждения передать соседям... сколько времени вам нужно для сосредоточения первого шелона?.. Примите все меры. Все.*

Смысл сообщения, в своей категоричности, остро кольнул сознание. Впереди у дивизии были далеко уже не учебные бои и даже не прежние мелкие стычки с противником...

А пока кремлевская власть трубила набат, под Юхновом у километровой отметки Варшавского шоссе «205» с утра шел бой. Начальник парашютно–десантной службы Западного фронта капитан Иван Григорьевич Старчак с отрядом десантников из 430 бойцов по собственной инициативе держал оборону перед превосходящими силами гитлеровцев.

Удивителен наш народ! В то время, как одни в панике разбежались с фронта, будучи уже не в состоянии выполнять никакие приказы, находились другие, которым никто приказов не отдавал. Они становились непреодолимой стеной на пути у наступающей вражеской пехоты, бросались с гранатами под танки, вызывали огонь на себя, да мало ли еще как жертвовали собой, прекрасно сознавая, что выжить в этой бойне у них нет ни малейших шансов. А все это они делали только по одной простой причине: отступать действительно уже было некуда – позади была МОСКВА.

1. Капитан Я.С.Росиков погиб в октябре 1941–го.

2. Генерал–майор И. В. Панфилов погиб 18 ноября 1941 года.

3. Полковник В. И. Полосухин погиб 18 февраля 1942 года.

3. Заградотряды, как способ латания обороны

Мне неизвестно, где и когда впервые в истории войн были применены заградотряды. Но то, что они появились в Великую Отечественную именно осенью 1941–го, свидетельствует Директива Ставки Верховного Главнокомандования, полученная штабом 43–й армии в сентябре 1941 года, накануне немецкого наступления. Вот выдержки из нее:

...Опыт борьбы с немецким фашизмом показал, что в наших стрелковых дивизиях имеется немало панических и прямо враждебных элементов, которые при нажиме со стороны противника бросают оружие, начинают кричать «нас окружили» и увлекают за собой бойцов. В результате ...дивизии обращаются в бегство, бросают матчасть и потом одиночками начинают выходить из леса. Подобные явления имеют место на всех фронтах. Если бы командиры и комиссары таких дивизий были на высоте своих задач, паникерские и враждебные элементы не могли бы взять верх в дивизии, но беда в том, что твердых и устойчивых комиссаров у нас не так много...

Вот так бескомпромиссно, читатель, в Красной армии находили стрелочников. Вернее тех, на кого переводились стрелки вины не только за трагическое начало войны, но и за первые ее неудачные фронтовые операции.

На склоне своих лет маршал Советского Союза Александр Михайлович Василевский признает, что сама Ставка ВГК допустила ошибки в организации обороны Западного и Резервного фронтов. Ошибки, ставшие причиной бегства с этих фронтов целых дивизий!

Летом 1972 года, незадолго до своей кончины, об этом расскажет и бывший командующий Западным фронтом И.С. Конев (надиктовав для Гостелерадио свой рассказ на магнитную ленту):

...Ставка на этом совещании (14 сентября 1941 года – ГЧ.) не обсуждала со мной задачи фронта, ничего не было сказано об усилении фронта войсками и техникой, не затрагивался вопрос и о возможности перехода фашистских войск в наступление. Генеральный штаб также (по этому поводу – ГЧ.) не дал никакой ориентировки. ...Оценивая создавшуюся обстановку, мы не могли не видеть, что противник готовится возобновить наступление. 19 сентября мы дали директиву командирам, в которой указывалось, что агентурой и авиационной разведкой установлен подход к фронту новых частей противника...¹

Любопытно, что, невзирая на столь авторитетные заявления, 12–томная История второй мировой войны, изданная Воениздатом Минобороны СССР под руководством коммунистической партии три года спустя, продолжает врать, переложив ответственность за неудачное начало Московской битвы на плечи командующих фронтами:

...Положение осложнилось тем, что командование фронтов не смогло своевременно вскрыть замысел и группировку противника, определить направления его главных ударов...²

1. И.С.Конов. «Записки командующего фронтом». Москва. Воениздат.1991.Стр.552.

2. История второй мировой войны 1939 –1945. Москва. Воениздат.1975. Том 4. Стр.94.

В итоге виноватыми официально признаны «паникеры и прямо враждебные элементы» среди бойцов.

А почему у нас не оказалось достаточно много твердых и устойчивых командиров с комиссарами, свидетельствует небольшая, но весьма убедительная таблица из книги оренбургского писателя, а в годы войны – фронтового разведчика, Героя Советского Союза Владимира Карпова «Маршал Жуков»¹:

В Красной армии перед войной:

Было	Репрессировано:
5 маршалов Советского Союза	3
2 армейских комиссара 1–го ранга	2
4 командарма 1–го ранга	2
12 командармов 2–го ранга	12
15 комиссаров 2–го ранга	150
67 командиров корпусов	60
28 корпусных комиссаров	25
199 командиров дивизий	136
97 дивизионных комиссаров	79
397 командиров бригад	221
36 бригадных комиссаров	34

Поиск «враждебных элементов» продолжается и в ходе войны. Это подтверждает все та же пресловутая сентябрьская директива Ставки. Обратите внимание, заградотряды выставляются не только позади штрафных рот и батальонов, как нынче показывают в художественных фильмах, но и... в тылу обычных стрелковых частей и подразделений:

... В целях предупреждения указанных выше нежелательных явлений на фронте Ставка ВГК приказывает:

1. В каждой стрелковой дивизии иметь отряд из надежных бойцов численностью не более батальона (из расчета по одной роте на стрелковый полк), подчиненный комдиву, имеющий в своем распоряжении, кроме обычного вооружения – средства передвижения в виде грузовиков, нескольких танков(!) и бронемашин.

2. Задачей заградотрядов считать прямую помощь комначсоставу в поддержании и установлении твердой дисциплины в дивизии, при остановке бегства одержимых паникой военнослужащих, не останавливаясь перед применением оружия, ликвидацией инициаторов паники и бегства элементов дивизии, не подверженных панике, но увлекаемых общим бегством.

1. В.В.Карпов. «Маршал Жуков». Москва. Военное издательство. 1992. Стр.75.

3. *Обязать работников особых отделов и политсостав дивизии оказывать всяческую помощь комдивам и заградотрядам в деле укрепления порядка и дисциплины в дивизиях.*

4. *Создание заградотрядов закончить в 5–дневный срок со дня поступления настоящего приказа.*

5. *О получении и исполнении командующим фронтом и армий донести.¹*

Ставка Верховного Главнокомандования.

Сталин. Шапошников.

Выражаясь современным языком, командованиям дивизий, оказавшихся в критических ситуациях, предписывалось...уничтожать заложников. Заложников того, что руководство страны натворило до войны, уничтожив массовыми репрессиями далеко не худшие, как впоследствии выяснилось, военные кадры. Того, в чем просчиталось непосредственно перед войной. А также того, чего не сумело сделать в начальный ее период.

4. Велика Россия, а наступать некуда!

В первых числах октября Ставка ВГК продолжает латать дыры на Западном фронте. Точнее, кроить оборону из того, что от него осталось.

... *Сражение группы армий «Центр» принимает все более классический характер... Танковая группа Гённера, обходя с востока и запада большой болотистый район, наступает в направлении Вязьмы. Перед войсками правого фланга танковой группы, за которой следует моторизованный корпус, противника больше нет... – не без удовольствия описывал те дни в своем «Военном дневнике» начальник генерального штаба германских сухопутных войск Франц Гальдер. В последней, процитированной здесь строчке он имел в виду, конечно же, 57–й моторизованный корпус генерала Кунтцена. Анализируя архивные документы горькой военной осени, не трудно предположить, что если бы танки корпуса в тот момент покатались по Варшавскому шоссе дальше, к Москве, то, не встретив сколь–нибудь серьезного сопротивления, запросто могли бы въехать...прямо на Красную площадь! И устроить нам революционный парад задолго до 7 ноября. Ибо никакого фронта на ближних подступах к столице действительно НЕ СУЩЕСТВОВАЛО. Решение о его создании Государственным комитетом обороны только принималось. А 14 стрелковых дивизий (в том числе и 312–я – ГЧ.), более 40 артиллерийских полков и 16 танковых бригад должны были прибыть лишь в течение следующей недели. Педантичные до мозга костей немцы тогда просто не могли даже подумать, что в нашей горделивой стране все так запущено.*

Пока Сталин вызывал из осажденного Ленинграда генерала армии Жукова (где тот не позволил еще одному свадебному маршалу – К.Е.Ворошилову² сдать врагу северную

1. ЦАМО РФ. Фонд 398. Опись 9320. Дело 18. Лист 2

2. Маршал СССР К.Е.Ворошилов впервые удостоился звания Героя Советского Союза в 1956 году. А в 1968–м стал еще и Героем Социалистического Труда. Поистине – свадебный маршал.

столицу – ГЧ.) Пока Георгий Константинович двое суток без сна и отдыха мотался по полевым штабам, разбираясь в подмосковном хаосе, пока собирал разрозненные войска, у гитлеровцев был реальный шанс войти в историю прямыми последователями Наполеона. А если бы они и впрямь сразу поехали бы по Варшавскому шоссе в Москву, как знать, удалась ли тогда бы Жукову историческая миссия Кутузова?

Утром, 6 октября, сумашедшие, по немецким военным канонам, десантники капитана Старчака, усиленные стрелковой ротой и артдивизионом подольских курсантов, применив суворовскую тактику «лучший способ защиты – нападение», атаковали передовые части моторизованного корпуса в районе Юхнова. И, несмотря на явный перевес противника по численности и вооружению (три артдивизиона, саперный батальон и рота легких танков), одержали победу! На поле боя немцы оставили около трехсот трупов и пять горящих танков. Кратковременный успех позволил выиграть на Варшавском шоссе ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ. В этот день немцы не попытались продвинуться дальше.

5. Все познается в сравнении

Ветеранами – панфиловцами о своих замечательных боевых делах издано множество мемуаров. В моем личном архиве они занимают отдельную книжную полку. Полагаю, что полное собрание сочинений о легендарной дивизии может составить целую библиотеку. Нисколько не иронизирую по этому поводу. Напротив, мне это нравится. Ибо нет нужды корпеть над пыльными и ветхими архивными листочками за казенным столом, в подмосковном Подольске. В центральном хранилище оборонного ведомства страны. За тысячи километров от дома и семьи. Гораздо легче воспользоваться услугами ЛЮБОЙ библиотеки. И отследить хронику великого подвига в мягком домашнем кресле. Сопоставив ее с редкими, чудом уцелевшими документами 312-й дивизии – близнеца. Никому неизвестной. Разгромленной. И забытой.

Почувствовать разницу в условиях, в которых начинали бои по защите рубежей столицы эти воинские формирования не составит труда. Для этого нужен лишь простой карандаш:

7 октября в районе западнее Волоколамска, в 150 километрах от Москвы заняли оборону полки 316-й стрелковой дивизии...

...По документам укрепрайона здесь значилась прочная линия с дзотами и дотами.¹ Но построить их не успели. И генерал И.В.Панфилов докладывал командарму, что батальоны «сели на кольшики», то есть, произвели только разбивку местности для строительства линии обороны.

Надо было наверстать упущенное время. *Бойцы трудились, не жалея сил, день и ночь* (Имеются в виду дни и ночи – ГЧ.) *Рыли окопы, улучшали огневые позиции, готовили пункты для хранения боеприпасов, соединяли их ходами сообщения* (комдив с разрешения командарма отказался от одиночных ячеек для солдат, так как они

1. ДЗОТ – дерево–земляная огневая точка, ДОТ – долговременная огневая точка.

были неэффективны). *Строились также наблюдательные и командные пункты...
...Стояла теплая погода. Порой даже не верилось, что через несколько дней начнутся бои в этой уютной дерегушке, окруженной густым хвойным лесом. На опушке дымили кухни комендантского взвода...Мы находились во втором эшелоне...Мы знали: скоро предстоит сразиться с врагом, и готовились к этому...¹*

Так о создании знаменитой панфиловской оборонительной спирали пишет помощник начальника штаба 1073-го стрелкового полка 316-й стрелковой дивизии А.С.Трефилов. И представляется он читателю уже, как помначштаба 19-го Гвардейского полка 8-й Гвардейской стрелковой Режицкой орденов Ленина, Красного Знамени и Суворова II степени имени Героя Советского Союза И.В. Панфилова дивизии. На что у него, конечно же, есть все законные основания.

В его мемуарах в качестве примера доблести и героизма воинов родной дивизии приведена даже цитата из донесения немецкого генерала – командира 5-го армейского корпуса:

Используя хорошо оборудованные позиции ...и сильное минирование, 316-я русская дивизия...ведет поразительно упорную борьбу.²

Задавшись целью проследить хронологию событий, отметим то, что от момента прибытия панфиловцев на Волоколамский (соседний с Малоярославецким - ГЧ.) боевой участок, до вступления дивизии в активные бои, то есть, с 7 по 14 октября, у командования и бойцов 316-й сравнительно небольшой запас времени – целая неделя для подготовки была. А вот 312-й такого счастья, как, впрочем, и титулов, судьба, к сожалению, не уготовила...

Вот что рассказывает в небольшой книге воспоминаний о 312-й стрелковой дивизии «На Варшавском шоссе», ставшей даже в Актюбинске библиографической редкостью, отставной генерал А.Ф.Наумов:

8 октября я прибыл с одним из первых эшелонов на станцию Ворсино, которую противник уже бомбил. Все станции и разъезды, а также и Малоярославец подвергались частым нападениям фашистской авиации. Мне было приказано прибыть в штаб московской зоны обороны в Москву...

9 октября 1941 года полковник Смирнов ознакомил меня с обстановкой на фронте и сдал командование малоярославецким участком. Я принял следующее решение: ввиду отсутствия времени на производство рекогносцировки и невозможности провести перегруппировку частей и подразделений, занимающих оборону, частям дивизии и дополнительно прибывающим подразделениям оборонять... (Перечисляются рубежи обороны) Таким образом, к исходу 10 октября 1941 года стрелковая дивизия и часть артиллерии обороны еще не заняли.

К сожалению, в то время мы не располагали зенитными средствами. Даже отдельный зенитный артдивизион...сражался..., как стрелковое подразделение. Поэтому фашистская авиация беспрепятственно атаковала наши войска. Она наносила удары не только по огневым позициям, но и по железнодорожным станциям

1. А.С.Трефилов. «У ворот Москвы». Алма-Ата. Изд. «Казахстан». 1982. Стр.9–10.

2. «История второй мировой войны 1939–1941» Москва. Воениздат. 1975. Том 4. Стр.98.

и разъездам, там, где выгружались эшелоны 312-й стрелковой дивизии, начиная с Наро-Фоминска и кончая Малоярославцем.¹

Приведа здесь слова очевидца и непосредственного участника событий осени 1941-го, кому, в числе других военачальников, была поручена оборона столицы, позвольте напомнить, чем была обусловлена эта печальная исповедь о немецких бомбежках, в которых, нередко, так и не приняв первого боя, погибли бойцы актюбинской дивизии. Ограничимся для этого только цифрами и фактами. Без комментариев:

22 июня 1941 года авиация РККА потеряла 1200 самолетов, из них 800 – на аэродромах.

23 июля застрелился командующий военно-воздушными силами Западного фронта Герой Советского Союза генерал-майор авиации И.И. Копец.

16 октября приведены в исполнение смертные приговоры в отношении «врагов народа», арестованных в мае-июле 1941 года, среди которых был командир 9-й смешанной авиационной дивизии Герой Советского Союза генерал-майор авиации С.А. Черных.

28 октября в городе Куйбышеве (куда эвакуировали не только правительство, но и особо важных арестованных) без суда и окончания следствия расстреляны 20 советских партийных и военных деятелей. В их числе:

1. Начальник управления противовоздушной обороны Герой Советского Союза генерал-полковник Г.М. Штерн.

2. Помощник начальника генерального штаба дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Я.В. Смушкевич.

3. Заместитель наркома обороны СССР Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации П.В. Рычагов.

4. Военный летчик майор М.П. Нестеренко (супруга П.В. Рычагова).

5. Заместитель начальника управления вооружений главного управления ВВС И.Ф. Сакриер.

6. Герой Советского Союза генерал-майор авиации И.И. Проскуров.

7. Начальник военно-воздушной академии генерал-лейтенант Ф.К. Арженухин.

8. Начальник штаба ВВС генерал-майор П.С. Володин.

Даже в кошмарном сне комдив-312 не мог себе представить, что в 120 километрах от столицы придется вступать в бои прямо с марша. Ведь еще день-два назад беды ничего не предвещало. Казалось бы, дивизия худо-бедно сформирована. Пусть без автоматического оружия, совсем без зенитной артиллерии и с третью необученных бойцов. И все же, при организованной обороне, дневной и ночной работе отцов-командиров с личным составом, устойчивой связи со штабом и небольшим, хотя бы на начальном этапе, напоре противника, доучиться, довооружиться можно в боях. Но, приняв под командование боевой участок, напоминавший слоеный пирог и состояв-

1. «На Варшавском шоссе». Алма-Ата. «Казахстан». 1968. Стр.12–13.

ший из потрепанных отступивших частей и подразделений, и осознав, что свою дивизию придется раздробить кусками по фронту общей протяженностью более чем 60 километров, полковник Наумов ужаснулся. Полки дивизии, которыми приходилось занимать участки оборонительной линии слева и справа от Варшавского шоссе, фактически становились...отдельными! То есть, самостоятельными боевыми единицами, стыки между которыми скреплены разнородными частями, боеспособность которых вызывала сомнения. Например, стык между 1079-м и 1081-м стрелковыми полками на 6-километровом участке Рябцево-Малахово оборонял 4-й батальон курсантов Подольского пехотного училища. Прореху между 1079-м полком и Варшавским шоссе прикрывал 3-й батальон ППУ, в составе курсантов с...15-дневным сроком обучения. А 1083-й стрелковый полк оказался вообще за шоссе, и, по сути, был отрезан от дивизии. Если принять во внимание то обстоятельство, что радиосвязи с полками и приданными частями нет (связь была так называемая делегатская: между передовой и штабом сновали бойцы-делегаты - ГЧ.), то можно считать, что управление дивизией на оборонительных позициях изначально было ДЕЗОРГАНИЗОВАННО. Не вышестоящими военачальниками, не врагами-диверсантами, а складывающейся обстановкой. Что в такой ситуации оставалось делать? Можно было надеяться лишь на то, что для организации обороны и связи удастся выкроить из войны еще хотя бы день-два. Но реально до жестоких боев оставались считанные часы.

10 октября 1941 года прежнего командующего 43-й армией заменил генерал-лейтенант С.Д.Акимов. Гитлеровцы, заняв города Кондрово и Медынь, стали быстро продвигаться к Калуге. В тот же день Ставка ВГК приняла, наконец, спасительное решение: объединить войска Западного и Резервного фронтов, отдав их под единое командование генерала армии Г.К. Жукова. А 312-я, еще не занявшая оборону, уже несла потери.

С утра на станции Ворсино разгружавшийся из вагонов 859-й артиллерийский полк дивизии подвергся бомбежке немецких самолетов. Одна из бомб угодила прямо в штабной вагон. Пробив его крышу и пол, она разорвалась между рельсами. Погибло 12 человек, в том числе командир штабной батареи, политрук и парторг. Ранено 32 человека, в том числе командир полка капитан Волошин.

Двумя днями позже при бомбардировках г.Малоярославец, погибли комиссар штаба дивизии батальонный комиссар Морозов и комендант штаба младший лейтенант П.И.Матковский. А в первых столкновениях с противником погибли инструктор политотдела дивизии старший политрук И.М.Школьник, политруки рот М.В.Крюков, И.М.Гулин.

Таким образом, дивизия начала терять командный, начальствующий и рядовой состав, еще не имея оборудованных позиций, а значит, – и реальной возможности оказать противодействие врагу.

Часть третья.
ВРЕМЯ СТОЯТЬ НАСМЕРТЬ

1. Два капитана

Медленно, крайне медленно движутся эшелоны по железнодорожным путям от Москвы навстречу врагу! Казалось бы, до места выгрузки недалеко, но тут и там вагоны из-за разбитых немецкой авиацией путей простаивают. Пришлось подразделениям 1083-го стрелкового полка выгружаться на разъездах юго-западнее Нарофоминска. И форсированным маршем через Боровск выдвигаться в район Павлищево – Дылдино – Зеленино – Юрьевское, северо-западнее Варшавского шоссе, где через день, к утру 11 октября, нужно занять оборону. Но до края намеченной обороны – в село Павлищево добраться не успели – достали фашистские бомбардировщики походные колонны полка. Встали в круг и, не торопясь, прицельно бросают бомбы, заходя для этого с малой высоты на разбегающиеся в разные стороны батальоны. Затем, освободившись от смертоносного груза, со 150–200-метровой высоты безнаказанно поливают красноармейцев из бортовых пулеметов.

Третий батальон старшего лейтенанта Брика командир полка направил в район Дылдино, для обеспечения стыка с соседом справа. Для верности туда послал и начальника штаба майора Т.С.Бреднева. А тут разведка донесла, что танки и пехота противника развернулись в цепь – наступают по фронту предполагаемой обороны полка. Что ж, всем смертям – не бывать, а одной – не миновать, – пренебрег капитан Автандилов «штабной бюрократией» и сам кинулся в бой на передовых позициях батальона. Которому, тяжелее двух других пришлось: кроме наступающих фашистских 25-й пехотной и 20-й танковой дивизий, воздушный десант противника на головы свалился, в сопровождении артиллерийского налета. Завертелось так, что и света белого не видно.

В течение первого дня, намеченные для обороны в приказе комдива села Ищеино и Зеленино по несколько раз переходили из рук в руки. Бой частенько оборачивался рукопашной схваткой. Не выдержали «фрицы» такой вот активной с контратаками обороны свежего еще казахстанского полка. И побежали, бросив завоеванные было позиции. А с утра, 12 октября, подтянув за ночь дополнительные силы, после традиционных авианалета и артподготовки опять перешли в наступление. Первый и второй батальоны 13 октября, оставшись без артиллерии и связи, поредели (убито – 21 человек, ранено – 81, пропало без вести – 17), потеряли взаимодействие с соседями. В итоге вынуждены были отойти к Юрьевскому. К исходу 14 октября и третий батальон 1083-го стрелкового полка был отброшен немцами на северо-восток и смят.

Чувствовал Наумов, что нуждается Автандилов в помощи. Поэтому вызвал к себе вечером, 11 октября, капитана Яирова:

– Я уже несколько раз пытался связаться с командиром 1083–го полка, мне отвечают: ни его, ни начальника штаба нет на месте. В штабе полка не имеют понятия, где их искать. Срочно выезжайте туда и при необходимости принимайте командование. По прибытии любыми средствами доложите мне обстановку!

Начальнику оперативного отдела штаба дивизии в таких условиях собраться, что подпоясаться. Шоссейных дорог к штабу полка нет. Поэтому, грузовая полуприцепка с капитаном и автоматчиком в кузове по раскисшему проселку добралась в Юрьевское поздней ночью. Здесь, под огнем немецких 6–ствольных минометов и пришлось вникать в дела. Увы, в штабе никто обстановкой не владел. Начальник штаба с третьим батальоном был, похоже, отрезан от полка. Сам командир, не привычный к полковой работе, по–прежнему вел бой, находясь в расположении одного из батальонов.

– Срочно вытащите капитана Автандилова из окопа и направьте в штаб! Если он не желает отсюда управлять полком, то майором никогда не будет, так и передайте! Дадим штрафную роту, и пусть геройствует столько, сколько душа пожелает! – в эти минуты Яиров забыл о том, что сам по званию тоже капитан. Привык уже жить масштабами дивизии, к тому же, положение здесь действительно было аховое. Нужно было срочно чем–то помогать, иначе на плечах не имеющего руководства полка немцы моментально с севера к Малоярославцу подберутся. А там – штаб дивизии и Варшавское шоссе. Ровное до самой Москвы. К счастью, неподалеку оказался командный пункт первого дивизиона 859–го артполка. Где удалось застать капитана Комарова. Тот уверенно обрисовал обстановку. А с утра предложил наблюдать за ее развитием со своего наблюдательного пункта западнее села. Юрьевское располагается на возвышенности, поэтому его оборона была важна вдвойне: отсюда можно было контролировать пути и на Боровск и на Малоярославец.

– Эх, если бы НП повыше перенести, на вон ту колоколенку! – мечтательно заметил командир арtdивизиона, как бы между делом, обращаясь к штабисту.

– А почему бы и нет? Засекут, правда, немцы, но...будем надеяться, не сразу! – с интересом откликнулся Яиров на эту авантюрную идею. – Давай живо тани туда связь!

Через полчаса с колокольни удалось связаться не только с батареями, штабом 1083 полка, но и с дивизией. Доложить комдиву, правда, ничего толком не удалось – разрывом перебило линию.

12 октября немецкие войска по дорогам безнаказанно двигались уже сплошными транспортными потоками. Одна колонна из 30 автомашин с минимальными между грузовиками дистанциями направлялась в сторону шоссе на Боровск. Лучшую цель для артиллеристов и придумать трудно. Комаров дал команду на залпо-

вый огонь всем трем батареям. В бинокль было хорошо видно, что накрыли колонну удачно: середину, голову и хвост. Как только развеялась пыль от разрывов, стали добывать уцелевшие машины, пытавшиеся уйти от обстрела по целине. Немецкие солдаты в панике бросились из кузовов по открытому полю к березовой роще. Но Комаров не дал им уйти – методично с колокольни координировал огонь. Так, что через сорок минут с вражеской автоколонной было покончено. От огня артиллерии ушло лишь 2–3 грузовика. Остальные, разбитые и горящие, забаррикадировали дорогу. Через некоторое время гитлеровцы решили ее расчистить двумя тягачами. Один из них сразу подбили пристрелявшиеся казахстанские расчеты. Второй, несмотря на яростный огонь батареи, продолжал буксировать разбитую технику. Но вскоре снаряды зацепили и его. После тягачей на «распаханной» пушками дороге появилась легковушка. Похоже, недоволен был высокий немецкий чин блокированной коммуникацией. И решил убедиться в положении дел лично. Одной батареей артиллеристы снова открывают огонь. Но поздно – штабной «Опель», резко развернувшись на месте, исчезает из сектора обстрела. Через некоторое время гитлеровцы двумя–тремя машинами возобновляют движение. Наша артиллерия молчит, получив приказ не стрелять. Без команды с колокольни. Это успокаивает противника, и на дороге вновь появляется колонна из 15–20 автомобилей. Залповый огонь дивизиона превращает и ее в груды металлолома.

Капитана Автандилова наконец удалось вернуть в штаб полка. Он, все еще находясь под впечатлением боя, докладывает:

– Немецкие танки и пехота общей численностью до дивизии наступают по фронту полка, не давая и часа на передышку. Мы же не можем им противопоставить ни одного танка! Остается только «молотовским коктейлем» их жечь. Просил у соседа – начальника пехотного училища взвод тяжелых танков «КВ», но тот зажал: говорит, сам им применение найду, справляйся своими силами. А у меня скоро от полка батальон останется!

Автандилов не был похож на растерявшегося человека, но чувствовалось по тону, что кроме личного мужества ничего взамен предложить не мог.

– Поменьше горячки, командир, что конкретно можешь сказать о линии обороны? Где третий батальон и куда отошел второй? – Яиров разложил карту на круглом деревенском столе.

– Танки выдавили второй батальон старшего лейтенанта Черепанова из Ищеино. Потом после двух дней боев нас выбили из Шувалово и Зеленино. Третий батальон, ведя бой в районе населенного пункта Деревенька, примкнул к соседу справа, с ним связи нет. Но, поверь, даром ничего не сдали! Фрицы за эти дни потеряли двадцать машин с пехотой, полтора десятка танков и два самолета. Рвутся в Боровск – от пленного вчера узнали, очень активны они и в направлении Малоярославца. Мы им тут, как кость в горле.

Яиров при живом и деятельном командире полка не решился взять командование на себя. С его отъездом штаб дивизии больше ничего о положении 1083

1. Молотовским коктейлем солдатская молва окрестила бутылки с зажигательной смесью.

стрелкового полка не знал – Наумову после обстоятельного доклада начальника оперотдела пришлось придать полк начальнику Подольского пехотного училища генерал–майору В.А. Смирнову. Ибо управлять им на таком расстоянии не было возможности. Поэтому, 312–я дивизия фактически осталась в составе двух стрелковых полков юго–западнее «Варшавки». Однако задумываться о независимости положения было некогда – гитлеровцы, усиленные танками, наступали с 4–кратным превосходством по численности.

2. «О способах борьбы с русскими танками»

Из трофейных документов, перевод с немецкого:

...Тот факт, что противник применяет тяжелые танки, которые не могут быть подавлены немецкими танками, заставляет искать выход из этого положения.

Борьба с тяжелыми русскими танками является задачей всех родов оружия. Каждый солдат должен быть проникнут сознанием того, что должен суметь отразить всякое наступление русских танков путем правильного применения всех средств и путем совместных действий всех родов оружия...

Боялись немцы наших танков, панически боялись! Ибо не брали лобовую броню нашего тяжелого КВ («Климент Ворошилов») и среднего Т–34 ни 37–миллиметровые пушки их танка Т–3, ни даже 75–миллиметровые пушки танка Т–4. Не случайно, Т–34 впоследствии признан лучшим танком второй мировой. В целях борьбы с русскими бронированными чудовищами немцы создавали даже специальные подразделения истребителей танков из двенадцати человек:

Предлагается следующая организация отряда:

- а) командир со связью;*
- б) отряд охранения (три солдата с пулеметом и автоматами);*
- в) дымоустанавливающий отряд (два солдата со средствами дымообразования);*
- г) подрывной отряд (шесть солдат, снабженных 2–3 связками гранат, бидоном с бензином, самое большое 10 литров, 2 минами «Т», ручными гранатами)...*

Такому спецподразделению надлежало:

... С боем приблизиться к танку противника при поддержке всех видов оружия. Или подползти к нему. Если, как это часто бывает, танк не охраняется русской пехотой, окружить танк дымом (по направлению ветра), подскочить, вскочить на танк (с противоположной стороны), положить связку гранат позади башни, поджечь запал и выпрыгнуть в укрытие.

Действие – экипаж танка погибает или немедленно покидает танк.

Можно также, пустив дым, как было указано, установить сзади на танке бидон с бензином, на котором укреплен ручная граната, поджечь ее и выпрыгнуть в укрытие.

Действие – танк загорается, и экипаж вынужден его покинуть.

Можно также, окутав танк дымом, положить перед гусеницами в направлении движения, поставленные на боевой взвод мины.

Действие – танк теряет способность двигаться, и может быть уничтожен на участке дивизии...

Каждый солдат, который уничтожил русский танк в 26,32,52 тонны, должен быть представлен для награждения. Кроме того, каждый, кто уничтожил русский танк в 26, 32 тонны, получает 8–дневный отпуск для поездки на родину, а уничтоживший танк в 52 тонны – 14–дневный...¹

Какой германский штабной крючоктвор умудрился сотворить сей документ, использовать который в боевых условиях было, мягко говоря, затруднительно, – история умалчивает. Но суть не в том. Из этой бумаги можно понять, что фашисты всячески поощряли своих солдат, лишь бы выводить из строя даже те весьма немногочисленные новые советские танки, наводившие ужас на части непобедимого вермахта.

3. Артиллеристы с ...пашками

«Боги войны» – были главной надеждой комдива на танкоопасных направлениях. И эта надежда, как показали ближайшие дни, оправдалась. Не случайно, когда немногих выживших в боях воинов 312–й решили наградить, большинство представленных к наградам оказались артиллеристами 859–го артполка. Казалось бы, не очень–то и велика сила – 34 орудия. Но нанесла весьма ощутимый урон врагу, активно использовавшему в наступлении технику. Вот, как об этом вспоминал участник тех событий, по штату – заместитель, а фактически – командир первой батареи младший лейтенант В.И. Житников²:

– Пришедши в себя после бомбежки, мы продолжили разгрузку эшелона, благо наши 107–миллиметровые орудия оказались не повреждены. В это время меня и политрука батареи старшину Г.И. Люльченко³ вызвал к себе командир полка. Раненого в плечо и руку капитана Волошина мы нашли в деревне Инютино. Времени на раздумья он нам не оставил: сразу после разгрузки нужно было скрытно по проселку выдвинуться в район поселка Юрьевское. Где поддержать 1083–й стрелковый полк дивизии и перекрыть путь 258–й пехотной и 19–й танковой дивизиям немцев севернее Варшавского шоссе. Нужно было до наступления темноты добраться до места намеченной обороны и попытаться оборудовать позиции. Или, хотя бы, наметить ориентиры для стрельбы.

Батарея на конной тяге – шесть 3–тонных длинноствольных орудий, которые тянут три пары лошадей (уносы) с максимально возможной скоростью –12 километров в час. Плюс боезапас 480 снарядов. Плюс неприкосновенный запас 280 снарядов.

1. ЦАМО РФ. Фонд 398. Опись 9308. Дело 2. Лист 314.

2. В.И. Житников (1911), до войны – инженер строившегося в Актюбинске завода ферросплавов. После войны – подполковник в отставке, преподаватель Актюбинского педагогического института.

3. Г. И. Люльченко (1914), мобилизован Алгинским райвоенкоматом, старшина, политрук батареи артполка.

Плюс фураж и продовольствие на трое суток. Плюс средства связи. Личное оружие у командиров – пистолеты и...шашки. У рядовых – по винтовке и две гранаты. У ездо-вых – винтовки с шашками. Помимо всего прочего, у каждого по вещмешку, проти-вогазу и пехотной лопатке. Зачем артиллеристам кавалерийские шашки, в которых они постоянно путаются при ходьбе, тогда никто вразумительно объяснить не мог. В армии ведь приказы не обсуждаются. Если учесть дождливые деньки октября, мгновенно превращающие проселок в труднопроходимые земные хляби, то к вечеру десятого, с горем пополам, батарейцы добрались в район сосредоточения. Ночь вы-далась темная и спокойная – немцы ночью, к счастью, не воюют. В 10–12 километрах от села Шемякино, артиллеристы заблокировали автодорогу Медынь – Боровск.

Утром 11 октября разыскали командный пункт 2-го батальона 1083 полка, а на нем вместе с комбатом, старшим лейтенантом А.И.Черепановым, и своего коман-дира дивизиона капитана Комарова. Тот выбор места не одобрил – важнее было пе-рекрыть большак за деревней Тяпино. Но времени на передислокацию не осталось: по дороге двигались два батальона немецкой мотопехоты. Что такое раздельное гильзовое зарядание 107-миллиметрового орудия поймет только артиллерист на-чала прошлого века. Для непосвященного в тонкости труда орудийного расчета из пяти человек, скажем, что пушку нужно не только навести, по команде командира, но и загнать в казенную часть ствола сначала снаряд, а потом заряд с заранее отме-рянным количеством пучков пороха. По той или иной цели. Не отмерил заблагов-ременно пороховой заряд – гибель. Готовеньких цельных снарядов, как в кино нын-че показывают, никто в бою не поднесет. Тем не менее, даже такая вот допотопная артиллерия представляла собой грозную силу, особенно в сравнении с рядовым пехотным Ваней, вооруженным «трехлинейкой» и русским штыком.

Немецкая походная колонна солдат тем временем приближается. Хорошо идут завоетатели, размеренно, без головного дозора и боевого охранения. В полной уве-ренности, что свежих русских частей здесь быть не может. А за рекой потомки кочев-ников уже зарядили орудия. Неожиданный артиллерийский залп, по впечатлениям участников этого боя – Карысяя Джанибекова¹ и Абена Букеева², был подобен грому среди ясного неба. Результат на лицо: шрапнелью целый фашистский взвод разметало. Грянула батарея «походный марш» так, что на дороге – пробка из двенадцати го-рящих искореженных автомашин. Солдаты в серых шинелях, разбегавшиеся было в разные стороны, но остановленные «гер официром», залегли и открыли огонь. Од-нако до артиллерийских позиций – десяток километров. Поэтому, эффективность стрельбы из маузеровских карабинов калибра 7,92 – никакая. Наши-то, царские еще пушки, модернизированные в 1930 году, дальность стрельбы до 16 километров име-ют. В результате, за пехотой еще и немецкую минометную батарею огнем подавили.

Во второй половине дня гитлеровцы по этой дороге пустили пять танков. Рас-чистить проезд и русскую батарею уничтожить. Пятнистые тяжеловесные, при-бывшие из Африки, машины командир второго орудия краснодарец сержант Анд-

1. К. Джанибеков (1917), мобилизован Темирским РВК, красноармеец, замковой 4 орудия 1 батареи, награжден орденом «Красная Звезда».

2. А. Букеев (1913), до войны – работник совхоза «Овцевод» станции Аккемир, мобилизован Уилским РВК, красноармеец, ездовой 3 орудия 1 батареи, награжден медалью «За Отвагу».

рей Семенов в бинокль засек. И опять аккуратно панорамы подкрутили – сделали батареями еще десять залпов. Немцы четыре горящих танка на дороге бросили, а последний – задним ходом в лощину. Подумать, наверное, захотел экипаж, а может внезапно возникшую нужду справиться.

12 октября 1941 года гитлеровцы захватили Калугу (до 1944 года – райцентр Тульской области). Возобновили наступление они и с севера на Малоярославец. При поддержке артиллерии атаки были отбиты батальонами 1083-го полка. При этом уничтожено еще несколько огневых точек и танков противника. В ночь на 13 октября батарею все же решили передислоцировать на позицию юго-восточнее Тяпино. Загоревал комбат Черепанов: «теперь нам крышка, раздавят нас без артиллеристов». А деваться некуда: там, по большаку танки 20-й танковой дивизии 57-го немецкого моторизованного корпуса, похоже, утром наступать будут. Вымотались за бессонную ночь артиллеристы со своим тяжеловесным хозяйством, но успели орудийные рвы и окопы для личного состава на новом месте вырыть, а также замаскировать орудия.

Два следующих дня, 13 и 14 октября, фашисты силами мотопехоты и танков при поддержке авиации и артиллерии вновь пытались прорваться к Малоярославцу с севера. Но опять безуспешно. Вот вам и деревня Тяпино, господа любители баварского пива! Думали, тяп-ляп и – в дамках? А тут казахскую артбатарею черти принесли. С расторопной обслугой и, главное, наводчиками, обладающими прекрасным степным глазомером.

14 октября пал город Калинин. Утром танков было уже тридцать. И нашим боевым расчетам прохладный октябрьский денек было не просто жарко. А горячо, как в адском пекле. 35-летний «дядя Степа» из Уральска – младший сержант Степан Чуриков¹ – едва успевал наводить орудие, разворачивая ствол от одной цели к другой. Один железный монстр уже пылает, второй закрутился на катках с оборванной гусеницей, а третий никак не достать – лесок мешает. Кое-как поймал его в окуляр прицела, оглянулся, а в снарядных ящиках... ветер гуляет. Комсорг полка младший лейтенант Андрей Рекубрацкий,² охрипший от корректировки огня, взял двух бойцов и бросился за снарядами. Но танки лезут, до первого уже двести метров. Спасает положение правильный первого орудия Мади Сарсенбаев³. Услышав, что справа тоже замолчала пушка, кинулся к ней. А там вместо орудия – искореженный остов, но снаряды остались. Притащил волоком два ящика, вывели пушку на прямую наводку, ударили бронебойным. И встал танк, как вкопанный – лобовую броню пробили! Пока суть, да дело, Рекубрацкий с бойцами доставил снаряды, опять беглый огонь по подползающим стальным с белыми крестами мишеням. Однако, это была уже агония: лопнули от перегрева из-за непрерывной стрельбы стволы двух пушек батареи. Такая вот странная штука: человек такой бешеный темп боя выдерживает, а специальный орудийный сплав – нет.

Чертову дюжину – тринадцать танков возле деревни Тяпино потеряли фашисты 15 октября. Это результат работы только одной батареи 859-го артиллерийского полка 312 стрелковой дивизии! Остальные вражеские танки не рискнули продвигаться дальше.

1. С. И. Чуриков за подмосковные бои награжден орденом «Красное Знамя». После Победы вернулся в родной г. Уральск. 2. А. К. Рекубрацкий, до войны – второй секретарь Актюбинского горкома комсомола. За осенние бои награжден орденом «Красное Знамя». Посмертно. 3. М. Сарсенбаев (1906), мобилизован из поселка Яйсан Мартукского района Актюбинской области, старший сержант, удостоен медали «За боевые заслуги».

Ночью бывшего яйсанского агронома старшего сержанта Сарсенбаева, ставшего здесь по совместительству и связистом, и разведчиком, послали в Тяпино. Подсчитав количество танков и автомашин в деревне, сообщил он и другие свои впечатления: озадачились, видимо, немецкие вояки непрístupным выходом из села. Долго горел свет в штабной избе. Они же в Европе привыкли «правильно» воевать: по русскому бездорожью выдвигаться не хотели.

С утра на батарее по фронту и с флангов был брошен полицейский батальон автоматчиков. И залегли наши героические пушкари с винтовками образца 1891-го вокруг двух уцелевших, но оставшихся без снарядов орудий. А когда «эсэсовцы» с закатанными рукавами и скорострельными «шмайсерами» у бедер окружили батарею, пошли на них в последнюю штыковую контратаку: За Родину! За Сталина! Ур-р-я-а-а!..

Поэзия на войне кончается быстро. Ее место занимает траурная проза. Из девятиности восьми батарейцев сквозь окружение пробилось семнадцать. Орудия успели подорвать. Упал замертво при прорыве командир второго орудия Андрей Семенов. Навсегда остались в калужской земле командир огневого взвода младший лейтенант Максим Литвинов, красноармейцы Николай Тарасенко, Григорий Луценко, Сактаганберген Сеитов, Матвей Рязанов, Николай Пасечный и многие другие. В неравном бою погиб командир дивизиона капитан Комаров. Застрелился, не желая сдаваться врагу, командир второй батареи с чудной фамилией Галета...

Ну, а самое прискорбное для нас, потомков, заключается в том, что до сих пор все эти люди считаются... БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИМИ. Даже на страницах изданной в 90-х годах Актюбинской областной Книги Памяти. А многие погибшие воины в ней вообще не учтены. Нет человека, нет и проблемы. Так было и пока, к сожалению, остается в нашем царстве-государстве.

Часть орудий 859-го артполка без снарядов с позиций все же удалось вывести. Но от самого полка 16-17 октября 1941-го остались крохи. Его, по существу, уже не было.

*Пишет девушке одной
Автоматчик молодой:
Дескать, ты, моя душа,
Хороша, как ПэПэШа!¹*

4. Не все, с чем ходят на парадах, Всегда пригодно на войне...

ППШ-41 или пистолет-пулемет Шпагина, образца 1941года, по приказу наркома обороны принят на вооружение стрелковых рот, как оружие пехоты, только 12 октября 1941-го². В дни, когда гитлеровцы уже рассматривали окраины Москвы в бинокли! Так уж в стране советов повелось: пока гром не грянет – мужик не перекрестится. А ведь талантов в нашем народе хватало всегда: опытный образец пистолета – пу-

1. «Анекдоты». Фронтовой юмор. Москва. Издательство «Лана». 1995. Стр.30.

2. Приказ наркома обороны № 0406 «О введении в штат стрелковых полков роты автоматчиков», вооруженной ППШ-41. ЦАМО РФ. Фонд 43А. Опись 9308. Дело 2. Лист 468.

лемета, приспособленного под револьверный патрон, по конструкции и баллистике превосходящий серийный немецкий пистолет–пулемет Фольмера (который сами немцы по привычке ошибочно называли «шмайсером») был представлен Федором Токаревым на испытания еще в 1927 году. К сожалению, тогда автомат постигла неудача: из–за поломок и задержек в стрельбе комиссия не рекомендовала его для производства. Тем не менее, прецедент послужил толчком к развитию конструкторской мысли. К тому же, автоматическим оружием заинтересовался и начальник вооружений РККА И.П.Уборевич (1896 – 1937). В результате мэтр отечественного стрелкового оружия Владимир Дегтярев в 1934–м предложил новый образец пистолета–пулемета собственной системы. Который превзошел токаревский по кучности стрельбы. Увы, рабоче–крестьянская психология советского генералитета затерла в бумагах и это творение: «разве ж мы будем вооружать свою армию полицейским оружием борьбы против пролетариата!» В итоге ППД–34 выпустили всего 4 тысячи единиц. Между тем, как немецкий пистолет–пулемет Фольмера, предназначавшийся вначале лишь для парашютистов под маркой МП–38¹, оружейники вермахта доработали и как МП–40 он выпущен для всех родов войск в количестве 1,2 миллиона экземпляров!

Лишь с началом финской кампании 1940–го у нас изменилось отношение к подобному оружию. Очень убедительным аргументом в руках финских разведчиков против наших штыков оказались скорострельные пистолеты–пулеметы Суоми. Вот тогда, наконец, и появился серийный дегтяревский ППД–40. Коим, впрочем, так и не сумели полноценно вооружить армию, выпустив всего 81.100 единиц такого оружия. Отчасти, из–за технологической сложности изготовления. Отчасти, из–за привычной нашей пролетарской дремучести. Георгий Шпагин максимально упростил дегтяревский пистолет–пулемет, усовершенствовал его и предложил в виде штампованного ПППШ–41. Но, поздно – война была уже на пороге. Поэтому воевать с вооруженными до зубов гитлеровцами пришлось царскими, в основном, винтовками.

И все же, не зря говорят, что голь на выдумку хитра. Понюхавшие пороху крестьянские мужички, не желавшие дешево отдавать свои жизни оккупантам, стали выходить из трудного положения, позаимствовав оружие...у врага. Увы, и в этот «неуставной» процесс стали вмешиваться бдительные политорганы:

Из приказа войскам 43–й армии «Об организации товарищеских судов и судов чести»:

...Некоторые командиры и комиссары частей ввели неправильную и вредную практику, наводняя военную прокуратуру потоком ходатайств о предании военно–служасих суду военного трибунала за малейшие проступки и нарушения воинской дисциплины.

Например, командование 64–го отдельного зенитного артдивизиона доставило в военную прокуратуру старшину Чернышева, настойчиво требуя предания его суду за то, что он не желал сдавать трофейный автомат.

Между тем, старшина Чернышев в прошлом дисциплинированный командир,

1. «Машинен пистолет» образца 1938 года.

имеющий за время службы в Красной Армии 12 поощрений и ни одного взыскания...¹

Прости меня Господи, за непечатные выражения, которые невольно возникают в голове, когда знакомишься с очередным таким примером дисциплинарной практики! Уверен на сто процентов: если бы немцы не стояли уже под Москвой, то полировал бы ты казенными штанами нары, и валил бы лес в одном из лагерей ГУЛАГа, геройский старшина Чернышев! За то, что хотел воевать грамотно, а потому и захватил в бою у врага автоматическое оружие. То самое, которым генералы от сохи не сумели вооружить армию. Но видит Бог, они старались. Как сказал мой красноречивый земляк, хотели, как лучше, а получилось, как всегда:

Из предложения по конструкции вооружения

...Винтовка СВТ-40 (самозарядная винтовка Токарева образца 1940 года, см. на первой странице обложки - ГЧ.) требует конструктивных изменений, т.к. бойцы часто жалуются на ее задержки в бою. Её трущиеся части при малейшем засорении отказывают в работе. Кроме того, подающий механизм магазинной коробки сидит ниже патронника, в результате чего происходит утыкание патрона в нижний край патронника, подгиб гильзы и задержки...²

*Начальник штаба 43 армии
полковник Боголюбов.*

И это, читатель, в разгар боев говорится об оружии, которое только в 1941-м оружейные заводы страны выдали «на гора» более миллиона штук! Причем, оно стреляло по старой пролетарской традиции одиночными. Хотя еще в 1936-м была разработана прекрасная автоматическая винтовка Сергея Симонова – АВС-36. Которая была легче токаревской по весу, проще по конструкции и дешевле для производства. Но она, видите ли, страдала «чрезмерно большим расходом боеприпасов». Поэтому массовое вооружение ей наши армейские головотяпы не допустили. Зачем, мол, драгоценный цветной металл на патроны изводить? Дешевле всучить красноармейцу старую, но весьма экономную мосинскую трехлинейку образца прошлого века. Ведь, жизни человеческие в нашей стране завсегда дешевле были, нежели вооружение. Что при царе-батюшке, что при родной коммунистической партии.

5. Остался на поле боя...

От деревни Машкино до города Медынь, уже занятого немцами, двадцать километров. До оккупированного накануне Кондрово и того меньше – пятнадцать. Потому, выдвигаясь в Машкино из Малоярославца, комбат-2 1079 стрелкового полка капитан Мичурин не был уверен, что на марше его батальон не столкнется с врагом. К счастью, все обошлось, и уже поздно вечером 11-го бойцы оборудовали себе окопы прямо в этой деревеньке. Так уж ей «повезло» – стать опорным узлом обороны полка. Что было вполне оправдано: прямо посреди деревни, деля ее пополам,

1. ЦАМО РФ. Фонд 398. Опись 9308. Дело 3. Лист 10.

2. ЦАМО РФ. Фонд 398. Опись 9308. Дело 73. Лист 10

два километра тянется довольно глубокий овраг. По которому течет небольшая речка Алешинка. Этот естественный противотанковый ров грех было не использовать в условиях жесточайшего дефицита времени.

Ранним утром политрук роты Александр Колесников¹ с двумя солдатами решил обойти наспех оборудованные позиции – проверить готовность подчиненных к грядущему бою. Что-то не понравилось ему в неторопливо шедшем по деревне гражданском мужичонке: вроде, одет по-деревенски, но выбрит подозрительно чисто, да и прическа под кепкой по-военному коротка...

– Стой! Кто таков, документы есть?

Заметались глазки у случайного прохожего, полез, было, за пазуху, но ничего оттуда не достал, видно передумал: быстро повернулся и – в придорожный лесок. Рванув из кобуры «наган», Колесников прикинул расстояние и понял, что из револьвера может его не достать:

– Бойцы, по шпиону, огонь!

Солдатик-казах быстро сдернул с плеча винтовку и, наскоро прицелившись, первым выстрелил в мелькающую уже между деревьев спину лазутчика. Тот упал и, дернувшись, затих. Колесников бросился к нему, приказав держать перелесок на мушке – если это, действительно, немецкий разведчик, то он мог быть не один. Спустя несколько минут, достав из полы пиджачка убитого взведенный «парабеллум»², высоко поднял его над головой, показывая солдатам, что стреляли не зря. А сам подивился, что переодетый немец побоялся применить оружие. Видно, неуверенно они себя в одиночку на чужой земле чувствуют. Вернулись в роту, а на деревню под прикрытием минометного огня уже ползут десять фашистских танков с автоматчиками.

Бой был тяжелым. Артбатарея сумела остановить только два танка, остальные при поддержке пехоты начали раскатывать гусеницами западную окраину деревни. Там, где были позиции роты. В срочном порядке сюда для обороны был подтянут почти весь батальон. В этом бою он потерял командира – капитана Мичурина, а четвертая рота осталась без своего – лейтенанта Носкова. За оврагом – естественным противотанковым рвом Колесникову удалось вновь закрепить роту. Но два немецких танка пошли в обход. Наблюдая за тем, как они заходят с тыла, младший политрук лихорадочно соображал: кого послать к ним с гранатами? Он явственно представил себе: вот со связкой гранат и бутылками с зажигательной смесью короткими перебежками навстречу танку двигается один его необученный солдат. И падает замертво, скошенный пулеметным огнем. Затем он приказом поднимает наперерез другого, такого же новобранца. Тот успевает преодолеть только треть пути и... тоже получает в грудь порцию свинца. Третий потенциальный смертник выдвигается слишком поздно – танк через пару минут, обойдя ров сбоку, кагится прямо по телам солдат залегшей роты. От нее после дьявольской работы танка останется с десяток человек, которых немецкие автоматчики, не желая тратить время, лениво добьют короткими очередями. Либо погонят под конвоем вглубь, на запад. Его, человека с комиссарской

1. Актюбинец А. И. Колесников (1910) награжден орденом «Красное Знамя». Посмертно.

2. Название немецкого пистолета «парабеллум» (дословно в переводе – готовься к войне) произошло от латинской пословицы «хочешь мира – готовься к войне».

звездой на рукаве и двумя «кубарями» в петлицах, они пристрелят сразу, – таких в плен не берут. Нет, не дождетесь, гады! Рота будет жить, и держать Машкино. Мертвой хваткой держать.

Приняв трудное для себя решение, Колесников уже не торопится. Он ползет с гранатами вперед, тщательно укрываясь от пуль. Прыгает в пустующий одиночный окоп–ячейку и терпеливо ждет, пока оцетгинившийся огнем танк подкатится ближе. За этим смертельным учебным поединком, затаив дыхание, наблюдают все бойцы роты. Хватит ли выдержки у политрука? Дождавшись удобного момента, тот выверенным сотни раз движением бросает гранату под стальную трак. А потом, воспользовавшись тем, что железная машина крутанулась на уцелевшей «гусенице», бросает за башню – в моторный отсек бутылки с зажигательной смесью. Танк удалось не просто поджечь, после того, как бутылки попали в цель, он горит как факел! Чадающее пламя первого стального чудовища – лучший аргумент для второго. Резко развернувшись, другой вражеский танк уходит восвояси, отказавшись от обходного маневра. Политрук, подобрав пилотку, слетевшую с головы в горячке боя, оглянулся на спасенную им роту: самое время поднять бойцов в контратаку и штыками догнать убегающую за танком немецкую пехоту:

– За мной вперед, УР–Р–А–А!

Не выдержали немцы и побежали с едва занятых позиций на западной окраине деревни. Но их командование бросило в рукопашный бой свежие силы. Вся деревня стала полем боя: на одной стороне – наш второй батальон, на другой – немцы. Два дня гитлеровцы тщетно пытались взять Машкино. Маленькое, ничем не выдающееся село. И от этого бесились, бросая сюда новые силы. На третий день, 13 октября, полковник Наумов распорядился поддержать здешнюю оборону батареями реактивных минометов «РС», которые солдаты меж собой позже нарекли «Катюшами». Несколько залпов смели очередную наступающую волну гитлеровцев и перемешали все на завоеванных ими позициях. А младший политрук Колесников поднял остатки своей роты в очередную контратаку.

Тяжело раненого в живот и голову политрука, лежавшего в балке посреди деревни, пытались отбить целый день. Однако, гитлеровцы сосредоточили над балкой столь плотный огонь, что один посланный туда боец был убит, другой ранен. Только с наступлением темноты удалось перевязать политрука и отправить на подводе в санчасть. Увы, помощь запоздала...¹

На правом, противоположном краю обороны 1079 стрелкового полка обстановка в эти дни сложилась не менее угрожающей. 14 октября противник силою до батальона вклинился в расположение 3–го батальона Подольского пехотного училища, угрожая зайти во фланг казахстанскому полку. Немедленно усилив курсантов стрелковой ротой, командир полка подполковник Анатолий Бурков, выровнял линию обороны. В этот день гитлеровцы оставили здесь до четырехсот трупов. 15 октября гитлеровцы, сосредоточив в Башкировке два батальона пехоты, выбрали курсантов

из поселков Малая и Большая Шубинка. Атаки противника сопровождалась ураганым артналетом и авиабомбардировками. И 3-й курсантский батальон, имевший в своем составе юнцов сентябрьского набора с 15-дневным сроком обучения, не выдержал – разбежался по окрестным лесам. Но уже в 16 часов того же дня, собранные и вновь усиленные бойцами правофлангового батальона 1079 стрелкового полка курсанты, выбили противника из этих сел, восстановив положение. К сожалению, оборона на этом участке удерживалась недолго. Ибо в очередной раз усилить курсантов было нечем. Фашисты, придав атакующим вдоль Варшавского шоссе частям танки, на следующий день сломали оборону подольских курсантов. И командующему 43-й армией генерал-лейтенанту Акимову 17 октября пришлось приказом подчинить Подольские пехотное и артиллерийское училища командиру 53-й стрелковой дивизии. Увы, и эта мера оказалась запоздалой. Полк, куда влились курсанты, был обескровлен предыдущими боями, потерял большую часть своих людей.

6. У незнакомого поселка, На безымянной высоте...

Между Калугой и Малоярославцем, в живописном лесном уголке, на реке Суходрев, расположено село Детчино. Которое стало опорным узлом левого фланга обороны дивизии, как и всего Малоярославецкого боевого участка. Именно сюда 11 октября, пока еще не чувствуя серьезной угрозы, Наумов, с целью усиления находящихся здесь 4-го батальона подольских курсантов, противотанковой артиллерии и огнеметной роты, выдвинул батальон 1081 полка с 45-миллиметровыми полковыми пушками. Намереваясь два других батальона попридержать в резерве. На случай любой неожиданности, коими изобилвала Московская оборонительная операция.

Во второй половине следующего дня интерес фашистского командования к Детчино – единственному препятствию на пути к Малоярославцу с юга, проявился в виде мотопехоты с полусотней автомашин и четырьмя танками. Поэтому сюда Наумовым был отправлен и второй батальон 1081-го стрелкового полка. А через пару дней – и третий. Положение осложнилось тем, что на левом фланге полк должен был наладить взаимодействие с соседом – 9-й танковой бригадой. Однако та, используемая по распоряжению представителя ставки, изыскивающего резервы, не вышла в заданный район, оголив, таким образом, левый фланг дивизии.

13 октября, немецкая пехота, при мощной поддержке бомбардировщиков, овладела соседним селом – Верхними Горками. А вечером 14-го они заняли Таурово, ворвавшись на южную окраину Детчино. Утром 15 октября 1081-й стрелковый полк отчаянной контратакой выбил противника за пределы села. В этот день фашисты еще трижды атаковали Детчино. Но, несмотря на численный перевес, не сумели сломать оборону стойкого казахстанского полка. Трижды водил в этот день роту в контратаки актюбинец – политрук Федор Савченко¹. В одну из таких вылазок, из-

1. Ф. Г. Савченко (1912) мобилизован с должности заведующего орготделом Хобдинского райкома партии. За подмосковные бои награжден орденом «Красная Звезда».

расходовав патроны, он бросился с винтовкой на немецкого офицера, вооруженного автоматом. И оглушил его прикладом, не дав выстрелить. Вместе с офицером были захвачены три автомата, легковая и грузовая автомашины.

Оставив безрезультатные попытки захватить Детчино лобовыми ударами, гитлеровцы решили его обойти. Северо-западнее Детчино есть маленькое село Березовка. Перед ним – высота 209,9. Овладеть ею – ключевым рубежом в борьбе за Детчино, означает замкнуть кольцо окружения вокруг не желающего сдавать позиции полка. Был обеспокоен положением и комдив–312, переместивший сюда поближе, в Караськово, штаб дивизии.

16 октября высотка несколько раз переходила из рук в руки. А к исходу дня, вновь оказалась у немцев. Если позволить им закрепиться здесь хотя бы на ночь, то утром полк окажется отрезанным. Хорошо понимая это, Наумов бросил в бой все имеющиеся резервы. Саперов, связистов, роту разведки. Сквозь сплошную завесу огня и дыма раз за разом поднимался в атаку на высоту 209,9 и отдельный зенитно-артиллерийский дивизион, так и не получивший зенитных орудий.

– За Родину!!! Пулеметы из бетонных ДОТов на высотке, при поддержке минометов, и огонь немецкой пехоты так нашпиговали воздух смертоносным свинцом, что дивизион таял на глазах. Видел политрук Иван Тананайский, как ослаб, получив ранение, командир сводного резерва капитан Валентин Яиров. Как были ранены командир разведроты капитан Лапшин, главный дивизионный инженер майор Михаил Добрынин. Как был убит комиссар дивизиона, исполнявший обязанности его командира, Федор Костин. Как упал, наткнувшись на пули, его друг Иван Пацаев (1910–1941). Увы, оказывать помощь, подбирать раненых или хоронить убитых было некогда. Да и, собственно, некому. Ведь главной целью была ВЫСОТА.

Через тридцать лет, на пути к новой цели, на другой высоте, в холодной войне за околоземную орбиту трагически оборвалась жизнь сына политрука-зенитчика – бортинженера космического корабля «Союз–11» Виктора Ивановича Пацаева (1933–1971). Он погиб в составе всего экипажа. Из-за разгерметизации спускаемого аппарата. Чему причиной послужила авральная подготовка к полету. В пылу политической борьбы за космос. Такая судьба у наших советских людей. Оплачивать военно-политические ошибки руководства страны массовым героизмом.

К исходу 16 октября 1941 года противник создал реальную угрозу окружения 1081-го стрелкового полка в районе Детчино, действуя с юго-запада, юга и северо-востока. Положение восстановить не удалось. Поскольку силы были заведомо неравными. Как впоследствии выяснилось, на позиции 1081-го полка наступали 282-й, 283-й и 290-й пехотные полки противника.

Еще двое суток полк вел бои в полном окружении. Из вражеского кольца, судя по донесению, сумело вырваться лишь около сотни бойцов. Так перестал существовать 1081-й стрелковый полк, численностью ДВЕ ТЫСЯЧИ ДЕВЯТЬСОТ ЧЕТЫРНАДЦАТЬ человек.

Часть четвертая.
НЕЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

1. Действовать по обстановке

Из боевого донесения заместителя начальника штаба 43 армии

18 октября 1941 года я был назначен руководить оперативным пунктом, оставленным на западной окраине города Малоярославец. На основе полученных донесений и разговоров с командирами 53 и 312 стрелковых дивизий по телефону и лично, обстановка рисовалась мне следующая.

С рассветом 18 октября противник начал наступление на всем фронте.

Фронт обороны Подольского военного училища был прорван вдоль шоссе в районе села Ильинское, 12 танков противника прорвались в район Шумятино и разогнали там 12 стрелковый полк 53 стрелковой дивизии, который совершенно не имел артиллерии и бутылок КС для борьбы с танками.

Для прикрытия участка Чуркино–Шубинка был выдвинут 475 стрелковый полк 53 стрелковой дивизии, а 12 полк, разбежавшийся 17 октября под ударами танков, собирался в лесу северо–восточнее Малоярославца.

Остаткам Подольского пехотного училища, около 140 человек, (имеется в виду 3–й батальон ППУ – ГЧ.) после отхода назначался район обороны Колымкино, Копенки, Панское.

В каком положении отходил 108 запасной стрелковый полк, командир 53 стрелковой дивизии и начальник ППУ данных не имели.

Командир 312 стрелковой дивизии на основе полученного приказа об отводе обороны на новый рубеж, сумел отдать распоряжение лишь 1079 стрелковому полку, а 1081 полку и батальону ППУ (4–й батальон ППУ – ГЧ.) приказ об отходе отдан не был, так как с этими частями отсутствовала связь.

По предварительным данным, из 1081 стрелкового полка вышло из боя до двух рот, а батальон Подольского пехотного училища распозлся по лесам. Лишь 1079 стрелковый полк был полнокровный и в предыдущих боях дрался хорошо. Но он попал под удар противника с севера и с юга. Таким образом, командир 312 стрелковой дивизии потерял управление частями и не мог доложить, где и какие части занимают оборону. В случае нажима противника он намечал отход на реку Протва по дороге Чулково, Барденево, Клины, Фатеево.

Примерно в 9–00 18 октября я выехал в Немцово (2 км юго–западнее Малоярославца), где намечался штаб 312 дивизии при отводе на новый рубеж, но в связи с тем, что деревня Немцово слишком открытая, командир дивизии решил разместить командный пункт в Чулково. Не успел я проехать с полкилометра к Немцово, как услышал артиллерию на западной окраине Малоярославца, свист пуль и разрывы снарядов прямо у машины. Оглянувшись, увидел, что по грунтовой дороге с запад–

ной окраины города двигались два танка, на ходу ведя огонь по грузовым машинам и по машине, в которой я ехал. Остальные танки, встреченные артогнем, повернули обратно. Мне удалось пробраться к командиру 312 стрелковой дивизии в Чулково и получить у него обстановку. Пробыв у него минут тридцать, я выехал в Малоярославец. Примерно в 10–45 видел, что к западной окраине подошли танки и ведут по городу огонь. После этого я поехал в штаб армии (Белоусово) и доложил командующему о том, что танки противника ворвались в Малоярославец. Командующий приказал вновь выехать в район Малоярославца, установить истинное положение, наводить порядок и задерживать отходящие в беспорядке подразделения.

Выехав вместе с генерал-майором Тарановичем примерно в 12–00 в направлении Малоярославца, расположили несколько отходящих орудий вблизи шоссе для отражения танков и стали следовать дальше.

При подъезде к реке Протва наша машина была обстреляна артогнем из танков. Успев повернуть машину обратно к селу Доброе, вылезли из нее и решили посмотреть, что делается на шоссе. И увидели движущуюся по шоссе колонну танков. Сели в машину и пытались отскочить, но были обстреляны шквальным огнем пулеметов и артогнем. Машина загорелась, выскочив из нее под огнем, мы побежали в лес, и залегли под огнем в десяти метрах от шоссе. Лично наблюдал: впереди шел тяжелый танк типа нашего КВ, за ним в колонне двигались средние танки, а в конце нее – мелкие. Передние танки вели артогонь, а последующие вели массовый шквальный пулеметный огонь по сторонам дороги. Всего я насчитал 20 танков, но считаю, что это был лишь авангардный батальон. Всего же считаю, что прорвалось до батальона танков (40–50). В последующем при атаке н.п. Воробы вместе с ними участвовала мотопехота и автоматчики.

Танки противника действовали дерзко и нахально с полуоткрытыми люками. При подходе к населенным пунктам по пути движения открывали вперед и по сторонам дороги массовый артиллерийский и пулеметный огонь. Этот метод противник применял при захвате г. Малоярославца и населенных пунктов Доброе, Белоусово, Воробы. Противник совершенно не обращает внимания на свои фланги, зная нашу медлительность и неповоротливость. При стойкости нашей пехоты прорвавшиеся танки нужно было отрезать от наступающей пехоты и уничтожить путем действия артиллерии, минометов, гранатометов, противотанковых гранат и бутылок КС. Но, к сожалению, наша теперешняя пехота, будучи деморализована авиацией и танками, не способна к производству такого маневра. Увидя танки, она разбегается по лесу и отходит разрозненными группами. Командный состав не держит в руках подразделения и части, а бойцы действуют самотеклом.¹

Комбриг Любарский.

Этот документ красноречиво отражает обстановку тех октябрьских дней, когда решалась не только судьба столицы, но и, без преувеличения, судьба страны. Обратите внимание, читатель, кто подписал это горькое и тревожное донесение. Человек,

1. ЦАМО РФ. Фонд 398. Опись 9308. Дело 73. Лист 3–4.

недавно отстраненный от обязанностей начальника оперативного отдела штаба Западного фронта. По сути, один из помощников прежнего командующего фронтом генерал-полковника И.С. Конева. Снятый с этой должности вместе с командующим ввиду того, что фронт накануне был прорван, в результате чего в нем образовалась 500-километровая (!) дыра. Что, в свою очередь свидетельствует о серьезных промахах фронтового руководства, допущенных перед немецким наступлением, начатым по плану операции «Тайфун». Теперь же, попав, что называется, из огня да в полымя – в самую гущу боев, комбриг, судя по донесению, был потрясен состоянием армии, которую немцы буквально наматывали на гусеницы своих танков. Вместе с землей. Или разгоняли по лесам, словно команду дворовых мальчишек.

Как отступали остатки 312 стрелковой дивизии, вспоминает А.Ф.Наумов:

...Начальник оперативного отдела 43 армии комбриг Любарский...проинформировал меня в общих чертах об обстановке и сказал, что по реке Протва... обороняется 17 стрелковая дивизия.

...Мне было приказано вести оборонительные бои и действовать в зависимости от обстановки, имея возможность отходить в направлении Угодского Завода.

Снова выслали разведку в направлении города Малоярославец. наших войск там уже не оказалось, а на восточной окраине появились танки и мотопехота противника.

После полудня пехота противника, как с запада, так и с юга завязала ожесточенный бой на линии нашей обороны. КП дивизии пришлось перевести в деревню Верховье. К вечеру нам стало ясно, что занимаемый участок обороны остается изолированным и обороняться на нем бессмысленно. Фашисты по Варшавскому шоссе и по старой Калужской дороге продвигаются к реке Протва и могут нас окружить. К тому же погода стала резко портиться, ночью выпал снег. Мы были без тылов, боеприпасов и горючего. Единственное, что оставалось – оторваться от фашистов и начать отход к реке Протва в направлении Угодского Завода, так как только в районе деревни Ивашкевичи имелся деревянный мост, который и решено было использовать.

С рассветом подразделения начали отходить, оставив небольшие отряды прикрытия.

...Все попытки наладить связь по радио с кем-либо успеха не имели. Отступая, мы слышали огневой бой по Варшавскому шоссе. 19 октября противник преследовал нас только отдельными группами автоматчиков. Лесные дороги стали непроезжими, и наша пехота часто делала остановки, чтобы помочь транспорту выбраться из колдобин и грязи. Погода – хуже не придумаешь, все время идет дождь. Поздно ночью начальник штаба артиллерии дивизии капитан А.В.Расторгуев был послан в Угодский Завод к командиру 17 стрелковой дивизии с просьбой оказать нам помощь горючим и боеприпасами, а также прикрыть наш переход через реку Протва по мосту у деревни Ивашкевичи.

К рассвету 20 октября Расторгуев вернулся и доложил, что в Угодском Заводе он за-

стал комиссара 17 стрелковой дивизии (речь идет о бригадном комиссаре С.И.Яковлеве – ГЧ.). Тот собирался уезжать в Тарутино. Никакой обороны по восточному берегу Протвы уже не было. Только у моста стояли саперы, которые должны были взорвать его. Комиссар дивизии передал: «Танки противника овладели деревней Белоусово и стали обходить правый фланг. Большие никаких частей здесь нет. Дивизия отходит в район Тарутино, ничем помочь вам не может».

...Несмотря на то, что 17 стрелковая дивизия не только оставила реку Протва, но и подорвала мост, нам все же удалось более или менее благополучно форсировать ее и соединиться со своими войсками.¹

2. Там, где Кутузов бил французов

*«Теперь ни шагу назад! Приготовиться к делу,
пересмотреть оружие, помнить, что вся Европа
и любезное Отечество на Вас взирает»*

М.И.Кутузов

(Мемориальная надпись в селе Тарутино² Калужской области)

За год до своей кончины, маршал Советского Союза Иван Степанович Конев, диктуя на магнитную ленту последние свои горькие откровения, признал, что *...отход – самый сложный вид боевых действий. Требуется большая выучка войск и крепкое управление. На опыте мы постигали это искусство. Невольно в связи с этим вспоминаются слова Льва Толстого. В своих записках о Крымской войне он писал, что необученные войска не способны отступать, они могут только бежать. Очень метко и правильно сказано. К сожалению, надо признать, что до войны наши войска очень редко изучали этот вид действий, считая отход признаком слабости и несовместимым с нашей доктриной. Мы собирались воевать только на территории врага. И вот теперь, во время войны, за это крепко заплатились.*³

Каким бы ни был отход сложным, сейчас он для 43–й армии был крайне необходим. Для приведения частей в порядок и закрепления их на новом рубеже. И кому–то нужно было обеспечить этот отход. То есть, стать заслоном между отступающими частями и озверелым противником. Такая участь выпала 17–й стрелковой дивизии.

17–я стрелковая дивизия, как и актюбинская, была сформирована в июле 1941 года. Из рабочих Москворецкого района столицы. Численность дивизии к моменту вступления в бой составляла десять тысяч человек. Командирами дивизий народного ополчения легкого формирования назначались преподаватели и слушатели военных академий. Командиром 17–й стрелковой стал участник финской кампании, слушатель Военной академии им.М.В. Фрунзе, кавалер ордена Красного Знамени полковник П.С.Козлов.

Боеспособность подобных формирований ввиду разномастного вооружения, отсутствия средств борьбы с танками и опыта войсковых учений, конечно же, ос-

1. «На Варшавском шоссе». Изд. «Казахстан».1968.

2. Тарутино – село Боровского уезда к юго–востоку от Боровска, на левом берегу Нары, по обе стороны Большой Калужской дороги. Здесь на реке Черничке 6 октября 1812 года был разбит авангард маршала Мюрата.

3. И.С.Конев. «Записки командующего фронтом». Москва. Воениздат. 1991г. Стр.562.

тавляла желать лучшего. К тому же, ополченческие дивизии (ДНО) сразу после спешного формирования вступали в активные бои, а потому несли огромные потери. Не была исключением и эта дивизия, первоначально включенная в состав 33-й армии Резервного фронта.

К моменту получения приказа нового командующего Западным фронтом генерала армии Г.К. Жукова о закреплении дивизии на новом рубеже обороны по реке Протва, 17-я стрелковая была уже изрядно потрепана в боях, а что самое страшное – деморализована активно действующими на всех направлениях немецкими танками. Она в тот момент приступила к пополнению в селе Угодский Завод, но прорыв танков противника поставил в критическое положение и без того трудно управляемое отступление 43-й армии.

18 октября в командование 43-й армией вступил генерал-майор К.Д.Голубев. Вот какие распоряжения передавал ему в эти часы начальник штаба Западного фронта генерал-лейтенант В.Д.Соколовский:

Командарму–43 Голубеву. Немедленно вручить комдиву – 17.

Танки и пехота противника двигаются от Недельное. Комфронта приказал поднять 17 стрелковую дивизию по тревоге и занять рубеж обороны по реке Протва от шоссе на Малоярославец, Высоконичи. Мосты через Протву у поселков Слобода, Черная Грязь и Трубино взорвать. Организовать противотанковую оборону на возможных путях движения танков противника и не допустить противника за реку Протва.

По-видимому, сомневался в том, что это тревожное распоряжение будет вовремя доставлено, начштаба фронта дублирует его:

Командарму–43 Голубеву.

Танки до 30 шт. с пехотой противника двигаются от Недельное в северо-восточном направлении. Комфронт приказал прикрыть прочно это направление и ни в коем случае не допустить распространение противника далее рубежа реки Протва. На рубеже р.Протва поставить вновь формируемую 17 стрелковую дивизию из Угодский Завод, подняв ее по тревоге. Немедленно ускорить выдвигание на ваш левый фланг на это направление 17 танковой бригады, согласно данного ранее комфронтом приказа Акимову по прямому проводу при переговорах.

Исполнение донести. Соколовский.

На основе этих распоряжений следует и краткое распоряжение командарма:

Командиру 17 стрелковой дивизии.

Передаю для вас приказ комфронта. Принять к немедленному исполнению. Входите в подчинение мне. Мой КП – Белоусово, ваш – в районе Угодский Завод.

Командующий 43 армией генерал-майор Голубев.

А за ним, вдогонку, – подробное:

Командиру 17 стрелковой дивизии.

1. В связи с изменившейся обстановкой войска 43 армии переходят к обороне реки Протва.

2. 17 стрелковой дивизии занять рубеж (исключая) Спас–Загорье, Высокиничи. 17 дивизии подчинить 49 батальон охраны, находящийся в районе Черная Грязь и сводный батальон 148 танковой бригады.

3. Справа оборону займет 53 стрелковая дивизия на рубеже (исключая) Кривское, Спас–Загорье. Разгранлиния с ней Собакино, Петрищице, Спас–Загорье.

Командарм 43 армии генерал–майор Голубев

Член Военного совета бригадный комиссар Серюков

Начштаба полковник Боголюбов.

Как видно из этих документов, обстановка на рубеже обороны – реке Протва, которую генерал армии Г.К.Жуков, отводя войска, решил использовать как естественное препятствие для танков, складывалась ажиотажная. Ибо противник, используя танки – средство быстрого преследования отступающей армии, добивался заметных результатов, внося хаос и сумятицу в продвижение советских войск. Не давая им прочно закрепиться на каком–либо рубеже, привести себя в порядок и начать эффективно отражать удары. Для того, чтобы оторваться от гитлеровцев, нужно было чем–то пожертвовать. И не случайно выбор командующего фронтом пал на дивизию народного ополчения, сформированную из московских рабочих. Защищавших здесь не только столицу, но и непосредственно свои родные дома, семьи.

Однако, командир 17–й стрелковой дивизии, отдавая приказ о занятии обороны по реке Протва, едва ли в полной мере осознавал роковую участь, выпавшую ему и его подчиненным:

Боевой приказ. Штадив–17. Угодский Завод. 19–00 17 октября 1941г.

1. Пехота противника с танками выдвигается от Недельное на Черная Грязь.

2. Справа действуют части 43 армии. Слева, в районе Высокиничи, 148 мотострелковая бригада.

3. 17 стрелковая дивизия занимает оборону по реке Протва от Белоусово до Высокиничи. Готовность обороны к 2–00 18 октября 1941г.

4. 1312 стрелковый полк к 1–00 18 октября 1941г. броском выдвинуться в район Черная Грязь, занять и оборонять участок Новослободка, Высокиничи, Лыково. Подготовить встречу танков и пехоты противника....

5. 1314 стрелковый полк обороняет участок Дубровка, Стрелковка, Б.Росляковка. Подготовить противотанковые средства у переправы 1/2 км юго–западнее Стрелковка. Ударную группу с противотанковыми средствами иметь в с.Костинка. Обеспечение стыка от Стрелковка до Величково средствами 1314 сп.

6. 1316 стрелковый полк обороняет участок от шоссе Малоярославец у пункта Оболenskое, (исключая) Дубровка, Кривошеино. Подготовить противотанковые средства у Варшавского шоссе – Спас–Загорье. Ударную группу иметь в роще 1 км северо–восточнее Загорье.

7. Командиру артполка в районе Черная Грязь сосредоточить 8 противотанковых орудий, в районе Новая Слободка – 4 противотанковых орудия в готовности

встретить танки и пехоту противника с направлений Недельное–Новослободка, Пурсовка – Трубино–Стрелковка. В район Стрелковка установить 2 противотанковых орудия. Готовность в 21–00 17 октября 1941г.

8. Командный пункт – Угодский завод. Донесения о занятии обороны представлять через каждые три часа.

9. Начальнику инженерной службы дивизии подготовить взрыв мостов у Трубино, Нов.Слободки, Черная Грязь, Высокиничи. Взрыв мостов – при непосредственном нажиме противника.

Комдив–17 полковник Козлов

Комиссар – бригадный комиссар Яковлев

Начальник штаба – майор Масленников.

С момента отдания этого приказа прошло двое неполных суток. О том, что случилось за это время, скупно рассказывает следующий приказ комдива–17:

Боевой приказ. Штадив–17. Угодский завод. 19 октября 1941г. 18–30

1. Противник силою до пехотной дивизии и двух батальонов танков с утра 18 октября ведет наступление, охватывая наши фланги, вдоль Варшавского шоссе ему удалось проникнуть к п.Воробы, оттуда пытается проникнуть на Тарутино с целью окончательного окружения. Слева в направлении Черная Грязь действует до полутора пехотных полков и до двух рот танков.

2. Сосед справа 53 стрелковая дивизия отошла на северо–восток. Сосед слева – 148 стрелковый батальон.

3. 17 стрелковой дивизии отойти на следующий рубеж обороны – реку Нара. Занять переправы у Тарутино к утру 20 октября и прочно удерживать, обеспечивая выход оставшихся частей 53 и 312 стрелковой дивизий.

4. 1314 стрелковый полк совместно со 2–м Люберецким полком двигаться в авангарде. Командир авангарда – командир 1314 сп. Частями авангарда к 19–00 19 октября сосредоточиться на северо–восточной окраине Угодский Завод. Маршрут: Михайловка, Боево, Тарутино. Исходный пункт Михайловка пройти 20–00, Тарутино достичь к 23–00. Переправы у Тарутино фронтом на запад занять к 23–30. Штаб полка иметь в Тарутино.

5. Главные силы 1316 стрелкового полка без одного стрелкового батальона, штаб дивизии, отдельный батальон связи, саперный батальон, тылы и спецчасти в исходный пункт северо–восточная окраина Угодского Завода сосредоточиться к 20–00 19 октября. Начальнику колонны – начштаба 1316 стрелкового полка, Михайловку пройти в 21–30, Тарутино достичь к 24–00. Полку занять оборону рубежа Ольхово, Корсаково фронтом на запад. Штаб полка – Гремячево. Одним стрелковым батальоном к 20–00 19 октября занять Боево, обеспечивая проход частей дивизии. Отход батальона – после прохода 1312 стрелкового полка.

6. 1312 стрелковому полку с приданной артиллерией 149 и 148 стрелковых бригад начать выход из боя в 22–00 19 октября. Маршрут Черная Грязь, Лыково, Боево, Тарутино. К 3–00 20 октября с приданными частями занять рубеж обороны Жуково,

Мелихово. Исходный пункт – северная окраина Черная Грязь пройти в 22–10. Штаб полка расположить в Дедня.

7. Штабу артполка с оставшейся артиллерией двигаться за 1316 стрелковым полком, два противотанковых орудия с одной ротой отдельного батальона связи оставить у занимаемой позиции, до 3–00 прикрывать отход частей дивизии, в дальнейшем быть к 6–00 20 октября у Кузовлево, в районе расположения штадива.

Начальнику артиллерии дивизии противотанковую артиллерию рассредоточить поорудийно в колоннах. В авангарде дивизии иметь до 1,5 артиллерии. Особо обратить внимание на рубежи возможных встреч с танками противника.

8. 301 стрелковому батальону к 20–00 19 октября выдвинуться к Большое Литашево и до 3–00 20 октября обеспечивать проход колонны от Б.Литашево. С 3–00 начать марш и к 6–00 сосредоточиться в Корсаково.

9. Командирам частей и подразделений совершая марш ночью и днем при плохой видимости держаться на сжатых дистанциях. Разведка и непосредственное охранение – распоряжением командиров частей.

10. Начальником автоколонны назначаю начальника автобронетанковой техники дивизии т.Голоднева. Ответственным за выдвигение и прибытие артиллерии в свои районы назначаю начарта дивизии.

11. КП–Кузовлево.

Командир дивизии Козлов

Комиссар дивизии Яковлев

Начальник штаба Масленников

Выход из боя начался в 1–00 20 октября. Оттяжка времени получилась потому, что правый фланг дивизии – 1316 сп и левый фланг – 1312 сп вели бой с наседавшими группами противника¹

Начштаба Масленников.

Не сочтите за труд, читатель, столь подробное знакомство с этими военными бюрократическими циркулярами. Я специально воспроизвел их здесь полностью, без сокращений. Ведь, эти два любопытных документа беспристрастно свидетельствуют о том, что 17–й стрелковой дивизией командовал, безусловно, человек грамотный. В военном отношении. А главное – о том, что принимая решение на отход с рубежа обороны по реке Протва, комдив не был подвержен панике. Ибо продумал и методично расписал отход частей и даже отдельных подразделений дивизии по часам и минутам. Так чем же любопытны эти документы?– спросите вы. Ведь, подобное кричкотворство для военачальника – вещь вполне оправданная. Так-то оно так. Только вот разница между первым приказом и вторым – величиной в пропасть! Ибо первый приказ издан на основе приказа командующего 43–й армией генерал-майора Голубева, который в свою очередь руководствовался приказом командующего фронтом генерала армии Жукова. А другой – ни что иное как...личная иници-

1. ЦАМО РФ. Фонд 398. Опись 9308. Дело 8. Лист 1.

атива командира 17-й стрелковой дивизии. Никем не санкционированная. Более того, противоречащая последующим приказам командующих армией и фронтом об удержании обороны этой дивизией на реке Протва.

Какими соображениями руководствовался в те суровые дни комдив-17, теперь можно только догадываться. Расскажу лишь о том, как, по документам, развивались события в штабе армии. Утром, 19 октября, видимо, не надеясь на то, что оборону по реке Протва удастся удержать, командарм меняет свое решение об усилении дивизии, прикрывающей отход:

Командиру 17 стрелковой дивизии.

Сводный отряд 148 танковой бригады, занимающий район Черная Грязь, немедленно направить комбинированным маршем в район Тарутино.

Командиру отряда ставится следующий приказ: срочно в районе Тарутино организовать опорный пункт с задачей не допустить прорыва танков и пехоты противника на Подольск. Оборона должна быть противотанковой.

Командующий 43-й армией генерал-майор Голубев

По приказу Голубева, в тот же день, 312-я стрелковая дивизия выводилась в резерв армии, в район Воробьи. А 53-я стрелковая дивизия должна была привести себя в порядок в Тарутино. 17-й же стрелковой надлежало, взорвав мосты, удерживать оборону по реке Протва. И, видимо, остаться на этом рубеже навсегда. На войне, как на войне. Но полковник Козлов распорядился собой и подчиненными иначе...

20 октября командарм в боевом донесении штабу Западного фронта сообщил:

...17 стрелковая дивизия в 8-00 донесла, что под давлением сил противника начала отход в направлении Угодский Завод, Тарутино. Дивизия не имеет горючего, продовольствия и боеприпасов. Приказано, во что бы ни стало, фронт 17 дивизии удерживать, положение восстановить...

С более жесткой формулировкой этот нелицеприятный факт отражен и в оперативных сводках штаба 43 армии 20 октября 1941 в 21-00:

...17 стрелковая дивизия самовольно покинула рубеж обороны и к 15-00 20 октября вышла в район Тарутино...¹

Что такое самовольно оставить боевые позиции и что за это грозит, думаю, догадаться не сложно. Остается лишь пояснить. Прямо и без лирики. По сути, несанкционированно оставить поле боя означает подставить под удар боевых товарищей. В первую очередь тех, кто в этот момент находится в тяжелом положении. Именно так и случилось. Мосты минеры 17-й дивизии, исполняя приказ, взорвали. Но, не перед немцами, а перед... отходящей 312-й стрелковой.

Вот как вспоминал об этом старшина роты 1079-го стрелкового полка, мобилизованный из райцентра Новоалексеевка Актюбинской области, Иван Пятов:

...18 октября 1941 года в полночь к нам на позиции прибыл командир конной разведки Бржан Кунсаков, который передал командиру полка Буркову распоряжение командира дивизии Наумова. Согласно этому распоряжению, остатки полка должны

1. ЦАМО РФ. Фонд 398. Описание 9308. Дело 19. Лист 198.

оставить свои позиции и отходить к реке Нара. Когда мы подошли к реке Протва, оказалось, что мост взорван, из воды торчали лишь одни его опоры. Слухи об этом были разные. Но мы были убеждены, что мост был уничтожен бомбежкой фашистских самолетов. К счастью, прибыли мы туда примерно в десять утра, стояла теплая осенняя погода, моросил мелкий дождь. Положение осложнилось тем, что возле остатков моста скопилось около тысячи бричек и автомашин с ранеными и войсковой хозяйственной утварью. Здесь оказался не только наш обоз, но и обозы 17-й танковой бригады, 53-й стрелковой дивизии. Противоположный берег был обрывистый, а сама речка, хоть и не широка, но с быстрым течением. Наши саперы стали быстро наводить мост, используя подручные средства. Среди них был и бывший заведующий Актюбинского городского отдела коммунального хозяйства старший сержант Иван Лысенко.¹ Собрав мост на скорую руку, первой по нему пустили пехоту. Подразделения проходили по мосту не в ногу, стараясь не создавать резонанса, грозившего обрушением. Потом пустили пушку, перекатывая ее на руках. Но пушка провалилась, обломив доски моста. Вс лед за ней в реку упала и автомашина. Мы вынуждены были переправлять обоз вплавь. Пехотинцы осторожно двигались по мосту, но достигнув противоположного берега, сразу поворачивали влево, так как фашисты с 300–350 метров вели по нам огонь из пулемета. Благо, в этот день были низкая облачность, дождь, и видимость – не лучшая для стрельбы. Это нас и спасло. Я вынужден был погрузиться в реку в полном обмундировании и пробыть в воде, переправляя обоз, с утра и до поздней ночи. С обеда подул свежий ветер, а к вечеру дождь перешел в снег. Берега Протвы замерзли от краев примерно на полтора метра...

Финал этой горестной переправы: дивизия лишилась остатков матчасти. На оставленном берегу были сожжены последние автомашины, подорваны сохраненные в боях ценной человеческих жизней орудия, тягачи. Вот что вспоминает об этом комиссар дивизии Яков Сировский:

...Казалось, что после этой переправы иссякли все силы. Некоторые, не выдержав напряжения, падали на землю и засыпали. А времени для передышки не было. На восточном берегу наших частей не оказалось. Надо было оторваться от противника. Было принято решение – не останавливаясь, продолжать движение до встречи с нашими войсками.

Из оперативных сводок штарма–43.

20 октября. 21–00

...312 стрелковая дивизия имеет в своем составе один полк численностью не более 1800 человек, который с боем отходит на Тарутино...²

В 1974 году, после смерти маршала Г.К.Жукова, районный центр Угодский Завод Калужской области переименован в Жуково. Сделано это в память о великом полководце. Ведь эти места – не только поле его самой тяжелой битвы, но и малая родина. Вот как Георгий Константинович рассказывает о ней в своих «Воспоминаниях и

1. И. С. Лысенко (1910), старшина роты 599 саперного батальона, вернулся на родину в 1945–м. Гвардии подполковник.

2. Оперсводки штарма–43. ЦАМО РФ. Фонд 398. Опись 9308. Дело 19. Лист 198.

размышлениях» (речь идет о 8 октября 1941 г. – ГЧ):

...Проезжая Протву, вспомнил свое детство. Всю местность в этом районе я знал прекрасно, так как в юные годы исходил ее вдоль и поперек. В десяти километрах от Обнинского, где остановился штаб Резервного фронта, – моя родная деревня Стрелковка. Сейчас там остались мать, сестра и ее четверо детей. Как они? Что, если заехать? Нет, невозможно, время не позволяет! Но что будет с ними, если туда придут фашисты? Как они поступят с моими близкими, если узнают, что они родные генерала Красной Армии? Наверняка расстреляют! При первой же возможности надо вывезти их в Москву.

Через две недели деревня Стрелковка, как и весь Угодско–Заводской район, была занята немецкими войсками. К счастью, я успел вывезти мать и сестру с детьми в Москву...¹

Трагично в те дни складывалось положение на Варшавском шоссе. Об этом в послевоенной истории сказано мало. И самыми беспристрастными свидетельствами событий поздней осени сорок первого остаются документы – боевые донесения. Которые также не нуждаются в комментариях.

21 октября 1941г. К 11–00. Генеральный штаб РККА, штаб Западного фронта.

Генералу армии Жукову.

Идет бой в лесу восточнее Воробы. Для наведения порядка расстреляно перед строем 20 человек. В одном случае пришлось применить массовый расстрел 10 человек. Противник ведет сильный огонь по району Бухаловка.

Командующий 43 армии Голубев.

21 октября 1941 г.

Военному Совету 43 армии.

В связи с неоднократным бегством с поля боя 17 и 53 дивизий приказываю:

В целях борьбы с дезертирством выделить к утру 22.10. отряд заграждения, отобрав в него надежных бойцов воздушно–десантного корпуса. (Имеется в ввиду 5–й ВДК – ГЧ.)

Заставить 17 и 53 стрелковые дивизии упорно драться, и в случае бегства выделенному отряду заграждения расстреливать на месте всех, бросающих поле боя.

О сформировании отряда донести. Жуков, Булганин.

22 октября 1941 г.

... Разведкой установлено, что противник не выясненными силами пехоты с 5 танками с исходом дня 21.10.41 занял Тарутино, его автоматчики просочились в лес северо–восточнее Тарутино...²

1. Маршал Г.К.Жуков. «Воспоминания и размышления». Издательство Агентства печати «Новости». Москва. 1969 год. Стр.338

2. Оперсводки шарма–43. ЦАМО РФ. Фонд 398. Опись 9308. Дело 73. Лист 271.

22 октября 1941 г.

Голубеву.

1) Отходить с занимаемого рубежа до 23.10. еще раз категорически запрещаю.

2) На 17 дивизию немедленно послать Селезнева, командира 17 стрелковой дивизии немедленно арестовать и перед строем расстрелять.

17, 53 стрелковые дивизии заставить вернуть утром 22.10. Тарутино, во что бы то ни стало, включительно до самопожертвования...

Жуков, Булганин. Передано в 4.45 22.10.41 лично Голубеву.

23 октября 1941г. 8–45.

Генералу армии Жукову.

Докладываю положение фронта армии.

Первое. В направлении на Воробьи к исходу 22 октября противнику не отдали ни одного метра. Сбили четыре самолета противника. Взяли в плен оберфельдфебеля, который показывает о наличии на этом направлении трех дивизий, из них одна – танковая. Каменка, включительно, и на запад находится под непрерывным огнем тяжелой артиллерии, минометов и авиации. Наша истребительная авиация на поле боя – редкий гость. Положение войск на этом направлении прежнее. 24-я танковая бригада – в засадах на участке Каменка–Кресты. Противник сосредотачивается для наступления.

Второе. Плохо на Тарутинском направлении. Наступление на Тарутино предпринятое 53 и 17 стрелковыми дивизиями сорвалось. Пехота этих дивизий разбежалась под натиском пехоты не выше батальона и нескольких танков. Попытки члена Военного совета армии А.Д.Серюкова задержать бегущих под угрозой оружия успеха не имели. Бригадный комиссар Серюков ранен и эвакуирован. Причем, ранен неизвестно кем. Противник занял Корсаково. Акимов отдельными группами занимает село Чернишня.

Считаю, что 17 и 53 стрелковые дивизии деморализованы, а виновных в деморализации следует предать суду. Задержать противника нельзя. Прошу ввести на Тарутинское направление свежую стрелковую дивизию. Кресты обстреливаются артиллерией из Тарутино.

Командарм–43 Голубев.

Ответ на столь тревожное донесение лаконичен до безысходности:

Командарму–43 т. Голубеву

Новых дивизий для выдвигения в район Тарутино у фронта нет.

Начальник штаба генерал–лейтенант Соколовский.

Дополняют эту трагическую картину воспоминания командира 312-й стрелковой дивизии. Вот, что осталось в памяти у Александра Федоровича Наумова через много лет:

...В этот день 34 пехотная дивизия немцев с танками ворвалась в Тарутино и при

содействии авиации закрепила его за собой. Я как сейчас вижу этот бой за село Тарутино, которое оборонялось подразделениями 17 и 53 стрелковых дивизий. Примерно с 16–00 22 октября противник стал усиленно обстреливать позиции дивизий. Затем в небе появились 23 бомбардировщика, которые непрерывно бомбили и обстреливали расположения наших войск. Загорелись дома, сараи, стога сена и соломы. Все было в огне. Из-за дыма нельзя было видеть, что делается в селе. Советские подразделения стали поспешно отходить в направлении близлежащего леса. За ними шли танки и пехота фашистов, которая вела неистовый огонь из автоматов. Фашисты шли в полный рост, уперев автоматы в живот, и непрерывно вели из них огонь...¹

3. По закону военного времени

После соединения 17-й стрелковой дивизии с войсками армии, ее командиром стал генерал-майор Д.М.Селезнев. А вместо комиссара дивизии, бригадного комиссара С.И.Яковлева, был назначен батальонный комиссар Кудря. Какая участь была уготована прежнему комдиву –17, по закону военного времени, предположить не трудно. Немного света на его судьбу пролил один из документов, оказавшийся среди боевых донесений и оперативных сводок Западного фронта:

*Генералу армии Жукову
31 октября 1941г. 23–40*

... Докладываю о преступном факте. Сегодня установил, что бывший командир 17 стрелковой дивизии Козлов не был расстрелян на месте перед строем, а бежал.

Обстоятельства дела таковы. Получив ваш приказ арестовать и расстрелять командира 17 стрелковой дивизии перед строем, я поручил выполнить это выезжающему в дивизию члену Военного совета Серюкову и генерал-лейтенанту Акимову. По непонятным причинам они этого не сделали, а направили командира дивизии ко мне. Я под конвоем, организованным начальником особого отдела, отправил его обратно с категорическим указанием, что приказ командующего фронтом должен быть выполнен. Мне доложили, что он расстрелян, а сегодня я узнал, что он не расстрелян, а бежал от конвоя. Назначено следствие.²

Командующий 43-й армией Голубев

Обратите внимание, читатель, на маленькую деталь: приказ о расстреле комдива –17 был отдан на рассвете 22 октября. А через сутки 23 октября в 8–45 командарм –43 вместе с итогами дня докладывает о ранении и эвакуации ЧВС Серюкова, которому он якобы поручил расстрелять П.С.Козлова. В первой половине этого же дня тяжело ранен и эвакуирован и генерал-лейтенант Акимов. Словом, обоих действующих лиц, спустя неделю, в момент отписки командарма командующему фронтом нет. И его ссылка задним числом на раненных подчиненных звучит весьма неубедительно. Скорее всего, расстреливать опального комдива в такой суете было некому, да и некогда.

1. «На Варшавском шоссе». Изд. «Казахстан». Алма-Ата. 1968 г. Стр. 42.
2. ЦАМО РФ. Фонд 398. Опись 9308. Дело 13. Лист 31.

По сведениям картотеки безвозвратных потерь Центрального архива МО РФ, командир 17 стрелковой дивизии полковник Петр Сергеевич Козлов пропал без вести на фронте осенью 1941 года. Последний запрос в архив о его судьбе в 1983 году делала супруга. Ничего нового, как и следовало ожидать, ей не сообщили.

В 2006 году, в канун 65-летия Московской битвы, главной военной прокуратурой Российской Федерации бывший командир 17-й стрелковой дивизии полковник П.С.Козлов посмертно реабилитирован.

На языке Фемиды это звучит примерно так: в его действиях военная прокуратура страны не усмотрела состава преступления. И на том можно смело ставить точку, читатель. Если бы не одно странное противоречие. Официально признав невиновным полковника Козлова, мы... бросили тень на светлый образ национального героя России маршала Г.К. Жукова. Человека, которому законно принадлежат лавры не только спасителя Москвы, но и спасителя Отечества. Таким образом, складывается необъективное представление о личности знаменитого полководца. О его якобы излишней жестокости, проявленной по отношению к подчиненным во время защиты столицы. Дескать, стрелял людей тиран Жуков налево и направо. Тем и снискал себе славу. А мы, по привычке будем считать, что победителей не судят? Простим командующего фронтом за то, что не сумел сдержать своих эмоций в дни, когда полковник Козлов приказал сдать врагу малую родину своего прямого начальника – деревню Стрелковку?

Самый великий и непогрешимый судья – время. Только ему подвластно расставить последние точки в истории Великой Отечественной. А нам, даже вместе с главной военной прокуратурой, не дано права судить Георгия Константиновича. Ведь судьба П.С.Козлова до сих пор – белое пятно в истории. Хотя называть в этом случае даже пятно белым – язык не поворачивается.

Дабы остаться честным перед памятью людей защищавших Родину, и перед Вами, читатель, позвольте мне высказать собственное мнение. Как вы уже поняли, оснований отдать приказ о расстреле командира дивизии, самовольно приказавшего подчиненным отступить перед врагом, у генерала армии Жукова в этих условиях было БОЛЕЕ ЧЕМ ДОСТАТОЧНО. Ибо тот вопреки приказу сдал врагу ключевой рубеж обороны. Подчеркну - не просто не сумел удержать, а сознательно сдал. И говорить о том, что генерал армии Жуков, отдавая приказ о расстреле комдива-17, руководствовался личными мотивами, по меньшей мере, безосновательно.

Ну, а в виде косвенного доказательства правоты Жукова, давайте попробуем отследить дальнейший путь полковника Козлова. Обстоятельства его исчезновения и судьба, скорее всего, и поныне где-то спрятаны в документах НКВД. Которые и сегодня широкой огласке не подлежат. Даже в силу такого юридического понятия, как срок давности. Но, говорят, нет ничего тайного, что со временем не становится явным. И в качестве примера этому возьмем выдержку из документов, захваченных у противника:

Штаб группы армий «Центр» 24.10.41. 18.15.

...Вечернее донесение разведотдела штаба 4-й армии:

...Взят в плен командир 17-й стрелковой дивизии.¹

Безусловно, сам факт пленения врагом, после приказа о расстреле перед строем, тоже пока не обнаруживает состава воинского преступления. Однако, есть еще одно весьма немаловажное обстоятельство, прокуратурой перед очередным победным юбилеем, видимо, не проверенное:

Бывший полковник РККА П.С.Козлов (под кличкой Быков) до июня 1942-го был... преподавателем Варшавской разведшколы абвера, а потом стал старшим преподавателем Полтавской разведшколы абвера¹.

Как это называть, читатель, может быть, иронией судьбы? Или все же предательством Родины? Вот уж, поистине, называть вещи своими именами в нашей стране легче на заборе!

4. Нас оставалось только трое...

Командир минометного взвода Нуратдин Аймагамбетов³ был одним из немногих, кому удалось вырваться из окружения 1081-го стрелкового полка в районе села Детчино. Первый батальон полка, которому был придан минометный взвод, располагался во втором эшелоне – у села Михеево, в трех километрах от опорного пункта обороны. И должен был служить резервом на случай прорыва противника. Но, война спутала планы. Гитлеровцы, понимая, с какой целью сюда подтянут резерв, непрерывно бомбили батальон с воздуха и обстреливали его артиллерией и минометами. В результате, уже через два дня, 16 октября, Михеево было полностью разрушено. Большие потери понесли и подразделения окопавшегося здесь батальона. С болью воспринял Аймагамбетов гибель своих земляков–актюбинцев: командира первой роты лейтенанта Трофима Шевченко (1903–1941), а также ответственного секретаря партбюро полка старшего политрука Андрея Котенко (1902–1941).

В тот же день первая и третья стрелковые роты оказались в зоне постоянного огневого контакта с противником. Во второй роте – резерве батальона пока активно работали только минометчики, забрасывая минами расположение врага.

Захватив высоту у деревни Березовка, где погиб зенитный артдивизион, фашисты вторглись на позиции первого батальона. И 17 октября частично захватили их. Вторая рота, вместе с минометчиками, решительной контратакой выбила немцев, восстановив положение. Но в этом бою она осталась без командиров минометных расчетов: Аубакиров – погиб, а Нурсейтов был тяжело ранен.

До позднего вечера батальон удерживал оборону, затем был атакован и с другой стороны села Детчино, вокруг которого замкнулось кольцо окружения.

18 октября, выведя на опушку леса северо-восточнее Михеева остатки своего батальона, комбат старший лейтенант В.Л.Ионов приказал отходить на восток. Но оторваться от противника удалось лишь только на день. Потом оставшиеся полторы сотни человек были вынуждены вступать в бои почти в каждом населенном пун-

1. ЦАМО РФ. Фонд 500. Описание 12462. Дело 637. Лист 163.

2. Абвер – армейская разведка гитлеровского вермахта.

3. Капитан Н. Аймагамбетов после Победы вернулся на родину, в Актюбинскую область.

кте. 20 октября в бою за неизвестную деревушку погиб командир взвода младший лейтенант Пахомов. 22-го у деревни Боево не стало комбата и взводных – лейтенантов Ивана Крапивко(1921–1941) и Тимофея Плотникова(1918–1941).

26 октября, уже небольшой группой, окруженцы вышли, наконец, к берегу реки Нара. В батальоне осталось в живых лишь три командира: командир 2-й роты лейтенант Христофор Казарин, политрук роты младший политрук Дусуп Альсеитов и командир взвода минометчиков Нуратдин Аймагамбетов.

5. Особенности шаблонной истории

Подвигу курсантов из подмосковного Подольска посвящены книги, в память о нем возведены монументы. Именем подольских курсантов в городе-герое Москве названа улица. Пять школ Московской области носят это символическое имя. Да и по праву. В грозные осенние дни сорок первого, они, недоученные артиллерийские и пехотные командиры, костыми полегли перед фашистскими полчищами, не дав им ворваться в столичный град России. Обидно вот только, что нет ни в Москве, ни в Подольске улицы имени 312-й стрелковой дивизии. Да и, пожалуй, уже не будет...

Восстанавливая историческую правду, будет справедливым сказать, что защита столицы отмечена не только героическими страницами. Гибель казахстанской 312-й стрелковой дивизии, продемонстрировавшей под Москвой образец стойкости и презрения к смертельной опасности, была обусловлена не одной лишь мощью врага. Но и...слабостью собственных флангов. Полагаясь на документы, смею утверждать, что именно ненадежность отдельных подразделений Подольского пехотного училища в критические минуты обороны послужила причиной гибельных ударов врага во фланги казахстанских полков и батальонов.

Вот, что сообщает об этом боевое донесение командарма-43, датированное 18 октября, командующему Западным фронтом:

...312 стрелковая дивизия...связи с 1079 полком не имеет, предположительно он в течение ночи отошел на рубеж, согласно приказа.

...4-й батальон подольского пехотного училища, обороняющий рубеж Рябцево-Малахово, разбежался.

...1081 стрелковый полк, получив приказ для отхода на новый рубеж, не смог оторваться от противника. Противник на его плечах врезался вглубь обороны. Кутру от 1081 полка осталась одна стрелковая рота.

...Люберецкий стрелковый полк снялся с участка обороны при первом наступлении противника и отошел. Связи с ним нет...¹

Документы – упрямая вещь. Скрытые до поры, до времени, в хранилищах архива, они рассказывают о том, что если бы 1079 стрелковый полк, подвергшийся удару во фланг справа из-за неустойчивости 3-го батальона ППУ, вовремя не отошел, то...подвергся бы обходному удару и слева. Где между ним и 1081 стрелковым

1. ЦАМО РФ. Фонд 398. Опись 9308. Дело 19, Лист 213.

полком, попавшим в окружение, оборонялся 4-й курсантский батальон. Тоже не устоявший перед врагом.

Для того, чтоб не быть голословным в своих выводах, процитирую воспоминания комиссара 4 батальона ППУ старшего батальонного комиссара, а впоследствии – полковника Д.В.Панкова из книги «Подвиг подольских курсантов»:

...19 октября, оставив для прикрытия 13 роту старшего лейтенанта И.В.Мишугина, 4 батальон курсантов с подразделениями 1081 полка 312 стрелковой дивизии начал отход на Хрустали.

В Хрусталих батальон встретил подразделение капитана Юренко. По приказу комбата П.С.Медведева оно заняло оборону на рубеже Хрустали – роща восточнее деревни. Пока курсанты выходили к Протве, отряд Юренко до утра следующего дня сдерживал здесь наседавшего противника...

Как вы уже, читатель, знаете: приказ на отход 1081-му полку и 4-му батальону ППУ 18 октября отдан не был. Из-за отсутствия связи. Поэтому, зажатый в клещи полк, через сутки получив этот приказ, вырваться не сумел. И был немцами раздавлен.

А 4-й батальон ППУ, из-за которого казахстанский полк был обойден врагом справа, в это время, по словам комиссара, организованно отходит, оставив роту для прикрытия. Какому же источнику верить? Более достоверным в этой ситуации выглядит боевое донесение командарма, где сказано, что 4-й батальон ППУ попросту разбежался, оголив фланг полка. Более того, выводив из окружения остатки собранного по лесам батальона, комбат майор Медведев, воспользовавшись тем, что он старше по званию, отдает приказ прикрывать свой отход... капитану Юренко – помощнику начальника штаба 1081-го полка. Того самого полка, который стоял насмерть, держа оборону. И попал под фланговый удар из-за бегства курсантов. В результате, был уничтожен.

Столь нелестными суждениями мне, уважаемый читатель, не хочется кого-либо здесь опорочить. Просто пытаюсь, с помощью документов и свидетельств очевидцев, восстановить историческую справедливость. Тем более, что мои аргументы подтверждаются и описанием дальнейших событий в той же книге комиссаром 4-го батальона ППУ (этот батальон авторы книги называют южной группой ППУ – ГЧ.):

...По интенсивной канонаде командир 312 стрелковой дивизии полковник А.Ф.Наумов понял, что они наконец-то вышли на линию обороны, удерживаемую 43 армией.

Он не ошибся. У деревни Борисково разведка 1079 полка встретила связиста, соединявшего командный пункт с частями в Тарутине.

Наумов связался по телефону с начальником штаба 43 армии полковником А.Н.Боголюбовым.

– Имеете боевой состав? – спросил тот.

– Да.

– Явитесь к заместителю командарма–43 генерал–лейтенанту Акимову. У генерала был озабоченный, усталый вид, воспаленные от бессонницы глаза.
– Мне доложили о вашем выходе. Это хорошо, – встретил он Наумова. – Но отдыхать не дам. Нужно теми силами, какие у вас есть, выбить противника из деревни Макарово, а затем вступить в тактическую и огневую связь с частями, действующими на Варшавском шоссе.

Послышался зуммер полевого телефона. Генерал взял трубку.

– Курсанты? – спросил он. – Направьте их в мое распоряжение!

Через час группа курсантов вошла в Корсаково, туда же прибыл и генерал Акимов, возглавлявший оперативную группу 43–й армии. Ее задача состояла в том, чтоб оказывать помощь на тех участках, где намечалась угроза прорыва обороны армии.

С.Д.Акимов был возбужден, лицо его нервно подергивалось. Пока комиссар южной группы курсантов докладывал, гитлеровцы не прекращали обстреливать нашу оборону сильным минометным огнем.

Генерал–лейтенант нетерпеливо слушал комиссара, перебивая его вопросами. Наконец он спросил:

– Сколько собрано окруженцев и где они?

Комиссар южной группы ответил:

– Около роты, они в сильном истощении, я приказал их покормить и передать 312 стрелковой дивизии...

Слово комиссара «покормить» вывело Акимова из равновесия. Комиссар по простоте душевной не учел, что в тот момент и долгое время позднее на окруженцев смотрели с недоверием. Генерал закричал:

– Еще вздумал кормить!.. – и в раздражении начал вытаскивать пистолет. Рука его на какую–то секунду запуталась в шинуре, и в этот момент неподалеку разорвалась мина. Крупный осколок перебил Акимову обе ноги. Он упал...Его подняли, положили на двуколку, чтобы отвезти в тыл. Но прежде чем тронулась повозка, С.Д. Акимов нашел в себе силы, чтобы продиктовать командиру 312 стрелковой дивизии полковнику А.Ф. Наумову распоряжение: «Я ранен. Вас оставляю за себя...».

...Генерала С.Д. Акимова отправили в один из московских госпиталей. 28 октября он умер от ран...¹

Душевная простота комиссара 4–го батальона подольских курсантов позволила ему описать столь малоприятный инцидент в подробностях. Недосказанным в книге осталось лишь то, что у генерал–лейтенанта Акимова были более веские основания для подобного отношения к комиссару, нежели кратковременное пребывание группы курсантов в окружении. Ведь, тот наравне с командиром отвечает за бегство подчиненных с поля боя. И, как знать, сумел бы старший батальонный комиссар, много лет спустя, написать книгу, если бы заместитель командующего 43–й армии не был тогда тяжело ранен²?!

1. Д.В.Панков, Д.Д.Панков. «Подвиг подольских курсантов». «Московский рабочий». 1990 . Стр.114, 118–119.
2. Генерал–лейтенант С. Д. Акимов (1896–1941) умер не 28.10.1941 г. в московском госпитале, как утверждают авторы книги, а погиб 29.10.1941г. в авиационной катастрофе в районе с.Голодяевка Николаевского района Ульяновской области, куда его вывозили в тыловой госпиталь.

6. Последние дни дивизии

На рассвете **22 октября** вновь загремели бои вдоль Варшавского шоссе. Канонада артиллерийско–минометного огня нарастала со всех сторон, в этот шум вплетались лязг танковых гусениц и ружейно–пулеметная пальба. Западнее Тарутино активность оккупантов тоже заметно возросла. Два батальона 1079 стрелкового полка перешли в наступление на деревню Макарово, расположенную на западном берегу Нары, и выбили из нее фашистов. Но закрепиться им не дали: через несколько часов подразделения полка были атакованы танками. Противотанковых средств борьбы в дивизии не осталось. И Макарово опять оказалось в руках фашистов. Новая контратака казахстанцев была успешной, но враг снова усилил атакующие части, отвоевал деревню в очередной раз. Наумову усилить последние свои обезлюдевшие батальоны было нечем. Поэтому, по приказу генерал–лейтенанта Акимова, комдив–312 дал команду на отход к деревне Борисово, расположенной с западного берега Нары. Однако, в 8–00 наши подразделения, не имеющие артиллерийской поддержки, были выбиты из Борисово пехотой и минометным огнем противника.

Дав команду остаткам 1079 стрелкового полка отходить к Орехово, полковник Наумов с группой бойцов и командиров решил разыскать командующего оперативным направлением Акимова. Но к 17–00 гитлеровцы взяли деревню Корсаково, где находился генерал и штабы 17–й и 53–й стрелковых дивизий. Заняв Корсаково, гитлеровцы, похоже, решили сделать передышку. В деревне было тихо. Тем не менее, исключать активности противника было нельзя: с восточной окраины села на дороге появился танк, сопровождаемый ротой автоматчиков. Фашисты шли беспечно, что–то громко выкрикивая. А когда приблизились на расстояние выстрела, стало ясно, что гитлеровские вояки попросту... пьяны. Искушение наказать их было очень велико. Поэтому, подготовили оружие и, дождавшись, когда оккупанты вышли далеко за окраину, ударили залповым огнем им во фланг и с тылу. Эффект неожиданного нападения оказался ошеломляющим. Немцы попадали на землю и, мгновенно протрезвев, стали расползаться в разные стороны. Некоторые из них вскакивали и пытались бежать назад в деревню. Но пулемет нещадно резал их огнем, не давая и привстать. Через несколько минут фашисты на поле боя перестали подавать признаки жизни. Бойцы и командиры 312–й, опасаясь атаки танка, держали наготове гранаты, и очень удивились, что танк убрался восвояси, не произведя ни единого выстрела и не попытавшись спасти свою пехоту. О причине странного поведения вражеского экипажа узнали позже: оказывается немцы, продвинувшись далеко вперед, не успевали пополнять свой боезапас. Их тылы тоже отставали. И танк придавался пехоте с чисто психологической целью. В расчете на то, что советские подразделения морально подавлены. Но в этот раз хитрость врага оказалась слабее решимости и мужества казахстанцев. Ободренные успехом, они хотели даже контратаковать противника в Корсаково и отбить этот населенный пункт. Но, полков-

нику Наумову и в этот раз здравый рассудок не изменил. Он запретил это делать. Ведь драться, почти не имея боеприпасов, было бессмысленно. А использовать преимущество того, что гитлеровцы не подозревают о том, какие силы их удерживают в деревне, оказалось выгодно. До темноты все попытки фашистов выйти на дорогу подавлялись сразу из всех видов оружия. Случалось, били последними патронами. Немцам создавали видимость неизвестно откуда возникшего крупного подразделения, имеющего целью к утру овладеть деревней. Ведь введенный в заблуждение враг менее опасен. В сумерках казахстанцы без шума снялись с позиций и отошли.

Дорога отступления для оставшихся в живых бойцов и командиров 312-й была немислимо тяжелой. Конец октября дал о себе знать во всей своей дождливой красе. Если красой считать непролазную грязь. С великим трудом уже глубокой ночью добрались до небольшого селения. На окраине заметили горстку бойцов. Это оказалось боевое охранение 53-й дивизии. Хотя считать его таковым можно было условно: солдаты совершенно обесилены, падают и тут же засыпают мертвым сном. Примерно в таком же состоянии и их командиры. Сообщение о том, что враг располагается в пятистах метрах отсюда, не произвело на них никакого впечатления. Измотанные люди, казалось, желали только одного: хоть немного поспать. Даже в условиях смертельной опасности. Узнав, что основные силы 53-й дивизии находятся в деревне Чернишня, направились туда. Во второй половине ночи пришли в деревню. Десяток-другой приземистых домиков – вот и вся Чернишня. Каждый домик набит солдатами. О том, чтобы обсушиться или обогреться не могло быть и речи. Наумов, наконец, узнал, где находится заместитель командующего армией. В тесной комнатке, слабо освещенной огнем коптилки, на полу вповалку спали солдаты. На лавке за низеньким столиком сидя спал генерал. Будить его было жестоко. Но иного выхода не было. Проснувшись, и придя в себя, Акимов выслушал, и предложил немедленно отправиться в деревню Орехово, где расположился 1079 стрелковый полк. Предстояло к рассвету подготовить его к бою. Генерал приказал задерживать и присоединять к полку всех отходящих бойцов, независимо от того, к каким частям они принадлежат. Поведал он и тяжелую весть: накануне в Корсаково погиб командир 53-й стрелковой дивизии полковник Краснорецкий.

Из последнего письма полковника Н.П.Краснорецкого в Туркмению, семье:

Здравствуйте, милые Таисия, дочь Клара и сын Эдик! Редко пишу вам, простите – некогда. Много дел, время проходит в тяжелых боях, враг угрожает Москве. Чувствую себя хорошо. Дела сложились так, что я от вас не получил ни одного письма. Но это вас не должно беспокоить. Я долго не имел полевой почтовой станции. Меня тревожит ваша судьба...

На днях вышлю вам деньги. Рана моя понемногу стала постоянно беспокоить: может быть, придется дней на десять возвратиться в Москву и прооперироваться...

Питайтесь лучше, берегите себя, будьте спокойны за нас...

Целую крепко. Николай. Октябрь 1941г.¹

Николай Краснорецкий был назначен командиром 53-й стрелковой дивизии в октябре 1941-го. Что было за его спиной до войны? Да, пожалуй, ничего особенного. Если судить о судьбе военного. В 1936-м за успехи в боевой и политической подготовке удостоен ордена «Красная Звезда». В 1938-м начальник разведки 32-й стрелковой дивизии майор Краснорецкий за отличие в боях на озере Хасан награжден вторым орденом и назначен командиром полка. В 1939-м стал полковником и командиром 109-й мотострелковой дивизии. В боях Великой Отечественной – с первых чисел июля 1941-го. Не выходил из них даже по ранению, когда пуля повредила легкое. Все мечтал основательно подлечиться в госпитале. Да так и не успел...

Много позже стало известно, что сын комдива-53, о котором идет речь в его последнем письме, полковник Эдуард Краснорецкий отдал армейской службе 30 календарных лет, из которых 22 года отслужил в отдаленных от центра страны районах с неблагоприятными климатическими условиями. Так же, как и отцу, все недосуг было место потеплее подыскать.

Утром **23 октября** гитлеровцы в очередной раз начали огневой бой по всему фронту 43-й армии. Особенно сильная канонада была слышна на Варшавском шоссе. С высотки на восточном берегу реки Нара у деревни Орехово хорошо просматривался лес и на шоссе была видна деревня Чубарово, за которую шел бой. К сожалению, связь дивизии по-прежнему была – глаза да уши – посыльные и разведчики. Но вот фашисты стали наступать и на 1079-й стрелковый полк. Южнее противник тоже перешел в наступление и занял село Гремячево, а подразделения 53-й дивизии с трудом удерживали Чернишню. Вскоре и вокруг КП актюбинской дивизии начали раздаваться автоматные очереди: фашистам удалось по лесу проникнуть южнее деревни Орехово. Наумов срочно выслал две группы автоматчиков для прочесывания леса. А потом настало время и самому взяться за автомат.

Вот как сказано об этом в последнем боевом донесении комдива-312:

Наштаарму-43 Боголюбову.

В результате сегодняшних боев, крайне неблагоприятных для подразделений, в так называемом 1079 стрелковом полку осталось до роты, с которыми защищали колонию глухонемых. Командир полка в 11-10 донес мне, что противник, наступая из Борисово, до роты, и из Глядова, до двух рот, во фланг и тыл (по лесу) с минометами, овладел колонией глухонемых.

В настоящие время у командира 1079 полка осталось до взвода. И у меня в Орехово также – до взвода бойцов. Положение требует вмешательства штаба армии для ликвидации этой угрозы, т.е. выхода противника в Орехово. В штабе дивизии у меня осталось с бойцами 15 человек, с которыми веду бой, не уходя от Орехово.²

Жду указаний. Полковник Наумов.

1. «Последние письма с фронта». Москва. Военное издательство. 1991 г. Том 1. Стр.324–326.

2. ЦАМО РФ. Фонд 398. Опись 9308. Дело 15. Лист 517.

Бой усиливался, особенно в направлении Варшавского шоссе. Противнику удалось с ходу, при содействии бомбардировочной авиации, овладеть мостом через реку Нара. Но как на юге, так и на севере огневой бой шел примерно на одном рубеже, и это, так или иначе, оправдывало громадные людские потери. После обеда со связным поступило письменное приказание заместителя командующего:

Командиру 312 стрелковой дивизии.

Я ранен. Вас оставляю у себя. 53 стрелковая дивизия обороняет Чернишню, 17 стрелковая дивизия – восточнее района Тунаево, 2 Люберецкий полк расположен в Чубарово, Хоросике. Дмитровку, Стремилowo обороняет батальон 10 воздушно-десантной бригады, с ним один танк КВ и два – Т-34. В Рождественно находится три танка Т-34 танковой бригады. Вступайте в командование группой и выходите со штабом на опушку леса, что северо-восточнее д.Чернишня, здесь же штаб 53 стрелковой дивизии.¹

Генерал-лейтенант Акимов. 23 октября 1941г. 15–00

Беда, как известно, приходит не одна: вместо себя для руководства остатками 312-й стрелковой Наумов хотел оставить командира 1079-го полка подполковника Буркова. Отправил за ним на передовые позиции посыльного, а вместо боевого друга получил... носилки с его телом. Похоронили командира полка за оградой церкви. А вместо прощального салюта залпами ударили по наступающим оккупантам.

К вечеру остатки полка отошли на восточный берег реки Нара, в район командного пункта дивизии, где и организовали оборону. Деревня Орехово горела, мост за ней удалось взорвать. Зарево пожарами лучше любого ориентира обозначало рубеж обороны фронта, который по-прежнему оставался на реке Нара. К исходу этого тяжелейшего дня командир дивизии был вызван в штаб армии.

Часть пятая.

ВРЕМЯ СЧИТАТЬ ЖИВЫХ

1. Приказано воскреснуть

От Каменки до Москвы по Варшавскому шоссе 80 километров. Сейчас, в конце октября, это, довольно большое село, полуразрушено войной, но все-таки не взято врагом. Командный пункт 43-й армии Наумов разыскал уже ночью, в помещении сельской школы. И войдя в один из классов, удивился тому, что здесь в неурочный час собран почти весь военный совет армии.

– Входите, полковник, садитесь, – ему навстречу поднялся высокого роста генерал Голубев. – Ждем только вас. Других командиров дивизий у нас, к сожалению, уже нет, – мрачновато отметил командарм, и это сразу напомнило собравшимся о реальном положении дел. Вчера здесь побывал командующий фронтом генерал армии Г.К.Жуков. И задача, поставленная им 43-й армии, воспринималась всеми весьма однозначно...

1. «На Варшавском шоссе». Алма-Ата. Изд.«Казахстан». 1968 г. Стр. 46.

А дела у комдива–312, как он доложил сразу же, по приходу, были сведены до минимума – сегодня вел бои силами последнего взвода. Потери рядового и командно–начальствующего состава настолько велики, что пришлось самому воевать стрелком. Сообщил Наумов и приятную новость: позавчера в расположение армии вышли остатки 1083 стрелкового полка во главе с командиром – капитаном Автандиловым. Этот полк, по численности теперь равнявшийся батальону, давно уже считали погибшим. Отыскался на путях отступления и дивизион артиллерийского полка. С частью пригодных к бою орудий. Правда, поддержать пехоту дивизии все равно нечем: дивизион командованием армии задействован на прикрытии танкоопасного Варшавского шоссе.

– Чем характерны сегодняшние действия противника? – начальник штаба армии полковник А.Н.Боголюбов посмотрел на усталого комдива сквозь свои круглые очки с любопытством, словно экзаменатор на студента: сумеет ли тот добавить к своим словам что–нибудь, оставшееся вне поля зрения командования?

– Противник на некоторых направлениях начал окапываться! Не поверил, честно говоря, когда доложили, полез специально, чтобы убедиться в этом, – сообщил комдив и поднял глаза на командарма. Его сообщение охотно подтвердили командиры других частей и соединений.

Ночь, между тем, близилась к рассвету, поэтому информация представителя оперативного отдела штаба 43–й армии была предельно краткой: помощь от командования фронта, крайне сейчас необходимая армии, получена. Сюда, на подступы к столице, из Восточной Сибири прибыла полнокровная 93–я стрелковая дивизия генерал–майора К.М.Эрастова. Которая начала активные бои южнее Варшавского шоссе, став заслоном между наступающими немцами и обороной трех весьма малочисленных дивизий армии. Тем не менее, это не повод расслабиться, ибо передышку войскам армии все равно никто не даст. А пару выигранных таким образом дней надлежало использовать для приведения частей в боеспособное состояние. По приказу командующего фронтом Г.К.Жукова из остатков 17, 53 и 312 стрелковых дивизий создается одна стрелковая дивизия.

– В командование сводной дивизии поручено вступить вам, полковник Наумов! Письменный приказ на это сегодня получите – объявил Голубев, подчеркивая неизбежность предстоящей реорганизации. – Вопросы, пожелания есть?

– По большому счету, только одно: прошу не разъединять казахстанцев, разбрасывая их по разным полкам. Нужно влить их в один полк, так как вместе они представляют собой грозную силу и создадут боеспособное формирование. И еще. Хотелось бы сохранить номер 312–й стрелковой дивизии. Поверьте, это очень важно: она ведь здесь, под Москвой, почти полностью полегла, не дав противнику без приказа ни одного населенного пункта!

– Позвольте, товарищи! Формирование будет проходить на базе и в расположении 53–й стрелковой дивизии. Имеющей славную историю еще со времен гражданской войны. Более того, из трех дивизий она имеет самый большой боевой состав! – незнакомый Наумову полковой комиссар, напористо вмешавшийся в разговор, был, похоже, настроен решительно.

– Я о 53-й дивизии тоже знаю не понаслышке: еще в 1926–м, на Закавказском фронте, в ней бригадой командовал, но 312-я заслужила сохранение своего номера КРОВЬЮ! – Наумов, несмотря на свой решительный отпор, мысленно аплодировал этому комиссару. Чем-то он понравился ему. Наверное, своей безапелляционностью и желанием отстоять собственное мнение на любом уровне власти. Тем не менее, уступить комдив был не намерен: слишком дорога ему именно эта, актюбинская дивизия.

Голубев, досадливо поморщившись от этой, не ко времени возникшей перепалки, перевел взгляд на начальника штаба армии. Тот, видимо, был к подобному готов:

– Свои предложения по поводу номера сводной дивизии представьте в письменном виде военному совету 43-й армии. А сейчас тщательно подсчитайте оставшихся в живых всех трех дивизий и определитесь с командирами полков и батальонов сводной. До решения военного совета, за дивизией остается номер: триста двенадцать! – это указание было обращено к обоим спорящим. После этого Наумову ничего не оставалось, как действовать со своим оппонентом заодно. Что, в общем-то, было закономерно: ввиду гибели командира 53-й дивизии, его обязанности временно перешли к комиссару. А таковым был полковой комиссар К.А.Зыков, теперь Наумов знал его в лицо.

– Товарищ Наумов, – приговором загремел в школьном классе голос командующего. – Вы должны помнить, что рубеж реки Нара, где мы сейчас находимся, является последним рубежом нашего отхода! Здесь противник должен быть остановлен. И ничто, зарубите себе на носу, не может оправдать сдачи нами этого рубежа. Даже смерть. Отправляйтесь к месту дислокации сводной дивизии. И немедленно доложите начальнику штаба армии о своем прибытии в Рогово!

2. Ввиду утраты боевого состава...

Через два дня, 25 октября 1941 года, подсчет боевого состава трех стрелковых дивизий дал такие результаты:

Дивизии	Начсостав (чел.)	Младший начсостав (чел.)	Рядовой состав (чел.)	Итог (чел.)
53-я стрелковая дивизия	473	594	4460	5527
17-я стрелковая дивизия	225	145	1193	1563
312-я стрелковая дивизия ¹	120	131	845	1096

1. ЦАМО РФ. Фонд 398. Опись 9308. Дело 16. Лист 6.

Таким образом, 312-я стрелковая дивизия за две неполных недели подмосковных боев потеряла убитыми и ранеными более десяти тысяч человек. Столь плачевного итога боевых действий у полковника Наумова не было за три десятка лет военной службы. Впрочем, раздумывать об этом было недосуг – нужно было вновь собирать бойцов под свои незримые, но не опороченные трусостью перед врагом знамена. До принятия решения о присвоении номера сводной дивизии, казахстанцы были объединены в 1-й сводный полк, командиром которого был назначен капитан Автандилов, комиссаром – политрук Шалапкин, а начальником штаба – капитан Гусак.

На скорую руку, собрав дивизию из неполных трех, ее бросили на укрепление последнего подмосковного рубежа. И, как вы понимаете, читатель, это было не строительство оборонительных сооружений, а новые бои. Если судить по их масштабности, то это были бои местного значения. А если принять во внимание их стратегическую роль: обернуть пробуксовку наступающей инициативы противника в его глухую оборону, с зарыванием в окопы полного профиля, то это были бои, возрождающие психологическое состояние армии, ее боевой дух. Подорванный чередой досадных поражений, длительным отступлением и громадными человеческими потерями. Иными словами, оставшиеся в живых после жестоких боев...стали заново учиться воевать. Третьего, как говорят в подобных случаях, было не дано: гитлеровцы по-прежнему стояли у стен Москвы.

А пока воскрешенная таким образом дивизия воевала, ее партийно-политический аппарат, в преддверии 24-й годовщины Октября, продолжал бороться за свои изрядно подмоченные революционно-боевые традиции. И главным инициатором бюрократической возни вокруг сохранения «славной истории гражданской войны» был ни кто иной, как новый комиссар сводной дивизии:

*Члену Военного совета 43 армии
дивизионному комиссару тов. Шабалову*

28 октября 1941г.

По решению Военного совета из 17, 312, 53 дивизий создается из так называемых остатков дивизий одна сводная с присвоением ей наименования 312 стрелковая дивизия.

Докладываю, что 53 стрелковая дивизия на 25 октября имела в своем составе 5 242 человек, из которых начсостава 490, младшего начсостава 642 и рядового – 4110 человек. Организационно дивизия имела все части и подразделения согласно штатов.

Следовательно, управление дивизии, политотдел, штаб стрелковых и артполков, а также отдельных частей был в наличии.

Командный состав 53 стрелковой дивизии является в большинстве своем кадровым составом. Сейчас все организационно сколоченные единицы нарушаются, так

как базой формирования считается 312 стрелковая дивизия.

Со своей стороны считал бы оправданным оставить базу 53 стрелковой дивизии, так как по численному составу и организационно она лучше сохранилась, чем 312-я.

Кроме того, дивизия существует с периода Гражданской войны и в Отечественной войне участвует с начала в течении четырех месяцев, в то время, как 312-я вновь созданная дивизия в боях участвует с 10 октября сего года.

На основании изложенного прошу в формировании новой дивизии принять базу 53 стрелковой дивизии, оставив новой дивизии этот же номер.¹

Комиссар сводной дивизии
полковой комиссар Зыков.

3. На «нет» и суда нет?

Все логично, на первый взгляд, в доводах комиссара, приведенных в защиту своей дивизии. Да и сам факт отстаивания чести мундира заслуживает в этом случае уважения. За исключением упоминания о Гражданской войне, участием в которой, пожалуй, нельзя гордиться. Однако, уважаемый читатель, давайте через шесть с половиной десятилетий все же посмотрим на эту ситуацию другими глазами. Глазами просвещенных потомков. Сквозь призму времени. О чем же, пользуясь неразберихой отступления, умолчал комиссар? Дабы исключить подозрения в предвзятости, уточню, речь пойдет только о событиях октября сорок первого. Тех, которые свидетельствуют о реальном состоянии 53-й стрелковой дивизии. Итак, о численности дивизии комиссар сообщает по состоянию на 25 октября, то есть, именно на ту дату, на которую в штаб 43 армии от частей и соединений поступили официальные сведения о численном составе. В связи с чем сразу возникает вопрос: почему же данные комиссара по общей численности, в сравнении с официальными, занижены на 285 человек?

Могу предположить, что в момент комиссарского подсчета в 53-ю дивизию вернулись еще не все, кто был рассеян отступлением по путям-дорогам фронтовым. А в качестве примера, подтверждающего мое предположение, предлагаю вашему вниманию *Сведения о задержанных и направленных в свою часть заградительными отрядами.*²

Так вот, по этим сведениям, только 19 октября в 53 стрелковую дивизию было отправлено 360, а 21.10.1941г. – 168 человек. Выходит, не так уж все организационно сколочено было в дивизии, как утверждает комиссар. Кроме того, его фраза о том, что организационно дивизия имела все части и подразделения, согласно штатов, мягко говоря, не вполне корректна. Ибо такой дивизии по штату положено иметь 12 472 человека, а в 53-й уже перед началом Московской битвы фактически было 8 186 человек.

Не очень-то убедительно выглядят слова комиссара и об организованности дивизии, кадровости ее командного состава, наличии штабов и даже сколоченности единиц. Особенно, если вспомнить цитаты из боевых донесений о том, что дивизия

1. ЦАМО РФ. Фонд 398. Опись 9308. Дело 12. Лист 129.

2. ЦАМО РФ. Фонд 398. Опись 9308. Дело 15. Лист 489.

деморализована, о том, как не раз разбегались под натиском противника ее подразделения. Для дивизии, летопись которой начинается с незапамятных времен, это, попросту позорно. А если принять во внимание ее кадровый в большинстве своем командный состав, то не понятно, как подобное вообще могло случиться!

Обратите внимание и на тон письма. С каким пренебрежением отзывается комиссар о тех, из кого формируется сводная дивизия: *создается из так называемых остатков дивизий...*

Дескать, с кем вы, господа–товарищи, нас, кадровых, объединяете – с ополченцами и вчерашними запасниками. Которых после первых же боев осталось – с гулькин нос!

Мы же, мол, все боевые и заслуженные, при штабах, начальниках и знаменах. Да еще и назвать нас хотите именем никому не известной, наспех сляпанной дивизии.

Во имя одной лишь справедливости, да простит меня Бог, приведу здесь факты из еще одного недавнего документа, на который по понятным причинам не сослался в своем политдонесении боевой товарищ Зыков:

Приказ по войскам армии № 20 Р

20 октября 1941

с.Каменка

Содержание: «О случаях отхода без приказа отдельных частей, командиров, красноармейцев с боевых позиций»

Несмотря на то, что приказ Народного Комиссара Обороны № 270 и приказы Командующего Западным фронтом № 345, 346 доведены до каждого красноармейца, командира и политработника, все же наблюдаются случаи, когда командиры частей, подразделений и отдельные красноармейцы без приказа оставляют поле боя и самовольно по–предательски, при первом же, даже несерьезном столкновении с противником, отходят в тыл, а некоторые из них бросают оружие.

Так, например, командир 223 стрелкового полка майор Владимирский и военком полка старший политрук Емельянов без приказа отвели полк на 20 километров в тыл, не выполнив боевой задачи.

Емельянов и Владимирский, как трусы и предатели Родины расстреляны перед строем.

Без приказа отошли с боевых позиций Подольское пехотное училище, 12 стрелковый полк, дело о которых передано для расследования военной прокуратуре армии для привлечения виновных к суровой ответственности...

Приказываю: 1) Трусов и паникеров, уходящих без разрешения с боевых позиций, бросающих оружие и технику, расстреливать на месте. В равной степени несет ответственность командир и начальник (комиссар – ГЧ.), которые не предотвратили подобных явлений...¹

*Командующий 43 армии
Голубев*

*Член Военного совета
Серюков*

*Начитаба
Боголюбов*

1. ЦАМО РФ. Фонд 398. Опись 9308. Дело 3. Лист 1.

Упомянутые в приказе 12-й и 223-й стрелковые полки входят в состав 53-й стрелковой дивизии. И ответственность за самовольный уход с поля боя любого из них, как следует из этого документа, наравне с командиром несет комиссар. Ну, а если речь в приказе идет сразу о двух стрелковых полках одной дивизии (а в ней всего таких три! – ГЧ), то к ответственности за это, по логике вещей, нужно было привлечь... того самого полкового комиссара Зыкова, весьма обеспокоенного теперь сохранением номера и организационно сколоченных штабов.

Что произошло в армии, когда было получено «хитрое прошение» комиссара 53 стрелковой дивизии, остается только догадываться. На память потомкам сохранился лишь постскрипtum командарма на этой бумаге:

Р.С. Кроме того, с точки зрения продолжения истории 53 стрелковой дивизии, желательно ее оставление, так как в Военным советом 43 армии представлены к наградам около 150 человек лучших бойцов и командиров, проявивших себя в борьбе с германским фашизмом.

*Командующий 43 армии
генерал-майор Голубев.*

Можно возмущаться непоследовательностью и непринципиальностью генерала Голубева, лишь неделю назад подписавшего гневный приказ о расстреле на месте бегущих с поля боя. Среди которых большинство – из 53-й дивизии! Однако, давайте, читатель, мысленно поставим себя на место командарма–43 в те суровые дни. Итак, за спиной – столица. До нее - рукой подать. Перед лицом – озверелые, прекрасно вооруженные и хорошо организованные в наступлении оккупанты. В своих же руках – потрепанная армия, которая занимает одно из главных мест в обороне Москвы. И в ней считают КАЖДОГО боеспособного солдата. Представили? А теперь еще раз внимательно прочитайте политдонесение комиссара 53-й дивизии. Ведь оно базируется, как раз на том, что дивизия ЛУЧШЕ СОХРАНИЛА СЕБЯ в боях. Вопрос КАК сейчас не стоит. Ибо для всех сейчас важнее не то, как родная армия до Москвы докатилась, а то, как, наконец, остановить врага. На последнем возможном рубеже. Ибо, решается вопрос жизни и смерти. Как самого командарма, так и всей страны. В такой момент, согласитесь, на историю человек начинает смотреть несколько иначе. Вот, собственно, и все. В итоге, наутро появляется новый приказ, противоречащий первому:

Приказ войскам 43 армии № 30

30 октября 1941

К/п Бунчиха

1. Во изменение приказа № 001 сводной дивизии присвоить № 53 и называть 53 стрелковая дивизия.

2. Командиром дивизии назначить полковника Наумова. Военным комиссаром – полкового комиссара Зыкова. Работников штаба и политотдела 312 стрелковой

дивизии обратить на укомплектование штаба и политотдела 53 стрелковой дивизии. Излишествоующий начсостав направить в отдел кадров армии.¹

<i>Командующий 43 армии</i>	<i>Член Военного совета</i>	<i>Зам.начштаба</i>
<i>Генерал-майор</i>	<i>дивизионный комиссар</i>	<i>комбриг</i>
<i>Голубев</i>	<i>Шабалов</i>	<i>Любарский</i>

Горько, нет слов. Но, обратите внимание на то, кто кроме командарма подписал этот документ. Прежний член Военного совета армии Серюков² ранен. Когда пытался задержать бегущих с поля боя в Тарутино бойцов и командиров 17-й и 53-й стрелковых дивизий. Из госпиталя в этот момент он не сумеет напомнить Голубеву об обстоятельствах своего ранения. Новый же ЧВС, скорее всего, об этом не знает. Начальника штаба полковника Боголюбова³, человека, тоже сведущего в новейшей истории, под рукой нет. Ну, а бывшему высокопоставленному комбригу⁴, разжалованному из начальника оперативного отдела штаба фронта в заместители начальника штаба армии, согласитесь, еще рано спорить. И поскольку в штабе армии такое редкое «единодушие», аргументы полковника Наумова, поставленного перед фактом, как вы понимаете, никто слушать не будет. Да, он на это и не надеется. Если не удастся постоять за честь мертвых, нужно позаботиться, хотя бы, о живых. Что и сделал Александр Федорович двумя днями позже:

Военному совету 43 армии

Двенадцать дней части 312 стрелковой дивизии вели ожесточенные упорные бои с фашистскими войсками. Во время боев весь личный состав проявил беспредельную преданность нашей Родине, партии и великому Сталину.

В самых тяжелых условиях боя бойцы, воодушевленные командным и политическим составом, стойко боролись с врагом. Не было ни единого случая бегства с поля боя даже мелких подразделений или групп.

1081 стрелковый полк, будучи окружен противником в районе Детчино, продолжал в течении двух дней упорно оборонять доверенный ему район обороны. В последнем донесении командование полка докладывало: ваш приказ «Ни шагу назад!» выполним. Будем бороться до последней капли крови.

Свое обещание командование выполнило. Упорное сопротивление противнику и стойкость в бою добыты, главным образом, личным примером командного и политического состава.

Оставшаяся часть командного, политического и начальствующего состава политически устойчива, обогащенная опытом борьбы с фашистами, она явилась бы хорошим костяком для формирования новой дивизии. Имеющиеся кадры способны обеспечить сколачивание дивизии, которая так же честно и самоотверженно будет драться с врагом, как боролись части 312 стрелковой дивизии.

Командование дивизии надеется на удовлетворение просьбы, а также просит

1. ЦАМО РФ. Фонд 398. Описание 9308. Дело 2. Лист 12.

2. Бригадный комиссар А.Д.Серюков после госпиталя вернулся к обязанностям ЧВС 43 армии.

3. Полковник А.Н.Боголюбов, с 17.01.42 – генерал-майор.

4. Комбриг С.И.Любарский, с 23.12.41г. – полковник, с 02.01.42г. – генерал-майор.

*разрешения на представление к правительственным наградам отличившихся в боях красноармейцев, командиров и политработников, оставшихся в живых.*¹

*Командир 312 стрелковой дивизии
полковник Наумов А.Ф.
2 ноября 1941г.*

4. От героев былых времен...

По приказу командующего Западным фронтом от 23 ноября 1941 года, за оборону Москвы награждено 58 воинов бывшей 312-й стрелковой дивизии. Возникает вполне закономерный вопрос: а почему, собственно, так мало?

Ответить на него можно просто и односложно, не вдаваясь в подробности: потому, что за окном полевых штабов была горькая осень сорок первого. Когда награждали весьма скупо. Ответить можно и вопросом на вопрос: а почему четверть всех Героев Советского Союза, получивших это звание в годы Великой Отечественной войны, удостоены его в 1944-м, при форсировании Днепра? Разве подвиги у нас ценятся только в наступлении?

Но лучше все-таки поискать ответ в небольшой и почти никому не известной истории 312-й дивизии. Ведь ее штаб и политотдел были расформированы. В ноябре 1941-го дивизии под таким номером в составе Красной Армии уже не было. Кстати, Наумову отчасти все-таки пошли навстречу – казахстанцев разведывать не стали. Влив их целиком в 12-й полк 53-й дивизии. А из командиров и политработников в 53-ю взяли только тех, кого в ней по штату не хватало. Остальной командно-начальствующий состав был распределен по другим воинским частям и соединениям. Начальник штаба 312-й дивизии майор (с ноября 1941г. – подполковник) А.А.Нетесов возглавил штаб 5-го воздушно-десантного корпуса. Командир 1081-го стрелкового полка подполковник К.М.Андрусенко² назначен командиром 129 стрелкового полка 93-й стрелковой дивизии. Ну, а комиссар дивизии старший батальонный комиссар Я.Э.Сировский стал комиссаром... 17-й стрелковой дивизии. Да-да, читатель, не удивляйтесь, эта дивизия в начале ноября была сохранена, пополнена и продолжила свою героическую историю. Во главе с генерал-майором Эрастовым. В нее вернули даже командно-политический состав, который вначале передали в сводную дивизию.

В итоге, пятьдесят восемь наградных листов на воинов 312-й оформлены со слов немногих оставшихся в живых казахстанцев – бойцов и командиров вновь сформированного 12 стрелкового полка. Припомнить всех героев поименно во многих случаях было...просто некому. К тому же, часть воинов из этого списка представлены к наградам посмертно. На войне, как на войне...

Лучшей и, пожалуй, единственной наградой для погибшей дивизии стали послевоенные мемуары командующего фронтом Г.К.Жукова. Вот, у кого память оказалась не коротка – у того, кто делами, а не политдонесениями, защищал столицу:

1. ЦАМО РФ. Фонд 398. Опись 9308. Дело 16. Лист 4.

2. 8 февраля 1942 г. полковник К.М.Андрусенко назначен командиром 329-й стрелковой дивизии

На малоярославецком направлении наступали части 12-го армейского и 57-го мотокорпуса противника. На подступах к Малоярославцу героически сражались части 312-й стрелковой дивизии полковника А.Ф.Наумова и курсанты подольского пехотного и артиллерийского училищ.¹

И это, читатель, к сожалению, все. Ибо «История второй мировой войны» обобщает участие частей и подразделений в защите Москвы до...неузнаваемости:

Подступы к Малоярославцу стойко защищала группа войск 43-й армии в составе стрелковой дивизии, танковой бригады, подольского пехотного и подольского пулеметно-артиллерийского училищ и двух батальонов запасного полка. Она была усилена четырьмя артиллерийскими полками и тремя дивизионами реактивных минометов.²

В этой формальной строчке о безымянной стрелковой дивизии, как в зеркале отражается вся наша советская история. Именно с таких вот многочисленных примеров рождались стихи, песни (например, «На безымянной высоте») и мемориалы неизвестных солдат. И, видимо, не случайно главным символом обороны столицы в 1941-м считается могила неизвестного солдата. У стен Кремля.

Продолжая эту тему, скажем, что дивизия под номером 312 в советской истории второй мировой не упоминается вообще. Может быть, действительно, это не так уж важно, что казахстанская дивизия в критические дни октября сорок первого прикрыла собой российскую столицу?! Попасть в эту «Историю» посчастливилось одному лишь полковнику А.Ф.Наумову. Да и то, каким-то странным образом. Отдельно от своей дивизии:

... октябрьское наступление немецко-фашистских войск на Москву потерпело провал. Противник был вынужден перейти к обороне на линии Селижарово, Калинин, Тула, Новосиль...

Воины всех родов войск в боях на подступах к Москве показали образцы выполнения воинского долга и необоримую силу морального духа, проявили массовый героизм.

В этих сражениях отличились части стрелковых дивизий: 316-й генерала И.В.Панфилова, 78-й полковника А.П.Белобородова, 32-й полковника В.И.Полосухина, 50-й генерала Н.Ф.Лебеденко, 53-й полковника А.Ф.Наумова, 239-й полковника Г.О.Мартиросяна, а также 1-й гвардейской мотострелковой дивизии полковника А.И.Лизюкова, кавалерийской группы генерала Л.М.Доватора, танковых бригад, возглавляемых М.Е.Катуковым, П.А.Ротмистровым, И.Ф.Кириченко, М.Г.Сахно, и многих других соединений.

Напомню, подкомандование полковника А.Ф.Наумова 53-я стрелковая дивизия перешла только 30 октября. И за этот единственный день, как «свидетельствует» коммунистическая летопись второй мировой, сия дивизия из проштрафившихся попала в число...отличившихся. Это всего лишь детали исторической несправедливости, проявленной советской пропагандистской машиной по отношению к казахстанцам.

Главной победой октября 1941-го под Москвой, куда внесла свой бесценный

1. Маршал Г.К.Жуков. «Воспоминания и размышления». Москва. АПН. 1969г. Стр.351.

2. История Второй мировой войны. Воениздат. Москва.1975г. Том 4. Стр.99.

вклад 312-я стрелковая, нужно считать тот факт, что немецкая группа армий «Центр» была вынуждена временно прекратить наступление. Достигнут был и тактический перелом в Московском сражении: гитлеровцы изменили направления главных ударов и концентрацию наступающих на русскую столицу сил. Наступление возобновилось только в середине последнего осеннего месяца. А пока... фашисты перешли к глухой обороне в 60–200 километрах от Москвы. На участке 43-й армии враг был остановлен на расстоянии 80 километров до главного города СССР.

Оценка противника перед фронтом 43-й армии на 12 декабря 1941 года.

1. В течение ноября и декабря месяцев, противник главный удар наносит на севере в Солнечногорском направлении и на юге – в Тульском. Пытался на Наро-Фоминском и Серпуховском направлениях развить частный удар для сковывания наших сил.

2. Перед фронтом 43-й армии противник, обороняясь на переднем крае двумя пехотными и танковой дивизиями, активных действий не предпринимает, ограничиваясь силовой разведкой от взвода до батальона.

3. Находясь в обороне, противник совершенствует оборонительные сооружения, обеспечивая их проволочными заграждениями (Горки, Кузовлево), а также минированием предполья. Хорошо организованная огневая система переднего края обороны дает возможность противнику небольшими силами удерживать занимаемый рубеж и не пропустить наши разведорганы в глубину...¹

Часть шестая.

НАМ НУЖНА ОДНА ПОБЕДА

1. Обратная сторона подвига

Таким образом, острый главный удара врага по столице в ноябре 1941-го было перенацелено левее обороны 43-й армии, для которой, вплоть до начала зимнего контрнаступления, наступило относительное затишье. Его можно условно обозначить здесь как бои местного значения. О жестоких оборонительных боях, развернувшихся в это время на главных направлениях немецкого наступления, после войны рассказано достаточно много. Поэтому заострим внимание лишь на некоторых особенностях обороны Москвы, которые усилиями печатных органов партийно-политической пропаганды попали в разряд... мифов.

16 ноября на волоколамском направлении в наступление против 16-й армии перешла 4-я немецкая танковая группа (не менее 400 танков) при массивной поддержке авиации. Главный ее удар пришелся в стык 316-й стрелковой дивизии генерала И.В. Панфилова и группы войск генерала Л.М. Доватора.² В решительных схватках с фашистами герои-панфиловцы обессмертили свои имена. В районе

1. ЦАМО РФ. Фонд 43А. Опись 9308. Дело 73. Лист 28

2. Л. М. Доватор (1903), генерал-майор, погиб 19 декабря 1941 года. Удостоен звания Героя СССР.

разъезда Дубосеково 28 панфиловцев, уничтожив за четыре часа неравного боя 18 танков и десятки фашистов, не пропустили врага.¹

Это все та же пресловутая советская история второй мировой. Подумайте, читатель, почему в послевоенных «Воспоминаниях и размышлениях» маршала Г.К. Жукова неоднократно приводится в пример 316-я стрелковая дивизия под командованием И.В.Панфилова и нет даже упоминания о подвиге 28 героев-панфиловцев? Случайность это или, может, забывчивость автора? Убеден, ни то и ни другое! Просто, легендарный полководец не пожелал вспоминать о вещах сомнительного происхождения.

Когда сравнивают те дни с пружиной, которая, дескать, еще с лета все сжималась и сжималась под давлением озверелых оккупантов, а потом взяла и, распрямившись, выстрелила зимним победным контрнаступлением Красной Армии, то это выглядит, по меньшей мере, примитивно. Красная армия не меньше гитлеровской была измотана предыдущими широкомасштабными батальями. Коренное отличие воюющих сторон состояло лишь в целях. Фашисты стремились к мировому господству, а мы... История не раз преподносила уроки потенциальным врагам Отечества: у нашего народа нельзя отбирать последнее. Об этом предупреждал еще великий Стендаль. Будучи солдатом Наполеоновской армии, отступающей в 1812-м году от Москвы, будущий классик французской литературы изрек поистине пророческие слова: этот народ невозможно победить. Ибо он свои соломенные хижины защищает лучше, чем мы свои дворцы!

Впрочем, от эмоций перейдем снова к принципу документалистики: верить только фактам. И для начала примем во внимание лишь то, что не было без остатка съедено червем коммунистической цензуры. Первооткрывателем подвига 28 героев-панфиловцев в лихую годину, как известно, стал литературный секретарь редакции газеты «Красная Звезда» Александр Кривицкий. Вот как он вспоминает о своем открытии после войны, в 1958-м, в писательском сборнике «Годы великой битвы»:

Разъезд Дубосеково

Передовую я кончил писать поздно ночью. Поставил точку и, вернувшись к первой страничке, озаглавил статью: «Не Москва ль за нами...».

...На заголовке редактор долго не задерживался. Он зачеркнул его и написал: «Значение боев под Москвой». Это было сказано куда лучше, чем раньше, – точно, спокойно. Редактор внимательно посмотрел на меня и сказал:

– Вы остались в оперативной группе редакции, в Москве. Вся редакция эвакуировалась в Куйбышев.

Информация была произнесена в прошедшем времени. События, о которых говорил редактор, произошли, пока я писал передовую в отдаленной комнатке на четвертом этаже здания Центрального театра Красной Армии.

Утром следующего дня оперативная группа на трех «эмках» переехала в помещение «Правды». В этом здании работали оперативные группы трех редакций – «Правды», «Комсомольской правды» и наша, «Красной звезды»...²

1. «История Второй мировой войны 1939–1945». Воениздат. Москва.1975.Том 4. Стр.105–110.

2. «Годы великой битвы». Сборник. Москва. «Советский писатель». 1958. Стр.375–376.

Должно быть, именно с этого момента, когда редакции трех крупнейших газетных изданий пропагандистской машины ВКП (б) в одночасье оказались под одной крышей, и начался отсчет официальной истории подвига двадцати восьми героев Московской битвы.

316-я казахстанская стрелковая дивизия под командованием генерал-майора И.В.Панфилова в ноябре под Волоколамском сражалась героически. Панфиловцы на подмосковных рубежах проявили беспрецедентное мужество. Не сдавая врагу без громадных для него потерь и пяди земли. Поэтому не случайно 17 ноября 1941 года 316-я стрелковая дивизия стала именоваться 8-й гвардейской. А на ее войсковом штандарте засиял орден Красного Знамени. Однако, даже скромные торжества по этому поводу были исключены. Так как дивизия продолжала упорные оборонительные бои. В которых 18 ноября от шального осколка трагически погиб ее легендарный комдив. Эти события, конечно же, не могли остаться без внимания московских газет. Вот так и оказались 23-24 ноября 1941-го два военных корреспондента «Комсомольской правды» и «Красной Звезды», В.Чернышов и В.Коротеев, в штабе 16-й армии Западного фронта. Где встретили комиссара 8-й гвардейской стрелковой дивизии А.С.Егорова. Тот поведал им о том, что 16 ноября наиболее сильный удар противника 54 танками и пехотой принял на себя 1075-й стрелковый полк полковника Капрова, в районе Волоколамска. Наверное, комиссар в эти минуты мог бы рассказать и о героической обороне деревни Строково, где 11 саперов 1077-го стрелкового полка в этот день с помощью реальных противотанковых средств задержали 27 фашистских танков, пожертвовав при этом собственными жизнями. Но, любой политработник, как вы понимаете, читатель, скажет газетчикам в первую очередь то, что ему выгодно. А ему тогда было выгоднее говорить о героической обороне 1075-го полка. Ибо полк в результате двухдневных боев оказался все же выбит противником с занимаемых позиций. А командиры и комиссар полка за это были даже отстранены от командования. Согласитесь, трудно удержаться от соблазна оправдаться за такой вот «недочет» с помощью центральной прессы.

Так вот, отвечая журналистам, комиссар дивизии сообщил, что тяжелее всего пришлось на позициях 5-й и 6-й рот второго батальона полка. Где живых почти не осталось. Досталось и 4-й роте. Правда, чуть меньше – от нее осталась пятая часть.

По другим источникам, вездесущие служители пера получили первую информацию о дубосековском побоище от инструктора политотдела дивизии. Но это уже не столь важно. Главное, что 27 ноября в «Красной Звезде» усилиями Василия Коротеева появилась первая заметка о боях легендарной дивизии в районе Волоколамска. Безобидная, по военным меркам, заметка, не претендующая на роль сенсации мирового масштаба. И, как это нередко бывает, в редакции журналисты поделились своими впечатлениями с коллегами. В итоге, о поездке Коротеева в штаб и политотдел героической дивизии в подробностях стало известно литературному секретарю редакции «Красной Звезды» Зиновию (а для читателей этой газеты – Александру - ГЧ.) Кривицкому.

Сейчас уже трудно доподлинно установить, кому принадлежала инициатива написания очередной корреспонденции о подвиге панфиловцев. Самому Зиновию Юрьевичу или редактору «Красной Звезды» Д.Ортенбергу. Во всяком случае, автор 28 панфиловцев пишет о сем в упомянутом сборнике дословно так:

..Вскоре после переезда в дом «Правды» редактор мне вручил четыре строчки политдонесения от политотдела одной из дивизий, оборонявших Москву. В нем было сказано, что группа бойцов во главе с политруком Диевым отразила атаку пятидесяти танков. Ни имен бойцов, ни точного рубежа, на котором разыгрался бой, – ничего не известно. Только фамилия политрука, упоминание о разъезде Дубосеково и тот самый факт, волнующий, как тревожная, сильная песня...

Для непосвященных скажем, что политическое донесение, в отличие от боевого, вещь – весьма приблизительная. Как тревожная, сильная песня, оно не призвано отразить фактическую картину боевых действий перед командующим. Посему большинство политработников, мягко говоря, не стеснялись в преувеличениях, доводя до сведения своего начальства, как положительные, так и отрицательные стороны событий. К тому же, обратите внимание на стиль написания сего то ли воспоминания, то ли оправдания: *«от политотдела одной из дивизий», «четыре строчки», «ни имен бойцов, ни точного рубежа... – ничего не известно»*. Складывается впечатление, что автор и сам не очень верит в существование подобного политдонесения. Скорее, это были лишь эмоции корреспондента Коротеева, усиленные эмоциями его попутчика Чернышова. Из соседней редакции. Но...заказ на передовицу в очередной газетный номер уже принят. И хочешь – не хочешь, а надо ее сочинять. И не в окопе, на передовой, а опять в какой-нибудь *«отдаленной комнатке»*.

Надо сказать, что Кривицкий с этой задачей справился блестяще: выдал целый подвал (статью в нижней части газетной страницы – ГЧ) под кричащим заголовком «Завещание 28 павших героев». Которые задержали полсотни (!) вражеских танков.

Безусловно, статья вызвала огромный резонанс. Не только в войсках, но и у командования Красной Армии. Говорят, что даже Сталин выразил по этому поводу свое мнение: «А ведь эти бои могут стать символом нашей обороны!»

Вот! Вот, что нужно было тогда организаторам контраступления – символы! Под них можно было снова поднять обескровленную армию и бросить ее в наступательные бои.

Подчеркну, автор этих крамольных строк не пытается убедить читателя в том, что тогда это было не оправданно. Или даже преступно, нет. Заявлять подобное – все равно, что ставить под сомнение, например, искренность песни «Священная война». Мне хочется только лишний раз подтвердить на примере справедливость избитой аксиомы: спрос рождает предложение. И это предложение тогда, в условиях великого спроса на победу, было рождено. Не самым честным способом, как потом выяснилось. Но, тем не менее. Проверять, как 28 бойцов во главе с политруком задержали пятьдесят танков, понятное дело, никто не стал. Разве можно под-

вергать сомнению то, о чем сообщила главная военная газета страны! К тому же, проверить даже при желании было трудно: место подвига попало в зону немецкой оккупации. Тем не менее, резонанс от публикации был колоссальным. Если такими фактами заинтересовались на самом верху, то хочешь – не хочешь, а пришлось автору искать продолжения (читай – подтверждения – ГЧ.) своего фантастического сюжета. Тем более, у некоторых читателей статьи тогда уже возникли сомнения. Дело в том, что политрука по фамилии Диев, якобы руководившего бойцами в бою, в 316-й дивизии...никогда не было.

В тот же вечер я уехал на фронт – он находился от редакции в сорока пяти минутах езды на автомобиле. Дивизию, в которой служили двадцать восемь, я застал на переформировании в Нахабине.

И здесь Кривицкий не может обойтись без героического для себя ореола – уехал на фронт, на автомобиле. А приехал...в тыл. В место пополнения дивизии. Пусть недалеко от фронта, но, все же, тыл. Где пули не свистят.

Это была Панфиловская дивизия. Командир ее, генерал И.Панфилов, был убит незадолго до моего приезда. Начальник штаба полковник Серебряков вполне твердо заявил мне, что слыхом не слыхали ни о каком политруке Диеве. Комиссар дивизии Егоров тоже не мог вспомнить такую фамилию. Между тем дивизия в числа, совпадающие с политдонесением, дралась у разъезда Дубосеково. Диева никто не знал.

Вот она первая оплошность великого компилятора, погнавшая его на фронт, который оказался тылом: нужно было как-то обосновать использование в статье никому не известной фамилии. Поставившей под сомнение и содержание статьи, и существование пресловутого политдонесения. Поскольку в отражении фактов политработники могли допускать отклонения от истины, а в фамилиях – никогда. Тем не менее, Кривицкий продолжает настаивать на существовании донесения, манипулируя событиями. Из чего трудно понять, где правда, а где вымысел. В первой, газетной, версии у Дубосеково дрался взвод. Из 28 человек. Теперь же, после войны, «уточняется», что... дивизия!

К исходу дня случай свел меня с капитаном Гундиловичем. Он спокойно сказал, еще не зная о цели моего приезда и только услышав мои расспросы о Диеве:

– Ну как же, Диев, Диев...Его настоящая фамилия Ключков, а Диевым его прозвал боец-украинец Бондаренко, от слова «дие»: дескать, всегда – то наш политрук в деле, всегда действует – ну, «дие», одним словом. Так к нему и пристала эта кличка. Ах, Ключков, Ключков! Геройский был парень. Он с бойцами полсотни танков отбил у Дубосекова.

И здесь Кривицкий лукавит: капитан Гундилович погиб в апреле 1942-го. Поэтому подтвердить версию о кличке политрука после войны никому. Обратите внимание на роковое стечение обстоятельств, ставшее путеводной звездой для сочинителя: первичную информацию о бое Зиновий Юрьевич якобы получил из уст умирающего в госпитале бойца 4-й роты Ивана Натарова. Проверить, как вы понимаете, это невозможно. Но при желании... можно оправдать автора в том, что

из редакции с целью сбора информации для первой заметки о двадцати восьми он не выезжал. Ну, а вторую статью, после массовой гибели панфиловцев, написать еще проще. Ведь дивизия разгромлена. Ее командир убит. А оставшийся в живых ее личный состав отведен на переформирование.

22 января 1942 года в газете «Красная звезда» Кривицкий публикует уже целый очерк под заголовком «О 28 павших героях», в котором уверенно, как очевидец или человек, слышавший рассказ участников боя, пишет о личных переживаниях и поведении гвардейцев, называя их фамилии:

...Свыше пятидесяти вражеских танков двинулись на рубежи, занимаемые двадцатью девятью советскими гвардейцами из дивизии им. Панфилова... Смелодушничал только один из двадцати девяти... Только один поднял руки вверх... Несколько гвардейцев одновременно, не сговариваясь, без команды, выстрелили в труса и предателя...

...Пусть армия и страна узнают наконец их гордые имена. В окопе были: Клочков Василий Георгиевич, Добробабин Иван Евстафьевич, Шепетков Иван Алексеевич, Крючков Абрам Иванович, Митин Гавриил Степанович, Касаев Аликбай, Петренко Григорий Алексеевич, Есибулатов Нарсутбай, Калейников Дмитрий Митрофанович, Натаров Иван Моисеевич, Шемякин Григорий Михайлович, Дутов Петр Данилович, Митченко Николай, Шапоков Душанкул, Конкин Григорий Ефимович, Шадрин Иван Демидович, Москаленко Николай, Емцов Петр Кузьмич, Кужебергенев Даниил Александрович, Тимофеев Дмитрий Фомич, Трофимов Николай Иенатьевич, Бондаренко Яков Александрович, Васильев Ларисон Романович, Болотов Николай, Безродный Григорий, Сенгирбаев Мустафа, Максимов Николай, Ананьев Николай...

...Бой длился более четырех часов. Уже четырнадцать танков неподвижно застыли на поле боя. Уже убит сержант Добробабин, убит боец Шемякин... Мертвы Конкин, Шадрин, Тимофеев и Трофимов... Воспаленными глазами Клочков посмотрел на товарищей – «Тридцать танков, друзья, – сказал он бойцам, – придется всем нам умереть, наверно. Велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва»... Прямо под дуло вражеского пулемета идет, скрестив на груди руки, Кужебергенев и падает за смертью...

Сложили свои головы – все двадцать восемь. Погибли, но не пропустили врага.

Обратите внимание на стиль публикации. Здесь, опять же, во всем присутствуют противоречия. Вроде сначала было 28 человек, а теперь 29, но один предатель. Он поднял руки перед танками. А может и не поднял? Танкам – то «по барабану», если кто – то перед ними руки поднял. Они, стальные, в плен приглашать не будут – переедут и дело с концом. Поэтому дружно стрелять, не сговариваясь, в труса и предателя в реальности не было нужды.

Бой длился более четырех часов – это единственное, что правдиво. Остальное, к сожалению, выдуманно. Четырнадцать танков неподвижно застыли на поле боя. Здесь нужно снова уточнить: на поле боя целого ПОЛКА, а не горстки бойцов. А тут еще тридцать танков наступают. Вот почему полк Капрова не смог удержаться на позициях! Ведь даже бравые немецкие вояки создавали специальные команды из

ДВЕНАДЦАТИ человек для борьбы с ОДНИМ русским танком. Поскольку невозможно удержать оборону обычным стрелковым полком, когда атакует танковый батальон. А у Кривицкого 28 человек полсотни танков отбивают. Лег–ко.

21 июля 1942 года Указом Президиума Верховного Совета СССР 28 погибшим было присвоено звание Героя Советского Союза. По списку Кривицкого. Который, как вы уже понимаете, не мог быть свидетелем того рокового для полка боя. Но... стал его автором. В отдаленной редакционной комнатке.

2. Нормальные герои всегда идут в обход?

*Стоит на страже под Московю
Кужебергенов Даниил:
Клянусь своею головою
Сражаться до последних сил!*

Эти строчки из поэмы Николая Тихонова остались в памяти читателей газет в марте 1942–го. Громко заявленный Кривицким подвиг стал темой творчества советских писателей и поэтов военной поры: Николая Тихонова, Владимира Ставского, Александра Бека, Вячеслава Кузнецова, Михаила Светлова и многих других. Творческие натуры искренне верили в этот чудовищный вымысел. Объяснение сему феномену найти не трудно: перед лицом массовой людской смерти в это ОЧЕНЬ ХОТЕЛОСЬ верить.

Первые проблемы с журналистской уткой о двадцати восьми начались еще тогда, в 1942–м. В мае за добровольную сдачу в плен врагу особым отделом Западного фронта был арестован Даниил Кужебергенов. Который после ареста заявил, что является тем самым погибшим героем–панфиловцем. Кого славят газеты и поэты.

А уже в августе военная прокуратура Калининского фронта была вынуждена проводить проверку в отношении еще троих «погибших» героев: Иллариона Васильева, Григория Шемякина и Ивана Шадрина, также претендовавших на получение золотой звезды за успешный бой с полусотней танков. Но это, как показало время, еще были цветочки. Ягодки созрели после войны.

Из справки–доклада «О 28 панфиловцах»

В ноябре 1947 года Военной Прокуратурой Харьковского гарнизона был арестован и привлечен к уголовной ответственности за измену Родине гражданин Добробабин Иван Евстафьевич. Материалами следствия установлено, что, будучи на фронте, Добробабин добровольно сдался в плен немцам и весной 1942 года поступил к ним на службу. Служил начальником полиции временно оккупированного немцами с. Перекон Валковского района Харьковской области. В марте 1943 года, при освобождении этого района, Добробабин, как изменник был арестован советскими органами. Но из–под стражи бежал, вновь перешел к немцам и опять устроился на работу в

немецкой полиции, продолжая активную предательскую деятельность, аресты советских граждан и непосредственное осуществление принудительной отправки молодежи на каторжные работы в Германию.

Виновность Добробабина полностью установлена, и сам он признался в совершении преступлений. При аресте у Добробабина была найдена книга «О 28 героях-панфиловцах», и оказалось, что он числится одним из главных участников этого героического боя, за что ему и присвоено звание Героя Советского Союза.

Допросом Добробабина установлено, что в районе Дубосеково он действительно был легко ранен и пленен немцами, но никаких подвигов не совершал, и все, что написано о нем в книге о героях-панфиловцах, не соответствует действительности...¹

После войны миф о героическом бое 28 бойцов с 50 танками затрещал по всем швам. Шитыми белыми нитками. Ведь в 1941–42–м газеты писали, что все двадцать восемь героев погибли. Не пропустив танки. И все было бы по-прежнему былинно красиво, если бы семеро героев после жестокого боя...не остались живы. А подбитых танков не оказалось меньше, чем объявлено. Во всех последующих интерпретациях разные источники называют их разное количество. История второй мировой – восемнадцать. «Округлив» их число по старой советской традиции в большую сторону. По архивным же данным Минобороны СССР, так и не обработанным коммунистическими идеологами, 1075–й стрелковый полк 16 ноября 1941 года уничтожил 15 танков и около 800 человек личного состава противника. Потери полка, согласно донесению его командира, составили более четырехсот человек убитыми, около шестисот – пропавшими без вести, около ста человек – ранеными. Можно с уверенностью сказать, что многие из реальных участников этого жестокого боя, по-настоящему подбивавшие танки и честно сложившие при этом свои отчаянные головы, до сих пор значатся в сомнительной категории без вести пропавших. И это, пожалуй, самое страшное и позорное в нашей богатой подвигами истории Великой Отечественной. Что же до семерых из двадцати восьми, «посмевших» остаться в живых, то судьба их сложилась весьма неоднозначно.

Иван Моисеевич Натаров, по словам Кривицкого, участвовал в бою у Дубосеково, был тяжело ранен, доставлен в госпиталь. Где, умирая, рассказал о подвиге панфиловцев. Однако, политдонесение комиссара 1075–го стрелкового полка Мухамедьярова, хранящееся в фондах ЦАМО, свидетельствует о том, что он погиб за два дня до знаменитого боя – 14 ноября 1941 года. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 июля 1942 г. вместе с другими панфиловцами удостоен звания Героя Советского Союза посмертно.

Иван Евстафьевич Добробабин, как свидетельствуют документы, с 1944–го, после службы в немецкой полиции, успел повоевать и за Родину. За что был удостоен ордена Славы 3–й степени. После войны вернулся в киргизский город Токмак, откуда в 1941–м уходил на фронт. И с удивлением обнаружил там себя в виде...памятника погибшему герою-панфиловцу. Что подтолкнуло его к ошибочному, как

1. Справка-доклад «О 28 панфиловцах». Государственный архив РФ. Фонд 8131. Опись 37. Дело 4041. Лист 310–320. Опубликовано в журнале «Новый Мир». 1997. № 6. Стр.148.

оказалось, стремлению побороться за звезду Героя. Но в нашей стране воскресших героев не бывает. Посмертно – значит посмертно. Поэтому в 1948 году этот человек был осужден на 15 лет лишения свободы за сотрудничество с немецко-фашистскими оккупантами. В силу чего указ о награждении Добробабина И.Е. был отменен 11 февраля 1949 года. В середине пятидесятых годов, после смерти Сталина, досрочно вышел на свободу. В конце восьмидесятых, в эпоху демократической оттепели, снова добивался реабилитации, но безуспешно – в 1990 году в реабилитации ему было отказано. Умер в 1996 году в г.Димлянске Ростовской области.

Даниил Александрович Кожабергенов (Кужебергенов), связной политрука Клочкова, в обросшем легендами бою непосредственно не участвовал, так как утром был отправлен с донесением в Дубосеково, где и попал в плен. Вечером 16 ноября бежал из плена. Некоторое время находился на оккупированной территории, после чего был обнаружен конниками Доватора, выполнявшим рейд по немецким тылам. После окончания рейда соединением Доватора был допрошен особым отделом. Признал, что не участвовал в легендарном бою, и был отправлен назад в дивизию Доватора. К тому времени уже было составлено посмертное представление на присвоение ему звания Героя, но после расследования его имя было заменено на Кожабергенова Аскара. Умер в 1976 году, так и не став героем.

Аскар (Алиаскар) Кожабергенов (Кужебергенов) прибыл в дивизию Панфилова в январе 1942-го, поэтому участвовать в бою у Дубосеково не мог. В том же месяце погиб во время рейда панфиловской дивизии по немецким тылам. Включен в представление на присвоение звания Героя вместо Кожабергенова Даниила Александровича, после того как выяснилось, что предыдущий кандидат не принимал участия в газетном бою и остался жив. Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 21 июля 1942 вместе с другими панфиловцами удостоен звания Героя Советского Союза посмертно.

Илларион Романович Васильев в бою 16 ноября был тяжело ранен и попал в госпиталь. После выздоровления был направлен в действующую армию, в тыловое подразделение. В 1943 году был демобилизован из армии по состоянию здоровья. Ознакомившись в печати с Указом о присвоении ему звания Героя посмертно, заявил об участии в легендарном бою. После соответствующей проверки, без особой огласки получил звезду Героя. Умер в 1969 году в Кемерово.

Дмитрий Фомич Тимофеев в ходе боя был ранен и попал в плен. В плену ему удалось выжить, после окончания войны вернулся на родину. И заявил о своем праве на звезду Героя. После соответствующей проверки, получил ее без широкой огласки незадолго до смерти в 1950 году.

Григорий Мелентьевич Шемякин в том бою был ранен и оказался в госпитале. После публикации Указа о посмертном присвоении ему звания Героя заявил о своем участии в бою. Пройдя соответствующую проверку, без особой огласки получил звезду Героя. Умер в 1973 году в Алма-Ате.

Иван Демидович Шадрин после боя 16 ноября попал в плен в бессознательном состоянии. До 1945 года находился в концлагере. После освобождения еще два года провел в советском фильтрационном лагере для бывших военнопленных. В 1947 году вернулся домой в Алтайский край, где его никто не ждал – он считался погибшим, а жена жила в его доме с новым мужем. Два года перебивался случайными заработками, пока в 1949 году узнавший его историю секретарь райкома не написал о нем председателю Президиума Верховного Совета СССР. После соответствующей проверки, которая компрометирующих сведений не нашла, без особой огласки получил звезду Героя. Умер в 1985 году.

Как подобает советской экономике, а вкуче с ней и политике, спрос на подвиг 28 панфиловцев в стране искусственно поддерживался почти полвека. Старшее поколение верит в этот подвиг и сегодня. Секрет подобной метаморфозы незамысловат: панфиловская дивизия под Москвой покрыла себя неуязвимой славой. Усомниться в этом не может никто. Поэтому писать о легендарной дивизии в газетах и книгах было достаточно просто. Даже людям, не располагающим достоверными фактами. А если за столь благочестивое дело брался человек вроде Кривицкого, фронтовик, орденосеца, лично знакомый с ветеранами прославленной дивизии, то зеленый свет на издание подобных мемуаров ему был обеспечен повсеместно.

А если снова провести параллель с 312-й стрелковой дивизией полковника Наумова, то можно отследить одну и ту же закономерность: людские потери обоих этих казахстанских соединений в Подмоскovie были колоссальными. Но, увы, далеко не все истинные герои снискали славу. Хотя бы посмертную. Большинство героических защитников столицы и по сей день не имеют даже имен. Оставшись брошенными и забытыми на местах боев. Все как-то было недосуг благодарному Отечеству отыскать и хотя бы похоронить своих безвестных героев. Сначала мы послевоенную разруху ликвидировали, потом пахали, сеяли, плавил, пятаiletки перевыполняли. Под звуки победных маршей. Вкладывали средства в безликие мраморные и гранитные мемориалы. Так, под фанфарами, и позабыли о том, что Родину не былинные герои защищали. А реальные сельские и городские мужики. Не святые, не безгрешные – настоящие. Достойные высочайших званий и наград. Такие, на которых, во все времена держава стоит.

3. «Одна на всех – мы ценой не постоим»

Из книги «Живые и мертвые»

К ночи батальон Рябенко, безостановочно идя вперед, занял еще три деревни: две – сожженные дотла, и третью – сгоревшую только на три четверти. Когда они подходили, деревня была еще цела. Потом стали загораться первые дома, а через час уже горело полдеревни.

Это зрелище заставило их, несмотря на немецкий огонь, все-таки ворваться в деревню и не дать дожечь ее дотла... одни немцы из выпиленных прямо в стенах ам-

бразур били из пулеметов, другие бегали и жгли дома. Мгновениями в пламени были видны их перебегающие от избы к избе фигуры...

...– Товарищ генерал,– оставленный Баглюком автоматчик открыл за его спиной дверь,– двух фашистов в подвале взяли, захавались...

...Они стояли между двумя поймавшими их бойцами. Были они в ботинках, в шинелях, в натянутых на уши пилотках, дрожащие, насквозь промерзшие...

...Немцы молчали, но за них, безошибочно поняв смысл вопроса, ответил один из поймавших их бойцов:

– Я так располагаю, товарищ генерал, что это из их фейеркоманды поджигатели, заблукали в последнюю минуту и схавались...

...– Покажите мне руки,– еще раз повторил по–немецки Серпилин, делая шаг вперед...

...У обоих руки пахли керосином. Оба молчали. Один мелко тряся, другой окаменел от отчаяния и неотвратимости смерти.

– Расстреляйте их к чертовой матери! – сказал Серпилин и, отвернувшись, пошел к саням.¹

Эти строки из романа–трилогии Константина Симонова, созданные на основе действительных событий подмосковного зимнего контрнаступления, стали олицетворением справедливого возмездия за злодеяния немецко–фашистских оккупантов. Главная ценность этого художественного произведения – дотошная правдивость автора, реально пережившего на войне описываемые события. Уверен на сто процентов, если бы мог тогда Кирилл Михайлович², то так же правдиво описал бы и некоторые особенности обороны столицы. Что были скрыты для широких читательских масс.

После освобождения в январе 1942–го железнодорожной станции Дорохово, было взято боем и село Петрищево Верейского района Московской области. В результате чего, стали известны обстоятельства казни оккупантами 29 ноября 1941 года партизанки Тани. Спустя месяц органы политпропаганды обнародовали настоящее имя 18–летней героини – первой, кстати, женщины – Героя Советского Союза в Великой Отечественной войне: Зоя Космодемьянская. Ныне на Минском шоссе, близ Петрищево, высится памятник с надписью на постаменте: «Зое – бессмертной героине советского народа. 1923 – 1941 гг.»

Нисколько не покушаясь на величие подвига, совершенного советским народом при защите столицы, все же хочется задать вопрос: любопытно, а каким же образом ученица 201–й городской московской школы оказалась в партизанах? Как она сумела через линию фронта попасть к лесным братьям? Ведь в Москве и прилегающих к ней районах постановлением Государственного Комитета Обороны с 20 октября было введено осадное положение. Которое исключало в ночное время даже движение пешеходов и транспорта без специальных пропусков. А за малейшее неподчинение военному патрулю любого человека на улице могли ненароком пристрелить. По закону военного времени.

1. К.Симонов. «Живые и мертвые». Москва. Изд. «Художественная литература». 1989. Книга первая. Стр.454, 458–459.

2. Константин – литературный псевдоним фронтового журналиста Кирилла Михайловича Симонова.

В книге академика А.М.Самсонова «Москва. 1941 год: от трагедии поражений – к великой победе», в приложении № 14, есть официальный список воинов, удостоенных звания Героя Советского Союза за боевые подвиги в Московской битве. Под номером 54 в этом списке – Зоя Анатольевна Космодемьянская, партизанка специального партизанского отряда Верейского района Московской области. А если еще точнее – истребительного батальона, созданного столичным комитетом комсомола для ведения подрывной работы на территории оккупированного Подмосковья. Другими словами, для совершения специфических диверсий на территории врага. Попал в руки издателей исторической хроники и снимок казни школьницы, обнаруженный при убийстве немецком офицере, на нем – Зоя, стоящая у виселицы, а на груди у нее большая табличка с надписью: «*Поджигатель домов. Brandsstifterin*».

Жаль, что достоянием истории, вплоть до последнего времени, не стал документ, который многое объяснил бы потомкам, интересующимся обстоятельствами гибели Зои Космодемьянской:

Приказ № 0428

Ставки Верховного Главнокомандования.

17 октября 1941 года.

Опыт последнего месяца войны показал, что германская армия плохо приспособлена к войне в зимних условиях, не имеет теплого одеяния и испытывает огромные трудности от наступивших морозов, ютится в прифронтовой полосе в населенных пунктах.

Самонадеянный до наглости противник собирается зимовать в теплых домах Москвы и Ленинграда, но этому воспрепятствовали действия наших войск. На обширных участках фронта немецкие войска, встретив упорное сопротивление наших частей, вынужденно перешли к обороне и расположены в населенных пунктах вдоль дорог на 20–30 км по обе их стороны. Немецкие солдаты, как правило, живут в городах, местечках, деревнях, крестьянских избах, сараях, ригах, банях близ фронта, а штабы германских частей размещены в более крупных населенных пунктах и городах, прячутся в подпольных помещениях, используя их в качестве укрытия от нашей авиации и артиллерии. Советское население этих пунктов обычно выселяют и выбрасывают вон немецкие захватчики.

Лишить германскую армию возможности располагаться в селах и городах, выгнать немецких захватчиков из всех населенных пунктов на холод в поле, выкурить их из всех помещений и теплых убежищ и заставить мерзнуть под открытым небом – такова задача, от которой во многом зависит ускорение разгрома врага и разложение его армии.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Разрушать и сжигать до тла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину от переднего края и на 20–30 км вправо и влево от дорог. Для уничтожения населенных пунктов в указанном радиусе действия бросить немед-

ленно авиацию, широко использовать артиллерийский, минометный огонь, команды разведчиков, лыжников и партизанские диверсионные группы, снабженные бутылками с горючей смесью, гранатами и подрывными средствами.

2. В каждом полку создать команды охотников, по 20–30 человек каждая, для взрывания и сжигания населенных пунктов, в которых располагаются войска противника. В команды охотников подбирать наиболее отважных и крепких в политико–моральном отношении бойцов, командиров и политработников, тщательно разъясняя им задачи и значение этого мероприятия для разгрома немецкой армии. Выдающихся смельчаков за отважные действия по уничтожению населенных пунктов, в которых расположены немецкие войска, представлять к правительственным наградам.

3. При вынужденном отходе наших частей на том или другом участке, уводить с собой все советское население и обязательно уничтожать все без исключения населенные пункты, чтобы противник не мог их использовать. В первую очередь для этой цели использовать выделенные в полках команды охотников.

4. Военным советам фронтов и отдельных армий систематически проверять, как выполняются задания по уничтожению населенных пунктов в указанном выше радиусе от линии фронта. Ставке через каждые три дня доносить сводкой, сколько и какие населенные пункты уничтожены за последние дни, какими средствами достигнуты эти результаты.¹

Ставка ВГК: И.Сталин, Б.Шапошников

Война – не только жестокая, но и грязная штука. Оставляя в лютые морозы без жилья теплолюбивых немецких оккупантов, наше командование не оставляло шансов выжить и населению прифронтовой полосы. А заодно приносило в жертву городских комсомольских активистов, которые подобно японским камикадзе свято исполняли свои заведомо смертельные задания. Поэтому, поджигая конюшню, где оккупанты содержали артиллерийских лошадей, в селе Петрищево, Зоя, назвавшаяся гитлеровцам Таней, шансов остаться в живых не имела. Село ведь тупиковое: расположено в стороне от Минского шоссе и от автодороги Дорохово–Верея. Уйти из него по снежной целине незаметно нельзя. Ну, а пожар, наоборот, – бедствие заметное издали. И требующее авральных действий. Как со стороны хозяев крестьянских подворий, так и со стороны их квартирантов–оккупантов.

Поймал в деревне Зою немецкий солдат. Обхватив сзади руками. Таким образом, лишив ее возможности достать револьвер. Затем оккупанты привели пленную в дом. Не дали селянам–погорельцам учинить над нею самосуд. Долго били сами, выбивая сведения о столичном истребительно–поджигательном батальоне. Всю ночь, сменяющиеся с немецкой пунктуальностью часовые, водили ее раздетой по селу в лютый мороз. Но не сумели узнать ничего. Даже настоящего имени. Утром уставшую от издевательств девочку–партизанку оккупанты публично повесили.

1. ЦАМО РФ. Фонд 398. Опись 9308. Дело 1. Лист 2–8.

И продолжали зверски глумиться даже над мертвым ее телом. Вечная память тебе, Зоя Анатольевна! За то, что жизни своей не пожалела. Во имя Отечества. Выполняя бесчеловечные приказы.

Часть седьмая.
СУДЬБЫ ЛЮДСКИЕ

1. Зенитчики

Политрук Иван Тананайский, после неудачных контратак на высоту 209, 9 у села Березовка, выводил остатки зенитно–артиллерийского дивизиона – горстку голодных обессиливших бойцов в сторону Москвы без карты и компаса. Интуитивно, по лесам и проселкам вокруг оккупированных уже врагом деревень. И, когда они столкнулись с бойцами заградительного отряда НКВД, те поначалу показались им ангелами небесными. Настолько окруженцы были вымотаны. Морально и физически. Но, встреча чуть не закончилась перестрелкой.

– Бросай оружие, иначе буду стрелять! – молодой хорошо выбритый боец в новенькой каске, грозно повел стволом автомата в сторону грязных, заросших щетиной зенитчиков, показавшихся в перелеске.

– Да, мы свои, братец, родные, не видишь, что ли?

– Кому родные, а кому двоюродные, – автоматчик дал поперх их голов такую длинную очередь, что на них посыпались ветки с деревьев, срезанные пулями. Некоторые из бойцов от неожиданности попадали на землю.

– Негодяй, ты зачем патроны изводишь, опусти оружие, с тобой политрук говорит! – Тананайский встал перед ним сразу, во весь свой богатырский рост. И спасло им жизнь – следующая автоматная очередь воинственно настроенного заградителя предназначалась уже не деревьям, а им, «отступающим врагам народа».

– Ну–ка иди сюда, ты, предательская шкура, кто себя политруком называет! – в кустах с пистолетом в руке опасно приподнялся командир–особист. Его Иван Васильевич отличил не столько по форменной одежде, сколько по выражению лица. Повидал он энкавэдэшного брата, еще в Актюбинске, «на гражданке».

По команде Тананайского окруженцы вышли на поляну и побросали винтовки в одну кучу. Револьвер политрука командир заградотряда сунул в карман своих галифе.

– Послушай, командир, я оружие врагу не сдал, не имеешь права отнимать! – попытался было возразить Иван Васильевич, но вместо ответа особисты наставили на него автоматы.

– Эх, нам бы такие вот игрушки там, да патронов побольше, – укоризненно протянул Тананайский, мотнув головой в ту сторону, откуда они пришли, все еще не веря в происходящее, – Тогда, может, и не отступили бы...

– Ты свои просьбы следователю выложишь, в письменном виде. Перед тем, как тебя к стенке поставят!

После того, как бойцов увели под конвоем в тыл, грозный особист, показалось, сменил гнев на милость:

– А ты, смотрю, геройский политрук, под пулями, видать, не бегал?

– Бегать – не бегал, а вывел и сохранил бойцов. И считаю это делом законным, – Тананайский, хоть и не курил, но из вежливости взял из подсигара особиста предложенную им папироску.

– Это мы еще проверим. А если хочешь без проверки, давай, прямо сейчас становись в строй! У меня комиссара в заградотряде не хватает, – обозначил свой интерес особист.

– Подумать надо... – попытался уклониться от ответа Иван Васильевич и вздрогнул от нового всплеска ярости своего собеседника:

– Я думать тебе даю минуту! Не согласен – поставлю спиной и застрелю при попытке к бегству. Еще сомнения есть?

Перспектива оказаться в роли комиссара заградотряда Тананайскому не польстила. Но заканчивать жизнь от руки сотрудника НКВД тоже не хотелось. Не для того он на войну одним из первых попросился. Он тянул время. Благо в их разговор вмешался неизвестно откуда вынырнувший всадник. Видимо, связной:

– Из какой, говоришь, дивизии? Из триста двенадцатой? Так она ж недалеко отсюда, в Рогово, пополняется!

Это был, его величество, случай. Политрук быстро сориентировался, затоптав носком сапога недокуренную папироску:

– Ну, что ж, комиссаром, так комиссаром! Только мне сначала нужно доложить о своем выходе из окружения. Командиру дивизии. Я по уставу обязан, понимаете?!

В заградительный отряд Тананайский не вернулся. Он, как опытный политработник, в сложной ситуации вынужден был схитрить. Однако, в дивизию попасть тоже не удалось. Его перехватили, так и не дав добраться в Рогово. Ведь готовилось контрнаступление. 43-й армии с этой целью придавались танки. Поэтому, проверив его документы и оценив телосложение, его направили в 26-ю танковую бригаду. Комиссаром танкового десанта.

В числе первых освободителей на броне танка с автоматом ворвался он в ночь на 1 января 1942 года в город Малоярославец. Посеяв панику и смятение среди полупьяных гитлеровцев, дав возможность 53-й стрелковой дивизии начать штурм городских окраин. Прошел в авангардных боях по Варшавскому шоссе до Медыни. Но, освобождать этот город ему было не суждено: поставили гитлеровцы на подступах мощный артиллерийский заслон. И расстреляли танки с десантом прямой наводкой.

Пришел в себя Тананайский ночью. От холода. Последнее, что осталось в памяти перед потерей сознания: яркая вспышка за танком и падение с брони. Попробовал

сдвинуться, лежа на снегу, да не смог – примерз к земле в луже собственной крови. Убитых десантников вокруг было много. Они чернели на снегу пятнами между догорающими танками. И вдруг услышал немецкую речь и редкие выстрелы. К нему, пиная трупы красноармейцев, шли фашисты. Кто застонет – подаст признаки жизни, добивали из автоматов. Его тоже пнули. Зверски пнули. Но, стиснув зубы, он не издал ни звука. Горланно каркающая на чужом языке смерть прошла мимо. К утру своего комиссара на поле боя отыскал уцелевший боец–десантник. Окликнул, подполз, отодрал от кровавого льда и потащил ползком назад, к своим.

В госпитале Ивану Васильевичу отняли левую руку. И война для него закончилась. В 1942 году он с пустым рукавом вернулся на тыловую партийную работу в Актобинск.

2. Госпиталь в...тылу врага

Их было семнадцать. Раненных воинов 312-й стрелковой дивизии, кому выпало остаться за линией фронта, на оккупированной врагом территории – в селе Юрьевском, в ста километрах от Москвы.

Они были обречены на верную смерть. От ран, холода или руки врага. Этих защитников Москвы, покалеченных пулями и осколками, лишенных возможности передвигаться, уже вычеркнули из взводных, ротных и батальонных списков. Они, по законам штабных канцелярий, считались мертвыми. Или, как это звучит на бумажном языке, отнесенными к категории безвозвратных потерь.

Однако в этот жестокий, но, в общем–то, обычный бюрократический процесс войны неожиданно вмешался неравнодушный к людскому горю человек. Нет, не сказочная волшебница. А простая русская женщина Пелагея Брагина. Секретарь сельского совета. Которая иначе относилась к такому понятию, как статистика. Считая, что за любимы, даже самыми сухими цифрами стоят человеческие жизни. Она искала этих солдат по полям, лесам, оврагам и, обнаружив в них едва заметные признаки жизни, перетаскивала в пустующий сельский дом. Обработывала раны, доставала медикаменты, обогрела печуркой, кормила, обстирывала, выхаживала, невзирая на опасность попасть в поле зрения врага.

И было неведомо потом односельчанам, откуда взялась у этой женщины такая великая душевная сила, руководившая ее поступками. Ведь немцы продолжали наступление на Москву, и рано или поздно, этот, несанкционированный оккупационной властью госпиталь, все равно бы обнаружили. И жестоко покарали бы его организатора. Но, наверное, сам господь Бог оградил это святое действо от роковой развязки. Да и, пожалуй, зимнее контрн наступление. Ставшее, как известно, полной неожиданностью для завоевателей.

Командир орудия первой батареи 859-го артполка сержант Андрей Семенов, в момент окружения своего расчета немецким батальоном продолжал оставаться,

прежде всего, артиллеристом – приказал поднести осколочные снаряды и в упор стал расстреливатьседающих гитлеровцев. Как сказано в его наградном листе,¹ с первого же выстрела ему удалось уничтожить пулеметную точку, двух автоматчиков, четырех стрелков и офицера.

Расстреляв оружейный боезапас, артиллеристы пошли на прорыв. Но, огонь фашистов, окруживших батарею, резко сократил количество прорвавшихся. Поэтому, спустя две недели, представляя Андрея Марковича к ордену «Красная Звезда», командование полка считало его погибшим.

Но ему повезло. Он очнулся раненым. И вместе с Кадыром Султановым и Леонидом Мелекесцевым попал в крестьянскую семью. Которая переправила их в госпиталь Брагиной.

К счастью, гитлеровцам было сейчас не до них – они стремились на подступы к Москве, а село Юрьевское расположено в 17 километрах от Варшавского шоссе. Вдали от дорожных коммуникаций. Где оккупанты подолгу не задерживались. И потому никто из них не проявлял интереса к едва живым советским солдатам.

Вот как впоследствии вспоминал об этом актюбинец Мендыгалий Тулегенов:

...наш второй батальон 1083–го стрелкового полка держал оборону в районе села Юрьевское...Мы теряли людей, технику... Многие наши бойцы погибли смертью храбрых, были и раненные. В числе искалеченных оказался и я: вражеская пуля повредила ногу. Но по сравнению с другими, я был ранен значительно легче: сознания не терял, мог передвигаться на животе.

Однажды ночью от потери крови и голода я забылся, но вдруг почувствовал, что чьи–то руки осторожно поднимают меня и несут неведомо куда. Очнулся я в крестьянском доме и тут увидел некоторых своих товарищей... в основном все были из Казахстана...²

В это время в совхозе Кудиново, где жила сама Пелагея Ивановна, зверства гитлеровцев превзошли все мыслимые пределы: в ночь с 25 на 26 ноября 1941 года фашисты загнали в сарай большую группу пленных, забили двери и окна, облили сарай керосином и подожгли. Все 375 красноармейцев, среди которых были и воины 312-й стрелковой дивизии, сгорели заживо.

Наверное оккупантам ничего не стоило сжечь и госпиталь в селе Юрьевском. Вместе с его организаторами. Ведь про него знали многие жители сел, которые делились с Брагиной продуктами для раненых.

Лечение на уровне народной медицины продолжалось больше двух месяцев. Когда в январе 1942–го Юрьевское освободили советские войска, удивлению не было предела: мыслимо ли в фашистской оккупации сохранить жизнь семнадцати раненым! За этот подвиг Пелагея Брагина удостоена ордена «Отечественная война» 2-й степени, а ее добровольные помощники Дарья Акимовна Харчевникова, Мария Андреевна Костюхина и Николай Васильевич Кутахов(в годы войны под-росток - Коля-колокольчик!) награждены медалями «За боевые заслуги».

1. ЦАМО РФ. Фонд 33. Опись 682523. Дело 26. Лист 330.

2. «На Варшавском шоссе». Алма–Ата. Изд. «Казахстан». 1968г. Стр. 108.

После войны выжившие в боях казахстанцы не забыли свою спасительницу. Вот, что писал Пелагее Ивановне в 60-х годах Калабай Абдрахманов:

...Сейчас весна, начинают расцветать сады в моем Казахстане, зеленью подернулась широкая, раздольная степь. Вышел я полюбоваться ее пока неярким нарядом, и вдруг, будто живая, встала передо мной другая пора, осенняя, тысяча девятьсот сорок первого. Несколько суток лил дождь, вперемешку со снегом. Кажется, не было уже на нас ни единой сухой нитки. Необстрелянные, незакаленные, мы как-то неожиданно вступили в бой, неожиданно стали отходить, отстреливаясь.

Помню, как споткнулся я на бегу, упал, хотел подняться и не смог. Дотронулся до ноги и вскрикнул. Лежал и смотрел, как сочится кровь, обагрняя одежду. Наступал вечер. Стыснув зубы, я пополз. Дождь хлестал все сильнее и сильнее. Уже в темноте я наткнулся на стог, кое-как зарылся в колючую затвердевшую от холода солому. Разорванная рубашка пропиталась кровью. С каждой минутой я слабел, стал впадать в беспамятство. В бреду я видел свою степь, яркое солнце. Перед глазами встали, как живые, дочь Кульпаш и жена Бибит... Кто-то мягкими, теплыми ладонями коснулся моего лица. Это были Вы, Пелагея Ивановна... славная Вы наша мать...¹

В послевоенной переписке с этой удивительной женщиной стала известна участь еще нескольких спасенных ею казахстанских воинов:

Дорогой Калабай. Спасибо Вам за Вашу чуткость, за хорошие добрые слова и любовь ко мне. Спасибо. Я всех вас хорошо помню. Отозвались на мои письма Леонид Васильевич Мелекесцев, Филипп Николаевич Азовсков, Илья Ванштейн... Мне вы все дороги, как родные. Помните Айтугана Байсакалова, раненного в лицо разрывной пулей? У него было страшное опухшее лицо. Когда опухоль прошла, лицо его стало красивым. От радости глаза мои тогда слезами наполнились. Мне очень хотелось бы, чтобы он был жив, имел хорошую семью, как Вы...

Актюбинец Айтуган Байсакалов, к сожалению, не дожил до Победы. Он навсегда остался тридцатилетним – сложил голову в 1944-м, в бою у села Новая Рубановка Запорожской области. Ему повезло лишь в том, что весть о его гибели не затерялась – пришла на родную землю.²

Другим пациентам Пелагеи Брагиной суждено было остаться безвестными. Вечная им память.

3. «Учитель, пред именем твоим Позволь смиренно преклонить колени!»

Одна из центральных улиц старинного российского города Малоярославца Калужской области после Великой Отечественной войны носит имя Петра Гусака. Для людей сведущих в советской внешней политике поясню: если вы подумали, что это родственник государственного деятеля Чехословакии эпохи развитого в СССР социализма Густава Гусака, то вы ошибаетесь. Поскольку человек, о котором идет речь,

1. «На Варшавском шоссе». Алма-Ата. Изд. «Казахстан». 1968г. Стр. 109.

2. Книга Памяти Актюбинской области. 1993. Том 1. Стр. 159.

никакого отношения к восточной Европе не имел. Его довоенная биография была связана с Западным Казахстаном.

Начальник штаба 1083-го стрелкового полка 312-й стрелковой дивизии капитан П.И. Гусак свой трудовой путь начал в 19 лет, сельским учителем.

А через три года надел военную шинель. И не снимал ее полтора десятка лет. Но, видимо, не зря считается, что первые самостоятельные шаги по жизни накладываются на человека столь заметный отпечаток, что он неизгладим даже временем. Поэтому когда судьба привела Петра Ивановича на военную кафедру Уральского (Казахстан) педагогического института, в качестве ее руководителя, можно было сказать, что в его жизни, наконец – то, наступила долгожданная гармония. Если бы не война...

Однако и на войне, он продолжал оставаться тем самым, добродушным и в то же время, строгим, учителем. Всегда готовым не только учить, но и приходить на помощь своим подопечным. В безвыходной ситуации. К нему и солдаты, бывало, обращались не по званию, а по имени – отчеству. Однако уже в первых боях Петр Иванович убедился в том, что об институтских лекциях придется забыть – здесь нужно было, главным образом, действовать. И любая, даже весьма незначительная ошибка могла стоить жизни. Вот каким он остался в памяти сослуживцев.

Штаб полка 12 октября только расположился в Нероновке, когда с оборонительных позиций поступил тревожный сигнал: после нескольких контратак первого батальона на поле боя, в дубовом лесочке, остались раненые, а выносить их... санитары отказываются. Начштаба, заподозрив неладное, не стал раздумывать. Просто сдернул со стены деревенской избы автомат и поспешил к месту событий. С намерением расстрелять любого, кто откажется выполнить приказ. Но наводить порядок среди мужиков – санитаров не было нужды и времени: по нейтральной полосе с раненым ползла военфельдшер, старший лейтенант медицинской службы Валентина Гребенюк¹, и по ней, похоже, бил немецкий снайпер. Только вот, откуда – для всех оставалось загадкой. Она вынесла на себе уже третьего бойца, но все они в медико – санитарном взводе оказались мертвыми, убитыми пулей в спину. Поэтому в отчаянии, изменив направление, женщина тащила за собой четвертого, когда рядом с нею опять щелкнула пуля. Выдвинувшись ползком наперерез и выбрав удобное для наблюдения место в кустарнике, капитан до боли всматривался в разлапистые кроны деревьев, но они надежно скрывали фашистского киллера. А тут вдруг женщина, засомневавшись в том, что ее пациент жив, перевалила его на землю и стала осматривать.

– Продолжайте ползти, военфельдшер!

Это было вовремя сказано: едва она снова потянула за собой раненого, немец выстрелил. К счастью, промахнувшись. И тут же короткая автоматная очередь капитана свалила его с дуба.

– Спасибо, Петр Иванович, по гроб жизни тебя не забуду! – измученная страхом, но не струсившая под прицельными выстрелами женщина, подошла к нему, убедившись, что донесла бойца живым.

1. Валентина Ефимовна Гребенюк (впоследствии – Немычкинова) после войны трудилась на производственном объединении «Актюбрентген».

– Не стоит благодарности! – отмахнулся от нее капитан, памятуя о том, что в его жестокой ловле снайпера «на живца», она была тем самым живцом.

В его фронтовой судьбе под Москвой было еще немало эпизодов, когда от таких военных уроков зависели человеческие жизни. Ведь воинский устав предусматривает для командира три основных метода воспитания подчиненных: убеждение, принуждение и личный пример. И вот именно этот, последний метод, стал главным для педагога Петра Гусака. Последний свой урок мужества он преподавал бойцам в канун 1942 года. Ворвавшись в новогоднюю ночь в Малоярославец, 12-й стрелковый полк 53-й дивизии оказался втянутым в кровопролитные уличные бои. Еще не привычные для освободителей. А потому оплаченные большими потерями. В критический момент боя, когда фашисты контратаковали и готовы были сбросить остатки одного из батальонов в реку, замолчал наш пулемет – был убит пулеметчик. Тогда за пулемет лег начальник штаба полка. Который снова открыл огонь по немцам и задержал их до подхода нашего подкрепления. В этом бою он был смертельно ранен. И, не приходя в сознание, в ночь на 1 января 1942 года скончался.

Майор Петр Гусак, кавалер орденов «Красное Знамя» и «Красная Звезда», за мужество, проявленное при освобождении города Малоярославца, командованием дивизии был представлен к званию Героя Советского Союза. Но награждать людей по достоинству их подвига, по-видимому, еще не пришла пора. Он был посмертно удостоен только ордена Ленина.

4. Грудь в крестах или...голова в кустах?

Непросто сложилась дальнейшая судьба командира 1081-го стрелкового полка (окруженного и уничтоженного в районе поселка Детчино Калужской области) подполковника К.М. Андрусенко. Как нередко бывало на войне. В 1942 году ему присвоено звание полковника и он назначен командиром 329-й стрелковой дивизии. Но... снова попал в окружение. Предложение о капитуляции на почётных условиях комдив Андрусенко отклонил и решил прорываться.

После перехода линии фронта решением военного трибунала от 6 апреля 1942 года был осужден. И приговорен к расстрелу «за бездеятельность при выходе дивизии из окружения». Однако определением Военной коллегии Верховного суда СССР приговор был заменен на «10 лет лишения свободы с отправкой в действующую армию» в звании майора.

27 сентября 1943 года командир 239-го гвардейского стрелкового полка гвардии полковник К. М. Андрусенко, преследуя отходящего противника, вывел вверенный ему полк на восточный берег Днепра в районе села Редьковка Любечского района Черниговской области. Умело руководил сбором и подготовкой подручных средств, лодок, плотов для переправы. 28 и 29 сентября 1943 года в районе посёлка Любеч с боем переправил на западный берег Днепра на лодках и плотках все подразделения полка. Затем

отбил контратаки пехоты и танков противника и прочно закрепился на занятом рубеже. Удержав плацдарм, полк обеспечил переправу всей дивизии.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1944 года за мужество и героизм, проявленные при форсировании Днепра и удержании плацдарма гвардии полковнику Корнею Михайловичу Андрусенко присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

После днепровских боев назначен командиром 55-й стрелковой дивизии (61-я армия, 1-й Белорусский фронт), воины которой отличились в ходе Минской наступательной операции, в частности, в боях при освобождении 29 июня 1944 года районного центра Гомельской области Белоруссии — города Петриков.

Часть восьмая.

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ

1. Без вести пропавшие

Смерть наступила внезапно. Еще минуту назад боец стоял в своем одиночном окопчике – ячейке, аккуратно уложив в земляную нишу перед собой противогаз, пехотную лопатку и две гранаты. И ждал, прижавшись щекой к прикладу «трехлинейки», очередной атаки гитлеровцев. Когда можно будет, пользуясь большой прицельной дальностью стрельбы допотопного своего оружия, выбивать из наступающих цепей одну за другой человеческие фигуры в серых мундирах. Когда же остальные, не убитые им фашисты приблизятся вплотную, он точно также вот, по-крестьянски расчетливо, метнет в них, по очереди, обе гранаты, предварительно вставив в них запалы. И постарается, чтобы смертоносный разлет осколков забрал как можно больше вражеских жизней. Ну, а если и это не поможет отбить атаку, то останется примкнуть к длинному стволу четырехгранный штык и...прощай Родина: пойти на врагов в последний рукопашный бой.

Но ничего этого не произошло: разрыв снаряда прямо у бруствера раздробил солдату голову. Он не успел подумать о смерти. Так и осел на дно укрытия, стянув мертвеей рукой за ремень верную свою винтовку. Как говорят в таких случаях: погиб при исполнении.

Мы нашли его на месте гибели через...полсотни лет. Так уж случилось, что после того боя хоронить убитых было некому. Даже оккупанты, прослывшие аккуратностью по отношению к санитарному состоянию завоеванной территории, не пожелали вытаскивать из окопа труп солдата. Сама природа его похоронила: присыпала окоп осенней листвой, потом поливала дождями. Пока земляца-матушка окончательно не затянула эту ячейку в свои недра, скрыв от стороннего глаза последний человеческий приют. И если бы боец поискового отряда мирного уже времени не споткнулся о кончик ствола винтовки, чуть торчащий из маленькой ложбинки, оставшейся от

окопа, то для родных этот боец так и остался бы безвестным.

Поисковики заново отрыли обнаруженный окоп, а останки солдата с воинскими почестями после гражданской панихиды похоронили на братском кладбище. Во время майской Вахты Памяти. Найденный же медальон–капсула с именем солдата, его личные вещи: перочинный нож, ложку и подсигар передали на память внукам погибшего. Чтобы те с гордостью поминали своего предка, честно положившего голову на алтарь Победы. Ведь не всегда же им быть «Иванами, не помнящими родства». Должно же новое поколение испытывать гордость за свою страну, спасшую мир от коричневой чумы – нацизма.

Военно–поисковая работа на местах боев Великой Отечественной, призванная увековечить память о погибших воинах, продолжается. Их еще более полумиллиона этих без вести павших солдат Отечества на территории двадцати областей России. И каждый год, благодаря усилиям энтузиастов, отдает из болота забвения новые имена.

2. Командир поискового отряда или откуда берутся сумасброды

Странная штука – жизнь. Карабкаешься по ней, словно по отвесной скале, нащупывая очередную спасительную нишу, балансируешь, и, найдя надежную точку опоры, собрав все силы в единую мышцу, рывком стремишься вверх, выигрывая у судьбы еще один маленький кусочек жизненного пространства. Затем, собрав силы, снова карабкаешься. И так всегда, почти без передышки. Тут бы, казалось, пришла пора воспользоваться хоть раз достигнутым. Для маленьких человеческих радостей. Ан нет. Рр–аз! И сорвался. Летишь, бьешься об острые уступы своего странного жизненного пути и с замиранием сердца ждешь, когда это падение хотя бы замедлится. Когда судьба даст еще шанс зацепиться. Чтобы пересилив боль, начать все сначала. В такие минуты только и осознаешь «прелести» собственного бытия. Которое почему–то состоит из одних лишь восхождений, да падений.

Я в очередной раз сорвался. Катастрофически сорвался. С опасной высоты, не имея возможности зацепиться. Потерять работу, о которой мечтал с босоногого детства и без которой не мыслил себя в юности, было каким–то прямо–таки роковым стечением обстоятельств. В считавшиеся добрыми советские времена. Когда зарплата у всех была примерно одинакова, а о безработице знали лишь понаслышке. Но факт есть факт: неудачно переболев гриппом, нежданно–негаданно оказался на улице. Имея в кармане диплом пилота гражданской авиации, партбилет, как доказательство благонадежности, и трудовую книжку с подозрительной записью: «уволен в связи с обнаружившимся несоответствием занимаемой должности по состоянию здоровья».

Безуспешно побродив по предприятиям и организациям, кадровики которых при виде моих бумаг удивленно таращили глаза и разводили руками, вспомнил еще об одном своем документе: военном билете офицера запаса. Так и оказался в

роли военрука сельского профтехучилища. И все было бы ничего – жизнь продолжается, да вот беда: нужно было как-то привыкнуть к своему новому предназначению. Которое больше напоминало пресловутый мартышкин труд, нежели серьезную преподавательскую работу.

Дело в том, что основной контингент учащихся этого ПТУ – около шестисот человек, составляли ...девушки. Будущие лаборанты по анализу зерна, портнихи, продавцы. Когда я пытался им преподавать, например, уставы Советской армии, они...красили губки, разглядывали себя в карманные зеркальца или просто готовили домашние задания. По другим предметам. И требовать от них на уроках полного внимания к своей, весьма полезной на войне науке было попросту глупо. Не станешь же, в самом деле, поносить перед ними нашу «лучшую в мире» систему образования. Предусмотревшую для них, людей, которые НИКОГДА не будут служить в армии, полный курс начальной военной подготовки.

Поработав несколько месяцев в обстановке, когда заведомо знаешь, что ни твой труд, ни сам ты здесь, по сути, не нужен, я снова стал искать дело по душе. Согласитесь, для человека, чей рабочий день еще недавно был ненормированным – часенько длился по двенадцать–шестнадцать часов, и чьи профессиональные качества были востребованы порою в каждую секунду, чувствовать себя ненужным – горько.

Исключением из списка моих подопечных была только группа сварщиков – десятка три мальчишек. Эти активно и, главное, охотно осваивали премудрости воинской службы. Их присутствие в училище отчасти оправдывало мои усилия.

Спустя полгода выпросился у директора на месячные курсы повышения квалификации. Дабы хоть ненадолго почувствовать себя человеком. А после них, к весне, снова приуныл. Чем же занять себя? Неужели опять готовить к параду, теперь уже первомайскому, этот женский батальон? Куда приложить руки, чтобы получить от своего труда хотя бы моральную отдачу?

За окном моего учебного кабинета, между тем, назревали времена «перестройки и ускорения». Это чувствовалось, прежде всего, по тому, что стало прорываться на страницы газет, журналов, литературных альманахов. В конце восьмидесятых новгородский журналист Александр Орлов впервые опубликовал в «Юности» свой репортаж из «Долины смерти», где на местах боев Великой Отечественной не похоронены останки десятков тысяч советских солдат, павших в боях за Родину. Это потрясло до глубины души. Как же так?! Я пытаюсь привить новому поколению святыне традиции памяти о погибших защитниках Отечества, а тут целая армия, стремившаяся прорвать блокаду Ленинграда и спасти от голода миллионы людей, после оккупации и гибели оказалась брошенной. И забытой.

Наверное, это было авантюрой – в эпоху, когда рушится мироощущение, идеология, страна, снаряжать под знаменами теряющего авторитет комсомола военно-поисковый отряд и пытаться отыскать в далекой от Казахстана Новгородской области...вчерашний день. А с другой стороны, пожалуй, все выглядит вполне за-

кономерно: мы, далекие от политики люди, пытались по–своему отыскать на тонущем советском корабле точку опоры. Опоры, прежде всего, духовной. И мы ее, надо сказать, находили. Не без труда, конечно. Но, все же, находили! Через три года у нас уже появился опыт поисковых работ. А количество найденных нами на полях сражений и захороненных под Новгородом воинов уже исчислялось сотнями.

3. Улица Гиззата Ибатова

Комсомол в нашей стране приказал долго жить много раньше официального своего роспуска. Он морально исчерпал себя задолго до демократического потепления или так называемой перестройки. Поэтому ждать от этой формально существующей организации планомерной поддержки поискового движения не приходилось. Хотя, справедливости ради, надо сказать, что первой из нашего края в новгородских лесах с поисковым отрядом оказалась именно комсомольский деятель – Акзада Хайруллина – секретарь комитета комсомола профтехучилища г.Хромтау. Учебного заведения, готовившего рабочие кадры для Донского горно–обогатительного комбината. А первым комиссаром моего отряда стал инструктор обкома комсомола Кудайберген Джумеев. Но это, как вы понимаете, читатель, были РЯДОВЫЕ комсомола. Они, как и я когда–то, верили в него. Первые же лица комсомольского обкома, особенно когда речь заходила о финансовых средствах, ссылались на объективные трудности. Забывая о том, что сами активно «проедают» общественный бюджет. Это и привело меня вместе с Колей – Кудайбергеном в приемную областного отделения Фонда Мира. Нам очень повезло, что руководителем этой уважаемой общественной организации оказался мудрый человек, ветеран труда, один из создателей Актыбинской областной Книги Памяти.

Гиззат Ибатович, выслушав нас, сразу же, после небольших раздумий, предложил компромиссное решение:

– Конечно, мы найдем средства для продолжения военно–поисковой работы. В этом не может быть сомнений. Однако давайте попробуем еще раз все взвесить и попытаемся найти в этом деле точки соприкосновения наших общих интересов. Вы ведь проводите раскопки в Новгородской области. Там, безусловно, тоже гибли казахстанцы. Но давайте вспомним, что из Актыбинской области на фронт уходили целые формирования: 312–я стрелковая дивизия, 101–я стрелковая бригада. Которые имели колоссальные потери. Не только погибшими, но и без вести пропавшими.

– Да, вы правы, аксакал, но для организации поисковых работ, например, в Калужской области, где воевала 312–я дивизия, требуется изучить район боевых действий. В центральном архиве. А ведь для этого нужны дополнительные средства. Для командировок, самостоятельной организации новых Вахт Памяти уже непосредственно в нужной нам местности.

– Ну, что ж, составьте смету, в которой учтите все предполагаемые расходы – посте-

пенно будем изыскивать необходимые суммы, – наш спонсор, похоже, не был склонен отказываться от своих добрых намерений. И это вселяло надежду на успех. Активно взялся за работу по организации будущих экспедиций на калужскую землю и Кудайберген Джумеев. Ведь иначе и быть не могло: у Коли в 312-й стрелковой дивизии воевал дед Сихат Сеитов, пропавший без вести на полях боев Великой Отечественной.

Благодаря Г.И.Ибатову у отряда появились собственные рюкзаки, палатки, спальные мешки на натуральной верблюжьей шерсти, а, главное, – средства для поездок. Мы получали все самое необходимое для экспедиций на места бывших боев. Более того, мы могли иной раз позволить себе выезжать на всесоюзные вахты памяти по два–три раза в год составом более ста человек! На базе нашего объединения было создано целых три поисковых отряда, которые выезжали одновременно в Новгородскую, Калужскую и Смоленскую области России для ведения поисковых работ. От имени фонда мы обращались в войсковые части актюбинского гарнизона, где нас обеспечивали металлоискателями, в радиошколу ДОСААФ, которая представляла нам войсковые радиостанции. Причем, никто не требовал от нас какой либо платы за использование дорогостоящего оснащения наших поездок. И все это благодаря авторитету руководителя областного отделения Фонда Мира.

Мы платили фонду той же монетой: активной пропагандой его деятельности в газетах, по радио и телевидению. Тем более, что такого рода информация тогда, после крушения государственной монополии на свободу слова, была востребована. Ваш покорный слуга, читатель, стал даже профессиональным журналистом – штатным корреспондентом областной газеты «Актюбинский вестник». Что, впрочем, не противоречило моим убеждениям и интересам. Так, наверное, и должно быть. В нормальной стране, где отношением к памяти погибших воинов – защитников Отечества определяется будущее нового поколения – тех несовершеннолетних учащихся, из которых на девяносто процентов состоят наши поисковые формирования. Через несколько лет Гиззата Ибатовича не стало. С тех пор одна из актюбинских улиц носит его имя.

4. По следам войны

Калужская земля нас приняла гостеприимно. Хотя, впервые прибыв сюда с небольшим поисковым отрядом, мы вряд ли на это могли рассчитывать. К счастью, поисковое братство в среде совсем даже незнакомых людей сродни фронтовому. Высадившись на вокзале в Калуге летом 1991-го, мы первым делом поспешили найти председателя Калужского областного объединения поисковых отрядов Владимира Сысоева. Человек авторитетный в здешних местах, депутат областного совета, отнесся к нам весьма радушно. К поисковикам на родине всесоюзного поискового движения иначе относиться – великий грех. Устроив наших мальчишек в гостиницу, Сысоев, предложил обсудить фронт предстоящих работ за хлебосольным столом. Мир, технический прогресс, а по большому счету, и вся цивилизация держится на

авантюристах. Это правило я усвоил еще в юности. И в этом мне пришлось лишний раз убедиться, когда речь зашла о поддержке поисковой работы техникой:

– Эх, братцы, рад бы вам помочь техникой: мне военные недавно новенький Газ-66-кунг с консервации отдали! Да вот беда – водитель позавчера у меня уволился.

На всякий случай толкаю ногой под столом Олега Припадчева:

– А в чем проблема, Владимир Владимирович, у меня вон Олег – отличный водитель! С опытом и стажем.

– Что и права у него на грузовик есть?

– Конечно, ну-ка, Олег, покажи!

Припадчев меня обычно понимает с полуслова: потянулся было за рюкзаком, но не дотянулся. Потом сделал вид, что вытаскивать все из рюкзака ему не хочется. Сысоев, пойманный на слове, заколебался. Наверное, не ожидал от меня такой вот прямолинейности. Я, между тем, снова наполняю рюмки высококачественной актюбинской водкой и продолжаю:

– Владимирыч, да не угробит он автомобиль, не беспокойся! Можешь сам его технику пилотирования проверить.

– Ну что ж, давайте завтра так и сделаем! Мы с Олегом на заправку на этой машине с утра поедем. Путевку я выпишу. Если справится – флаг вам в руки: берите машину и езжайте в Детчино.

Это была уже первая небольшая победа. В отношениях. Застолье затянулось глубоко за полночь, но мне это было только на руку. Олег осмотрительно лег пораньше, недовольно прошипев на меня сквозь зубы:

– Ты чего, сдурел? Я к грузовой машине уже не помню, с какой стороны подходить! А ты мне на этом танке по незнакомому городу предлагаешь кататься.

– Олег, я все понимаю. Но есть такое странное слово: НАДО! Мы ведь без внедорожника по местным лесам долго будем шараться. И безрезультатно. А нам сейчас результат крайне необходим. Ведь следующую экспедицию–прогулку просто никто не будет финансировать.

Утро, как известно, вечера мудренее. Олег, надо отдать ему должное, с автомобилем справился. Правда, легковушку кунгом на заправке чуть не зацепил. Но это – мелочь. По сравнению с мировым техническим прогрессом. Главное, что к обеду мы со всем своим поисковым скарбом были уже на пути в Детчино. И, что немаловажно, своим ходом! Вот тогда я по–настоящему оценил преимущества камуфляжной формы одежды. Машина – то военная. И когда за ее рулем человек военный, а рядом офицер, то бишь я, это даже у бывалых гаишников отбивает охоту требовать документы. Так уж повелось в России–матушке: военные милиции не подчиняются.

Детчино – большое село с пятью тысячами жителей в 32 километрах от Калуги когда–то, в незапамятные времена, было райцентром. Но теперь сохранило статус только центра сельского округа – сельсовета. А для нас оно было, прежде всего, ле-

вым флангом обороны дивизии. Где в окружении погиб целый полк. Поэтому, высаживаясь здесь поисковым десантом, мы не без оснований рассчитывали, что располагая подробными архивными данными и опытом поисковых работ, мы отыщем здесь следы 1081-го стрелкового полка. Ведь как ни крути, а три тысячи человек плюс части усиления – не иголка в стоге сена. Бесследно исчезнуть здесь эти люди, наши земляки, не могли. Но реальность оказалась куда прозаичнее, чем мы предполагали. Наши войсковые металлоискатели, а тем более щупы не обнаруживали во всей округе ровным счетом ничего. Местность оказалась густонаселенной – деревня чуть ли не подпирала соседнюю деревню. В открытом поле все было перепахано и засеяно, а в окрестных лесочках и рощицах уже почти ничего не напоминало о событиях полувековой давности. За исключением обелисков, да старых, побитых пулями и осколками, бетонных дотов. И письменных легенд о захоронениях, которые предоставил нам Малоарославецкий районный военкомат.

Пришлось искать способом, который популярен был еще на заре авиации: когда экипаж аэроплана теряет ориентировку, он восстанавливает ее путем... опроса местных жителей. И этот способ, как показало время, самый надежный. Первой на наши просьбы деятельно откликнулась заместитель председателя Детчинского сельского совета Анна Смирнова. Много раз замечал, что среди людей, хлебавших на своем веку горе полными ложками, редко встретишь равнодушных. Не относилась к таким людям и наша уважаемая Анна Карловна. Ведь это совсем неважно, что она не видела войны. Неважно и то, что эта женщина живет здесь сравнительно недавно. Важно, что она переселенка из многострадальной в годы войны Белоруссии. А, кроме того, беженка из зоны Чернобыльской катастрофы. Человек, который просто не способен отказать в помощи людям занятым увековечением памяти погибших воинов.

Через день-два мы располагали уже почти всей имеющейся со слов старожилів информацией о здешних событиях военного времени.

1081-й полк 312-й стрелковой дивизии сражался в этих местах стойчески. Но удержать оборону втрое превосходящих сил врага было физически невозможно. Когда разъяренные гитлеровцы ворвались все-таки в село, то на оборонительных позициях полка живых уже почти не оставалось.

Убитых хоронили местные жители. Под руководством оккупантов. Василию Макарову тогда было чуть больше восемнадцати, когда вместе с односельчанами и родственниками он стаскивал трупы казахстанских солдат в большие ямы, отрытые в лесу, а затем закапывал их, не оставляя даже холмиков. Так требовали оккупанты. Сколько их было, убитых, и кто были при жизни – осталось похороненным вместе с ними. Фашисты запретили брать документы у мертвых. Германских солдат они похоронили сами, отдельно.

А в первых числах января 1942-го Детчино освободили наступающие части 49-й армии Западного фронта. О перезахоронении погибших тогда было думать недосуг: освобождать предстояло еще полстраны, кто будет искать могилы – са-

нитарные захоронения под снегом. Всеми боеспособными мужчинами пополнили армию, поэтому даже те, кто знал про эти могилы, покинули село.

После недели безуспешных поисков, мы призадумались. Вечером у костра.

– Командир, может, мы зря сюда приехали? На Новгородчине эти солдатики на поверхности лежат. По всей округе. Их и искать особенно не надо. Там лес, как братское кладбище...

– Нет, братцы, не зря! Если не удастся отыскать наших воинов сразу, то будем делать это постепенно: пройдем всю 60–километровую линию обороны, обследуем местность. Не верю я, что в нашей матушке–России все места боев приведены в приличное состояние. Так не бывает! К сожалению...

Наши совместные с Детчинским сельским советом усилия не пропали даром: нашелся еще один местный живой свидетель и участник стихийных захоронений советских погибших воинов в зимние дни вражеской оккупации – Сергей Ефимович Локтев. Он в 1942–м, после освобождения села, был мобилизован в армию, прошел всю войну и, на наше счастье, остался жив. Из его памяти и сейчас трудно было вычеркнуть те, выкопанные по лесам ямы, куда они стаскивали убитых красноармейцев. Мы, после очередной вечерней планерки у костра, пришли к единодушному решению о том, что захоронения, над которыми нет даже могильных холмиков, нужно разыскать. Провести эксгумацию праха погибших земляков и перенести их прах, захоронив с воинскими почестями, прямо на центральную усадьбу Детчино. Возле мемориала погибшим воинам. Ведь не заслужили казахстанцы, оборонявшие село, такой вот незавидной участи: лежать в забытых всеми ямах в окрестных лесах.

5. Простите нас, земляки...

Из газеты «Актюбинский вестник» от 17, 21 и 23 августа 1991г.

Яма неизвестности

Никогда не думал, что в болотной жиже так долго сохраняются человеческие кости и черепа. Когда Андрей Рыжков своей саперной лопаткой осторожно снял очередной слой земли и смахнул тяжелые капли пота с лица, то увидел...скомканный чуб человека. Уже руками, одетыми в резиновые перчатки, он еще осторожней разрыл мокрую землю. Правая сторона черепа была раздроблена и из него отчетливо, словно медицинское пособие, просматривалось правое полушарие головного мозга. Затем показали пустые глазницы. Там, где когда-то была щека и шея, лежали полусгнившие клочки шинели с малиновыми петлицами – нашего советского солдата.

– Внимательнейшей работой возле грудной клетки, – посоветовал Рыжкову командир отряда Глеб Чугунов. – Вдруг медальон обнаружишь.

Глеб работает своей лопаткой и просто пальцами без перчаток почти рядом с ним, только в другом конце этой ямы у здорового дуба. В отличие от Андрея, обутого

в обыкновенные резиновые сапоги, на Глебе специальный прорезиненный костюм, почти закрывающий его тельняшку. В таком в грязи не страшно. Вот только от комаров не спасает ничто. Это здесь, а в лагере, который мы разбили у холодной речушки Путьнки у деревни Малахово, их, можно сказать нет.

...Сменив Максима Евтушенко, опустился в яму и я. Она небольшая, всего около двух метров в длину и метр в ширину. Только вдвоем с Глебом мы тут и помещаемся, остальные поисковики работают, как они говорят, на отвалах: тщательно перебирают кости, полусгнившие обрывки шинелей и грязь, которую мы в ведрах подаем наверх. У всех – Алексея Горобия, Олега Припадчева, Володи Кузнецова, Алены Чияновой, Станислава Потудина, Ани Болотиной – максимум внимания. Все боятся пропустить в этой каше и груде костей солдатский медальон – эбонитовую капсулу с завинчивающейся крышкой. В нем бойцы хранили узенький листок с биографическими данными.

Найденный медальон – всегда большое событие для отряда. В живых руках оказывается своеобразная ниточка оборванной человеческой жизни того, кто заполнял этот листок. Доведет ли до конца эта ниточка? Расплывшиеся чернильные пятна от химического карандаша, еле заметные буквы, раскисшая от многолетней сырости бумага. 258 останков наших бойцов и командиров подняли из воронок, окопов и просто обнаружили в лесу до поездки в Детчино поисковики. И только четырнадцать погибших удалось опознать по медальонам, котелку и крышке от фляжки, на которых были нацарапаны фамилии. К семьям троих пришлось ехать и сообщать родственникам о том, что прах их отцов, мужей и братьев предан земле по-человечески, со всеми воинскими почестями, самому Чугунову. Особенно потрясла его встреча с сыном погибшего красноармейца И.М.Семистеннова. Когда Глеб передал вкладыш медальона, заполненный рукой отца, значившегося без вести пропавшим, у сына ручьем потекли слезы. Седой мужчина плакал, не стесняясь Чугунова, ставшего за минуту родным человеком, возвратившим ему честное имя отца из такой же вот ямы – пугающей неизвестности.

Почему пугающей? Были у нас времена, когда вдовам и детям без вести пропавших солдат не выплачивались пенсии, не выдавали тот мизер продуктов по льготным спискам. Без вести пропавшие на поле брани и в спешке боя не преданные земле, они считались чуть ли не предателями...

...Работаем с Глебом мы уже больше часа, стоя на корточках. Ни он, ни я не боимся зацепить друг друга лопатой и сделать больно. Мы опасаемся другого – поранить лопатой кости погибшего. Нет, не потому, что они стали от времени хрупкими. Становится больно самому, когда скользкая от налипшей грязи «саперка» наткнется на чей-то затылок с сохранившимися волосами. Когда из грязи вытаскиваешь тяжелую берцовую кость. В такой момент из ямы доносится звук, похожий на вздох живого человека, которому причинили боль. Будто это мою живую кость с мелкими костяшками пальцев вынули из тела и положили на кучу. Глеб, опытный наш командир, за плечами которого семь таких экспедиций и сотни поднятых останков, и тот

замедляет работу лопатой и меняется в лице, беря в руки череп. К таким находкам, очевидно, не привыкнешь. О себе и говорить не хочу. Особенно не по себе стало, когда достал из грязи выпавшие из нижней челюсти три металлических зубных коронки. Уже потом, когда перемытые в воде солдатские косточки мы будем укладывать в красивые гробы, Алексей Горобий положит коронки туда.

– Командир! Медальон! – раздался голос наверху. Сергей Чистяков, руководитель поискового отряда из Малоярославца, работающий вместе с нами, держал в руках дорожку для всех находку.

Эх, солдатик, солдатик! Что же ты не сберег себя и не сохранил медальон? Или его крышка лопнула, когда ты сраженный пулей, упал на мерзлую землю грудью? Сгнила узенькая полоска бумаги от времени и влаги. Кто ты и откуда родом? Может быть из Актюбинска или Херсона, села, откуда пришло в редакцию письмо от Ирины Гречко – дочери пропавшего где-то здесь, в Детчино, солдата 312-й стрелковой дивизии Тимофея Николаевича Скрипкина? Что мы скажем по приезду домой? Кому показать твоё последнее пристанище, земляк? Прости нас за то, что не смогли мы раньше отыскать тебя в лесу и по-человечески похоронить. Прости за то, что мы громко славили живых, а ты и тысячи других оставались в безывестности. Клятевно заверяли: «Никто не забыт, ничто не забыто» в различных походах по местам боевой славы и шли по твоим костям под красными знаменами. Мы родились много позже того времени, когда ты, брошенный на снегу, умирал от ран. Но чувство вины перед тобой мы берем на себя сполна. Только вот обидно за Родину, которую ты прикрыл собой, а она не заметила этого, отнеслась к тебе мачехой. Прости, земляк!

...И снова опускаемся в яму. И снова пропускаем через пальцы каждый комочек земли. Грязь и зловонная вода попадают мне в сапоги. Подрубаем топором корни деревьев и отбрасываем землю подальше. Выше человеческого роста закопались мы в глубину, а кости не кончаются. Череп к черепу, берцовую кость к берцовой, обрывки шинели отдельно складывают поисковики на траве. В первый день мы извлекли из заболоченной ямы останки пятнадцати солдат. А следующим утром на траве уже лежали останки двадцати двух бойцов. К исходу дня были обнаружены останки еще шестерых воинов, погибших, возможно, в контратаках между деревней Верхние Горки и селом Детчино. На следующий день поисковики обмыли их, как и положено перед погребением, уложили в обитые красной материей гробы, изготовленные заранее сельским советом.

... Почти две недели я жил с актюбинскими поисковиками в палатках. Было время присмотреться к каждому из них, понять, чему они посвящают каждый год свои трудовые отпуска, каникулы, узнать их характеры. Рассказывая обо всех, хочется отступить от традиции начинать с командира. Меня больше всего поразили здесь не взрослые люди, для которых поиск и захоронение останков погибших солдат – своего рода воинский долг перед защитниками Отечества, а несовершеннолетние бойцы отряда. Сначала думал, что они из «трудных» подростков, которым педагоги обычно уделяют времени больше, чем остальным. А потом убедился в том, что они, как и

взрослые, все разные. Просто они посерьезней всех остальных своих сверстников. Им пришло время утверждаться в жизни, почувствовать себя выдающимися кое-что не по «видику», а своими глазами. Выделиться из общей массы не штанами с заграничными наклейками, а набитыми лопатой мозолями на руках и трофейной вещью из поездки – гранатой–лимонкой без «внутренностей». И еще я заметил, что эти ребята раньше нас, сорокапятилетних, здесь повзрели. Когда своими глазами, а не по телевизору, увидели следы войны, масштабы человеческого горя и звериной жестокости, присущей любой войне. И им очень повезло этим ребятам, что в начале их жизни на пути встретился не «откинувшийся» из зоны прибалтийский герой, а такие учителя, как Глеб, Амангалий Урдабаев, Алексей Горобий, Олег Припадчев, Володя Сонин, директор Актюбинского городского Дворца пионеров Павел Карпенко. О каждом из них можно и нужно писать отдельно. Но, сегодня у нас траурный день – захоронение.

Простите нас, земляки...

*Владимир Рыбак, специальный корреспондент,
Актыбинск – Калуга – Детчино.*

Из газеты «Маяк» Малоярославецкого района Калужской области
от 17 августа 1991 года

Обрели покой...

«Он здесь в темень, он здесь в грозы. Он в стужу здесь и в зной. Он не вылитый из бронзы, он всегда, всегда живой...» – гласит надпись на надгробном камне братской могилы воинов, погибших во время Великой Отечественной войны, в центре села Детчино.

Сколько таких обелисков в нашей великой стране! Сколько солдат и офицеров покоится под этими обелисками! В расцвете сил скосили их вражеские пули, снаряды, осколки... треугольники с трагической вестью принесли горе под многие крыши и обрывалось ожидание солдатки слезным криком вдовы, сиротским плачем.

Но этим воинам еще, как это ни странно звучит – повезло. Хоронили их друзья, увековечившие их имена на обелиске. Родным известна их судьба, место захоронения. Есть куда приехать, возложить цветы, облегчить душу слезами...

А есть и другая судьба погибшего солдата. Который надолго остался лежать на поле брани, похоронен без документов или вовсе остался непогребенным. «Пропал без вести» – говорили о них. А они не пропали. Они отдали свою жизнь в кровавом бою, заплатили самую высокую цену за победу над фашистами.

И, пожалуй, самое нужное, самое святое дело – это поиск и погребение с воинскими почестями останков павших воинов. С этой целью в наш район в конце июля приехал поисковый отряд Актыбинского Дворца пионеров...

...6 августа 1991 года состоялось торжественное перезахоронение останков защитников в братскую могилу центральной усадьбы села.

...Представители трудовых коллективов с. Детчино несут венки с надписью «Вечная память героям». Медленно движется траурная процессия. Парни, родив-

шиеся после Победы, несут гробы, обитые красным шелком...Звучат горестные слова...Священник Спас-Суходревной церкви отец Виктор читает молитву, которой провожают усопших. Почти полвека ждали ее эти солдаты...

А некоторые еще не дождались.

...Тишину разрывает сухой залп. Сегодняшние солдаты отдадут воинские почести. Еще залп. И еще...

Заплакал ребенок. Заголосила женщина. Может, вдова, может дочь погибшего солдата. Ведь во время войны горе постучалось едва не в каждую дверь...

Сыпанул дождь, будто и небо пролило свои слезы...

Застучали комья глины, и вскоре вырос рядом с памятником свежий холмик, обильно украшенный цветами...

– Ребята, вы сделали поистине невозможное! – делится своими впечатлениями заместитель председателя Детчинского сельского совета Анна Смирнова – Даже мы, местная власть, уже не надеялись, что буквально все наше население способно вот так организованно собраться. Мы думали, что это попросту невозможно! А вы приехали из Казахстана, и...собрали всех в самом центре села. Вы, только посмотрите, сколько людей пришло на захоронение, ведь свободного места не было на такой вот огромной площади! Вот, что значит задеть за живое очерстевшие за последние годы души. Нет, мы не бесчувственные люди. Мы помним. И всегда будем помнить, пока живы, тех, перед кем мы в неоплатном долгу...

А.Савина, спецкор.

6. Меч со свастикой

Наша трехлетняя калужская эпопея подходила к концу. Всего в четырех поисковых экспедициях на местах боев 312-й стрелковой дивизии нам удалось отыскать в забытых санитарных захоронениях и перезахоронить в братской могиле у воинского мемориала в селе Детчино останки 155 советских солдат и офицеров. Где по легенде до нас было захоронено больше тысячи погибших. Остальные воины 312-й были уже захоронены в окрестных селах.

156-м найденным нами солдатом стал...немец. Наткнулись на него случайно. Отработав детчинский сектор – левый фланг обороны дивизии, решили пройти с разведкой по всему более чем 50-километровому участку линии обороны. Дорог по намеченному маршруту было сравнительно немного. Идти, судя по карте, предстояло, в основном, лесом. На это требовалась, как минимум, неделя.

На третьем километре пути стало понятно, что мы перегружены. Готовились ведь к обычному поиску: разместиться лагерем и от него уже без рюкзаков расходиться в стороны. А тут еще и наш куратор из областного центра Сысоев опять гуманитарную помощь в виде продуктов подбросил. Было видно, что столько продуктов до конца маршрута мы не донесем. Неожиданно выручил старый знакомый

– председатель Детчинского сельского совета Александр Чернов. Его «УАЗик» каким-то чудом занесло к нам на проселок.

– Куда собрались, землекопы?!

– Да, вот, Александр Ефимович, до Рябцева никак не доползем.

– Грузите рюкзаки и двух парней с ними, километров шесть я вас подкину, больше не могу – не взыщите.

На радостях мы погрузили к нему все, что несли. Я оставил себе только фляжку с чаем и планшет с картой. Остальные ребята вообще ничего с собой не взяли. Ну, да Бог с ним, с барахлом. Налегке, значит, налегке.

Юрий Соловьев взялся вывести всех через лес, в Бутырки. Так и махнули, напрямик. Мне выпало идти замыкающим: отряд хоть и небольшой, всего – то двенадцать человек, а потерять в густом лесу учащегося – элементарно. Десяток шагов в сторону и, считай, пропал. У подножия могилы Подольских курсантов – бывшего ДОТа мы передохнули, напились из родника, ободрали дикий малинник, наслаждаясь лесным ароматом ягод. А потом снова – в путь.

Я отстал от группы шагов на тридцать: мною вдруг овладело странное предчувствие. Никогда не страдал суеверием, а тут вдруг показалось, что на меня кто-то смотрит. Сзади. Обернулся – никого. Мои ребята, судя по их следам, перешли пересоший от жары ручей. Сделал еще шаг от него. Нет, все – таки что-то здесь не так. Такое ощущение, что здесь кто-то есть. Вернулся и снова прошелся по влажноватому песчаному илу. Ручей видимо когда-то был маленькой лесной речушкой – петляющее русло хорошо просматривается. Под ногами выглядывала из песка коряга с утолщением на конце. Мать честная, это же... человеческая кость! К высохшему руслу на мой крик вернулись все. Надо же, через этот «корень» переступил почти каждый! И никто не обратил внимания на его странную форму. Увы, все наши лопаты, щупы и металлоискатели уехали на председательской машине в Рябцево. Один предусмотрительный Соловьев хлопнул себя по бедру: там висела малая пехотная лопатка в чехле. Солдат лежал головой вниз. Если бы не сухое лето, мы его вряд ли бы обнаружили. Вода не вымыла останки, поскольку основное русло было промыто несколькими шагами ниже. А может быть, тогда в 1941-м, ручья и вовсе не было. Упал в бою. И был затянут со временем корнями, мягким илом, засыпан опавшей листвой. Разрыхлив влажноватый песок, мы стали выбирать кости. Сначала ног, потом таза, груди. Наткнулись на черные кожаные ремешки и остатки ранца. У кого-то между пальцев мелькнула маленькая круглая алюминиевая пуговица. Без какой-либо символики, в крапинку на лицевой части. Затем еще одна такая же, еще...

– Женские какие – то пуговицы, – удивился кто-то из школяров.

– Эх, ты, искатель, это же пуговицы с немецкого мундира!

Череп убитого был почти целым, если не считать проломленной осколком дыры под правой глазной впадиной. В области грудной клетки острие лопатки звякнуло, наткнувшись на металлический предмет. Странно... Кусок шинельного сукна по-

чему–то здесь уцелел. Рассматривая его в руках, кто–то из мальчишек отлепил от него округлый кусок металла. Лопатка его не повредила – отслоилась лишь зеленая окись, а под ней блеснуло серебро. Это был нагрудный знак. С мечом в центре на фоне свастики, которую обрамляли дубовые листья. На обороте – шестизначный номер и фабричная надпись на немецком языке.

– Должен быть еще смертный жетон, – предупреждаю ребят.

Минутой позже наш бессменный отрядный журналист Владимир Рыбак говорит Алексею Песоцкому:

– А ну–ка, дядька, подними ногу!

Лешка застывает в позе цапли, а Рыбак словно фокусник двумя пальцами отлепляет от толстой подошвы его туристского ботинка овальную алюминиевую пластинку. Тщательно отмываем находку, теперь на солнышке можно его внимательно рассмотреть. Это лишь половинка жетона. По выдавленному пунктиру он переломлен пополам. А другая его половинка кем–то из сослуживцев, видимо, сдана в штаб. Значит, этот немецкий солдат учтен, как погибший. Вместо имени на жетоне выбит личный номер военнослужащего: «7». Это мог быть и офицер. Цифра «8» – номер роты или батальона. «J.R.» – стало быть «инфантерии regiment» или пехотный полк. «290» – его номер.

– Да, все совпадает, – делюсь своими соображениями с обступившими меня мальчишками. – Здесь на Детчино наступал 290–й пехотный полк 98–й дивизии вермахта. Почему же, интересно, этот солдат не похоронен? Ведь гитлеровцы оккупировали эту территорию. И если хоронили бы, то обязательно отнесли бы на кладбище. Или похоронили хотя бы не в низине. Должно быть, в частях «непобедимого» вермахта тоже беспорядка хватало. А впрочем, эту загадку нам уже не разгадать. Мы аккуратно перенесли останки на возвышенность, выкопали могилу, уложили их, накрыли целлофаном, которым мы обычно накрываем палатки. И засыпали землей, соорудив небольшой холмик. Мертвый враг – уже не враг. А мы – не средневековые варвары, чтобы разбросать или затоптать человеческие останки.

7. Генералу никто не пишет

Летом 1992 года заканчивалась одна из наших поисковых экспедиций на Калужскую землю. Мы готовились к отъезду как обычно, похоронив с воинскими почестями еще 129 советских солдат, среди которых большинство, я в этом уверен, – наши земляки. К сожалению, они остались безымянными – видимо не выдавали в 1941 году в Актюбинске солдатские смертные медальоны. Главным делом ведь было спасти Отечество. А людей на широких просторах СССР много. Всех погибших на обелисках не учтешь...

Уложив личные вещи, делюсь своими планами с коллегой, служителем массажа – заместителем редактора газеты «Актюбинский вестник», Владимиром Рыбаком:

– Васильич, не составите компанию: я запланировал сняться из лагеря на день раньше, есть у меня еще одно дело по пути: хочу повидать командира дивизии генерал-майора Наумова.

– Как это повидать? Он что живой?!

– В том-то и дело, что жив и живет отсюда неподалеку – в подмосковном Обнинске.

– Не может быть!!! – Рыбак всегда настолько эмоционально удивляется, что иной раз даже сомнения берут: профессиональное журналистское это удивление или все же искреннее, человеческое.

– Может, оказывается, представьте себе! Человек-легенда, переживший свою дивизию. Сам не поверил, когда кто-то из ветеранов об этом упомянул. Я даже адрес взял. Улица Горького, дом 24. Почетный гражданин шести городов: Обнинска, Малоярославца, Медыни, Могилева. Он все эти города освобождал. Ну и Актюбинска, конечно. Где сформирована дивизия. А еще - Целинограда, нынешней Астаны, где он родился.

– Конечно, я поеду с тобой, об отдыхе не может быть и речи!

Обнинск встретил нас приветливо: ярким солнцем и чистой улицей. Мне, правда, не удалось найти коллегу – руководителя местного поискового отряда Галину Слесареву, поэтому мы отправились прямо по заранее раздобытому адресу. Вид уютного маленького домика на одной из окраин, утопающего в зелени, поначалу даже заставил засомневаться в том, что именно здесь живет легендарный горожанин генерал Наумов: в моих советских представлениях у него должен быть, как минимум, капитальный коттедж с мемориальной доской. Но адрес оказался точным. На пороге встретила миловидная женщина – работник городского музея:

– Да, вы правильно обратились, но не совсем вовремя: Александр Федорович сегодня уже устал и лег отдыхать. Если есть возможность, приходите завтра с утра – я его подготовлю для разговора с вами.

– Нет проблем, завтра даже лучше.

Утром в доме генерала гостеприимно распахнулась дверь, и нас пригласили в переднюю комнату, где ждал бывший комдив-312. Человек, которого я почему-то считал давно покойным. Увидев на моей груди фотоаппарат, Александр Федорович засуетился:

– *Мне бы китель с наградами одеть, да вот... не под силу теперь...*

Он уже не вставал с кресла-качалки, передвигался по дому и в саду с помощью работников музея, круглосуточно его обслуживающих. В ответ на мою просьбу поговорить о событиях сорок первого, предложил задавать вопросы. Отвечая на них, затруднялся назвать только отдельные даты и фамилии, но хронологическая последовательность и подробность его ответов удивляли: в возрасте девяносто пять лет после трех войн сохранить такую ясность ума – дано далеко не каждому!

Увидев его китель, который вместе с многочисленными орденами и медалями весит, наверное, килограммов двадцать, я обратил внимание, что на нем два ордена Суворова. Поэтому разговор начался именно с наград:

– Александр Федорович, удалось ли вам сохранить награды царской эпохи? Их ношение в советское время ведь не приветствовалось.

– *Пашку, конечно, не сохранил. Вы ведь должны знать: под Москвой нас горстка осталась, думать нужно было о людях, а не о регалиях. А вот орден Святого Георгия, посмотрите, и сейчас на мундире ношу. Впереди всех наград. И если это кому-то не нравится, то, прошу, не обессудьте! Это ведь первая моя награда. Самая дорогая и заслуженная. За войну с той же Германией.*

– А теперь – о погонах. Я из данных архива министерства обороны знаю, что вы во второй половине войны командовали гвардейской дивизией, а затем – стрелковыми корпусами. Почему же с 1942 года остались генерал-майором? Ведь эти должности предусматривали повышение в звании.

– *Так уж случилось: за острое словцо попал в немилость к Сталину. Представьте себе такую ситуацию, две дивизии корпуса успешно наступают, а третья – топчется на месте, без видимых на то причин. Причем, ее командир не может ничего вразумительного в свое оправдание сказать. Вот и сорвалось тогда с языка: «какой дурак тебе генеральское звание присвоил?!».*

Ну, а генеральские звания тогда присваивалось только с письменного согласия самого Сталина. И «доброжелателей» в годы войны, особенно среди политработников, хватало: доложили наверх, поскольку разговор с командным пунктом дивизии происходил по телефону. С тех пор существовало негласное указание Верховного главнокомандующего: генерал-майор Наумов больше никаких званий не получит! И оно свято приближенными Сталина соблюдалось. Меня ведь трижды во время войны представляли к званию генерал-лейтенанта, но ни одно из представлений так и не попало в приказ Верховного.

– Скажите, а почему в тот момент, когда 312-я дивизия переформировывалась, в Рогово, вы не оставили своим комиссаром прежнего, старшего батальонного комиссара Сировского, это ведь было в вашей власти?

– *Конечно, мог бы оставить. Но Зыков показался мне боевым комиссаром, к тому же, за основу взяли кадровый состав 53-й дивизии. А Сировский, к тому же, в один из критических моментов где-то разъезжал по тылам, на лошади, отыскивая группы наших бойцов, вышедшие из окружения. Мне тогда это не понравилось. Поэтому, я оставил все так, как это тогда складывалось. На войне ведь не мы выбираем...*

– Александр Федорович, на братской могиле в селе Нижнее Калужской области выбиты имена бойцов и командиров 312-й стрелковой дивизии, но ведь некоторые из них там не захоронены. Командир полка Бурков, например, был похоронен за оградой церкви в Орехово. В Березовке тоже учтены даже те, кто погиб сравнительно далеко от этой могилы. К примеру, политрук Колесников. Можете ли вы припомнить, кто и где реально похоронен?

– *Мне теперь трудно сказать, кто и где именно лежит. Знаете, сколько за войну я своих товарищей похоронил! Да, и, собственно, это не столь важно. Главное, что мы помним о них...*

Мы проговорили еще довольно долго. Но, тема разговора касалась, в основном деталей, которые я уточнял для будущего очерка. Потом мой собеседник попросил перерыва:

– Давайте, как–нибудь в следующий раз продолжим, мне желательно немного передохнуть.

Следующего раза нам судьба не отмерила. Эта встреча оказалась последней: через три месяца Александра Федоровича Наумова не стало...

Как сообщила ежедневная газета «Подмосковье» 4 февраля 2008 года, инициативная группа Подольского муниципального района Московской области под председательством главы Николая Москалева, куда вошли ведущие научные сотрудники Центрального архива Министерства обороны РФ, Института военной истории, Государственного музея обороны Москвы, поисковики, ветераны и журналисты, выдвинула кандидатуру генерал-майора А.Ф.Наумова, бывшего командира 312-й стрелковой дивизии, на присвоение ему звания Героя Российской Федерации (посмертно). Члены инициативной группы, отмечает печатное издание, «твердо убеждены, что за выдающиеся вклад генерал-майора А.Ф.Наумова в дело организации обороны Москвы, большие заслуги в подготовке и проведении контрнаступления наших войск он достоин присвоения ему этого высокого звания.»

Эх, Рассея, ты моя, Ра-се-я! Ну, ничего не изменится в этой стране, ни через полвека, ни через сто, ни через двести лет! Где ж вы раньше-то были, господа патриоты? Человек прожил безвестным без малого ДЕВЯНОСТО ПЯТЬ лет!

Ему еще в 1941-м отказано в сохранении номера дивизии. Ему трижды, еще во время войны, отказано в присвоении очередного воинского звания. О нем никто не вспомнил при жизни. Ни сразу после войны. Ни в годы хрущевской оттепели. Ни во времена брежневского застоя. Ни в эпоху горбачевской демократии.

Вот уж, действительно, живые герои нашей стране не нужны. Нам во все времена нужны только мифы, легенды, предания, былины...

Вместо постскриптума **С ВОЙНОЙ ПОКОНЧИЛИ МЫ СЧЕТЫ...**

312–я стрелковая дивизия все–таки была еще раз сформирована. В августе 1942–го, на Алтае. В документах центрального архива она значится, как 312–я стрелковая дивизия второго формирования. Дивизия участвовала в освобождении Смоленска. За что была удостоена почетного звания «Смоленская». А в 1945–м штурмовала цитадель гитлеровского вермахта – город Берлин. О боевых заслугах дивизии на фронтах Великой Отечественной красноречиво свидетельствуют награды, прикрепленные на ее боевое знамя: ордена Красного Знамени, Суворова и Кутузова.

Расформирована по директиве Ставки Верховного Главнокомандования от 29 мая 1945 года. Личный состав бывшей 312–й стрелковой дивизии пополнил Груп-

пу Советских Войск в Германии. Но ни в дивизии, ни в частях ГСВГ, которые были укомплектованы ее солдатами, не было уже ни одного воина–актюбинца...

НАШ БЕССМЕРТНЫЙ БАТАЛЬОН

Наш поисковый отряд все последующие годы работал на местах бывших боев Калужской, Новгородской, Ленинградской и Мурманской областей России. За это время нами были найдены и похоронены с воинскими почестями останки более чем шестисот советских воинов, что по численности приравнивается к батальону. Установлены десятки имен солдат и офицеров, чьи следы в послевоенное время были потеряны. К великому сожалению, нет теперь среди нас, живущих, наших товарищей–поисковиков директора Актюбинской средней школы № 3 Амангалия Курмангалиевича Урдабаева, его ученика мастера строительно–отделочных работ Андрея Рыжкова. Пусть эта книга будет им светлой памятью. Судьба разбросала актюбинских поисковиков по городам и весям. Владимир Васильевич и Олег Рыбаки – теперь жители г.Магнитогорска Челябинской области, Виктор Алексеевич Щелин – г. Черемхово Иркутской области. Владимир Сонин и Алексей Песоцкий живут на востоке Оренбуржья – в Новотроицке и Орске. Афганец Сергей Шербин - в п. Октябрьское Оренбургской области. Павел Мельников и Александр Волков – в Подмосковье. Алексей Горобий и Анна Болотина, создав семью, стали жителями п.Парфино Новгородской области. Александр Тиссен, Аркадий и Володя Шнейдеры вернулись на свою историческую родину в Германию.

Ну, а пока этот очерк готовился в Издательском доме «Арсенал» к печати, Актюбинская еженедельная газета «Диалог» сообщила о том, что в районе села Детчино Калужской области, на берегу реки Путьинка поисковиками из школы–интерната п.Панское Малоярославецкого района под руководством Елены Николаевны Борисовой найдены и захоронены с воинскими почестями останки нашего земляка – бойца 312–й стрелковой дивизии Баки Бахурбаевича Жаулбаева. Который до сих пор считался пропавшим без вести. Племянница погибшего воина актюбинка Жумагуль Нуртазина захотела побывать на могиле своего дяди.

В детстве в Актюбинске я жил на улице Тургенева и ходил на загородную дачу через Северное шоссе. Потом эта окраинная улица промышленной зоны города была переименована в проспект 312–й стрелковой дивизии. Мне до сих пор было непонятно: а почему именно она получила такое название? Неужели в городе не нашлось улицы лучше и красивее для увековечения памяти погибших в годы Великой Отечественной войны?

Ответ на мои, повисшие в воздухе вопросы, пришел ко мне только сейчас. После завершения этого очерка. А ведь именно вдоль этого проспекта тянется железная дорога. Та самая, по которой летом 1941-го из города уходили эшелоны с людьми и техникой 312–й стрелковой дивизии. Уходили в сторону Москвы. Уходили НАВСЕГДА...

Актюбинск – Оренбург,
1995 – 2010
